

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Правительство Новосибирской области

Редакционная коллегия:

Б. Л. Аюшеев (Улан-Удэ)

А. Б. Байбородин (Иркутск)

Б. Я. Бедюров (Горно-Алтайск)

Т. Г. Четверикова (Омск)

Б. С. Дугаров (Улан-Удэ)

А. В. Кирилин (Барнаул)

Э. И. Русаков (Красноярск)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Н. М. Закусина (Новосибирск)

Е. Ф. Мартышев (Новосибирск)

А. Ф. Косенков (Новосибирск)

В. С. Никифоров (Новосибирск)

Владимир Титов (ответственный секретарь)

Виталий Сероклинов (зав. отделом прозы)

Марина Акимова (зав. отделом поэзии)

Михаил Косарев (зав. отделом критики)

Дмитрий Рябов (зав. отделом публицистики)

5/2016

Главный редактор: М. Н. ЩУКИН

Содержание

ПРОЗА

- Сергей КУЗИЧКИН. Наташа и менестрель.** Повесть.3
Наталья РОМАНОВА. Книга. Рассказ.67
Клуб «Амальтея»
Роман ГЛУШКОВ. Подпольщик. Рассказ.88
Алексей ГРАВИЦКИЙ. Живая музыка. Рассказ. 102

ПОЭЗИЯ

- Олег КОПЫЛОВ. Сезон Сезанна.** Стихи.65
Вадим ЯРЦЕВ. Прощание с Союзом. Стихи.81
Игорь ФЕДОРОВСКИЙ. С черного хода. Стихи. 121

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Переписка Н. Н. Яновского
и В. П. Астафьева. 1980—1991. Окончание.** 125

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Константин ГОЛОДЯЕВ. Власть против народовластия.** 151

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Алексей ГОРШЕНИН. «Другая жизнь»
Александра Заволокина.** 162

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- Издано в Сибири.** 179

Картинная галерея «Сибирских огней»

- Павел МУРАТОВ. Один из старейших.
Николай Петрович Хомков.** 186

- Авторы номера** 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Мининформпечати РФ. Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г. Главный редактор, директор-руководитель ГБУ «Редакция журнала «Сибирские огни» М. Н. Щукин.

Сергей КУЗИЧКИН

НАТАША И МЕНЕСТРЕЛЬ

П о в е с т ь

Воблой местные остряки называли Наташу — худую молодую женщину, если присмотреться, даже несколько стройную, потому кажущуюся высокой. Наташа жила одиноко с пятилетней дочуркой Настенькой на первом этаже кирпичного двухэтажного дома, в квартире, доставшейся ей от заблудившегося по жизни мужа. Муж был свободным художником, легко сходился с женщинами, легко вступал с ними в брачные отношения и так же легко оставлял их вместе с новорожденными чадами, но не забывал аккуратно платить алименты. Наташа была одной из таких жен художника, не то второй, не то третьей, ничем особенным не отличалась от других избранниц живописца и даже, по ее собственному мнению, во многом проигрывала им и умом, и образованием, и фигурой. Но почему-то двухкомнатную квартиру в центре районного центра и недалеко от автостанции, что немаловажно, вконец заблудившийся и запутавшийся в женщинах рыцарь холста и кисти оставил именно ей.

Почему так произошло? Как случилось, что Наташа вначале вроде бы удачно вышла замуж, а потом, через очень короткое время, стала матерью-одиночкой?.. Наташа стала задумываться над этими вопросами, когда Насте исполнилось года полтора. Находясь в отпуске по уходу за ребенком, она, успокоив и укачав развитую не по возрасту дочку, сидя у экрана телевизора, ловила себя на том, что не следит за героями телепередач и фильмов, а размышляет и думает, что придет то время, когда нужно будет сказать ребенку об отце. Что же она скажет? Не про космонавтов же...

Осенними и зимними вечерами Наташа все чаще и чаще думала и о том, что ее судьба, как это бывает в России, напоминает в чем-то судьбу матери. Мать ее, Антонина Кузьминична, всю жизнь жила в небольшом селе под названием Казанцево. Наташа вспоминала теплые вечера холодных зим, когда они, дети, сидели у горячей стены, в небольшом закутке за жарко топившейся печкой, читали вслух сказки или учили уроки, а мама, глядя на них, говорила: «Сироты вы мои казанские...»

В прямом смысле сиротами назвать их было нельзя. Единственный отец всех троих детей был жив и, на первый взгляд, даже здоров. Жил он отдельно от семьи, в небольшом домике, у своей старенькой матери, на другой улице села. Бывало, прогуливался и мимо их дома, даже останавливался и заговаривал с матерью у калитки, но в дом никогда не заходил и детей, в отличие от бабушки, гостинцами не угощал. Наташе со временем стало известно, что отец ее был в молодые годы не последним парнем на селе. Работал кузнецом в совхозной мастерской. После службы в армии уезжал в город, но вернулся. До того как жениться на Антонине Кузьминичне, привозил из города невесту, но та не смогла привыкнуть к сельской жизни и, погостив недолго, уехала из Казанцева навсегда.

Родители жили вроде бы неплохо: у отца даже был мотоцикл с коляской. Первой родилась Наташа, через полтора года ее сестра Люба, еще через два — долгожданный сынок Коля. Но вот однажды нашла на папу блажь не блажь... В общем, познакомился он как-то в райцентре с сезонными рабочими, приехавшими к ним в глубинку на заработки аж из-за Карпатских гор. Гуцулы рассказали ему, что трудятся по договору в химлесхозе, собирают смолу с хвойных деревьев и эта таежная слеза-живица приносит им за три месяца работы тысячу, а то и поболее рублей. Молодому тогда еще Наташиному родителю тысяча рублей казалась облачно-недосягаемой суммой, и возможность заработать ее за одно лето подвигла сельского кузнеца оставить почетную на селе работу, отбиться от уговоров директора совхоза и, попросившись с женой и поцеловав детей, уехать в тайгу на сбор живицы с бригадой закарпатцев. Тысячу рублей отец действительно заработал и вторую корову, обещанную матери, для семьи купил, но вернулся из тайги уже другим человеком: говорил, что наконец-то понял, что такое жизнь, что разгадал ее вечную загадку, познакомился со знающими людьми и будущим летом поедет сплавать лес по реке от заготучастков до деревообрабатывающего комбината, зарабатывает уже не тысячу, а две или даже две с половиной.

Всю зиму он не жил, а маялся в ожидании весны. А весной, в конце апреля, собрал небольшой чемоданчик и, сказав на этот раз супруге лишь «пока», отбыл в сторону большой воды. К семье он больше не вернулся. И дело здесь не в том, что встретилась ему другая женщина и прибрала к себе мужика с деньгами, нет. Все произошло гораздо проще и даже банальнее, но и трагичнее, чем можно себе представить. На этом самом сплаве, скорее всего по неопытности, сорвался Наташин отец с плота, ударился головой о проплывающую лесину и чуть не ушел ко дну. До дна ему дойти не дали, спасли, откачали, увезли в больницу, но, когда больной пришел в себя, оказалось, что память ему проплывающим по реке деревом отшибло. Не всю, но основательно. Как говорил один из героев фильма «Джентльмены удачи», тут помню, тут не помню. То ли по аналогии с другим популярным в те годы фильмом, то ли еще по каким причинам, но прозвали в больнице неудачного сплавщика Водолазом.

Прозвище это пришло вслед за ним и в родное село, название которого Водолаз почему-то хорошо помнил. Узнавал он и свою мать, и название улицы, и номер родительского дома тоже вспомнил, а вот жену и детишек узнавать не хотел и дом, где был хозяином, не признал.

Получив инвалидность, он стал жить в доме матери. Из дома выходил редко, а когда бродил по селу, никого не узнавал и ни с кем не здоровался. Но иногда, видимо в минуты светлых проблесков ума, Водолаз останавливался вдруг на улице кого-то из односельчан и начинал говорить о погоде, видах на урожай в полях и огородах, о борьбе со снегом на дорогах района и о том, устоит ли Куба против Америки. Минуты просветления сознания у Водолаза были недолгими, и он прекращал общение с народом так же резко, как и начинал. К причудам этим бывшего кузнеца в селе постепенно привыкли. Агрессии «больной на голову» (это еще одно прозвище, которое дали сельчане Наташиному родителю) не проявлял, а иногда высказывал очень даже умные суждения. Многие его охотно слушали, некоторые даже с интересом и вниманием, и искренне жалели, что речь Водолаза была недолгой. Раза два-три в год бывшего кузнеца и неудавшегося сплавщика возили на обследование в районную или краевую больницу. Иногда оставляли на месяц-другой в лечебнице, но всегда возвращали на малую родину. Несколько раз в числе сопровождающих бывшего мужа в столицу края была Наташина мать. Водолаз ее даже стал выделять среди других, но женой не признавал. На собственных детей он по-прежнему не обращал никакого внимания.

Оставшись без мужа, Антонина Кузьминична одну корову продала. И хоть было ей, работающей на ферме, тяжело одной с тремя чадами, никаких попыток привести в дом нового кормильца она не делала. А когда в совхозе предложили отдать дочек в школу-интернат, она долго отказывалась. И лишь когда девочки подросли и стали рассуждать как взрослые (Наташа пошла в пятый класс, а Люба в третий), мать, посоветовавшись с ними, решила перевести детей на учебу в райцентр.

В интернате у девочек, во многом схожих характером, стали проявляться видимые различия. Худенькая, ростом выше некоторых мальчишек Наташа была малообщительна, часто стеснялась даже спросить что-то лишней раз, уроки делала всегда сама, никому не надоедая. Ей поручали выполнять какую-нибудь общественную работу, от которой другие отбреживались. Она не отказывалась. Никогда не отказывалась от общественных дел и Люба. У младшей сестры неожиданно проявился организаторский талант, ее выбрали сначала звеньевой в своем классе, потом членом школьной дружины, а когда училась в восьмом, ей, едва приняв в комсомол, доверили место комсорга школы. Уже в те годы она заметно расцвела и похорошела, и в компании школьного комсомольского секретаря можно было видеть молодых учителей-мужчин и инструкторов из райкома. Любе прочили большое будущее и университет. Но она, неожиданно для всех, сразу после школьных экзаменов вы-

шла замуж за вернувшегося только что из армии совхозного паренька, водителя директорской «Волги», и пошла работать к матери на ферму. Но разбуженную в ней в интернате общественницу было уже не остановить: через полгода Люба выбилась в заведующие фермой, через год родила сына, но дома не усидела, вышла на работу. Должность заведующей совмещала с работой в профкоме, а еще через год поступила на заочное отделение сельхозинститута и (в двадцать лет!) была избрана депутатом районного совета.

Жизнь же старшей сестры не была такой бурной. После восьми классов Наташа поступила учиться в сельскохозяйственный техникум. Техникум был специфический. Находился он не в краевом центре, как большинство подобных ему учебных заведений, а в небольшом городке, и учили там не на агрономов, ветеринаров или животноводов, а выпускали специалистов по переработке зерна. Там, в этом городке, в техникуме, вернее в общежитии техникума, и произошла у Наташи первая ее любовь. Произошла — не больше и не меньше. Такой же худой и высокий студент Витя не любил физкультуру, как и Наташа, и однажды во время урока физвоспитания Наташа с Витей оказались не в спортивном зале, а в скверике возле общежития. Если говорить откровенно, то этот хляк Витя не был героем Наташиного сердца. Но он был первым, кто обратил на нее внимание и оказался настойчив в стремлении к своей цели.

Очутившись рядом на скамеечке, молодые люди разговорились. Вначале их объединила общая нелюбовь к занятиям физической культурой, а потом... Потом выяснилось, что Витина семья сродни семье Наташи. Разница в том, что Витина мать-одиночка воспитывает двух старших сыновей и маленькую дочь, а Витя в семье старший ребенок, но не главный: вся инициатива в доме принадлежит его брату-вундеркинду, который хоть и помладше Витька на год и учится только в десятом классе, но уже мнит себя чуть ли не академиком, а главное, командует всеми и всем. Это по его совету мать выпросила направление в совхозе и Витю отправили на учебу в техникум. Отправили как в ссылку, против его воли.

— А я зубным врачом хотел стать, — сказал Витя Наташе, едва сдерживая слезу.

— А я — воспитателем в детском саду, — призналась ему Наташа, ведь и она только по настоянию младшей сестры поступила в техникум.

Наташе стало жалко Витю, Витя пожалел Наташу. После откровенных признаний на скамейке общежитского сквера они подружились. Витя стал даже приходить к Наташе (студенческое общежитие состояло из двух отдельных корпусов, для юношей и для девушек), несколько раз приглашал ее в кино и танцевальный клуб. И как-то однажды, ближе к ноябрьскому празднику, он пришел в ее комнату с бутылкой вина, сказав, что у него день рождения и что он прошел мимо вахтерши незамеченным.

Перед праздником в общежитии народу было немного, Наташа в комнате сучала одна и обрадовалась гостю. В тот вечер она впервые вы-

пила крепленого красного вина, и голова у нее закружилась. Первый поцелуй и первая близость тоже случились тем ноябрьским вечером и не принесли ни радости, ни страсти, ни восторга. Двое молодых людей целовались неумело, не говоря уже о чем-то более серьезном. Разочарование было обоюдным. Когда же после смеха и предвкушения счастья наступила неловкость и даже раскаяние в содеянном, Витя поспешил уйти, не допив вина, а Наташа проплакала до утра, решив больше никогда не иметь дела с мужчинами. Утром, встретившись с Витей в коридоре техникума и видя, как он, молча кивнув ей, отвел взгляд, Наташа еще больше укрепила себя в принятом решении.

Еще более крепкой стала мысль о неприятии в своем сердце мужчин после того, как на бедную Наташу напал озабоченный решением полового вопроса тридцатилетний мужик, оказавшийся впоследствии чуть ли не дальним ее родственником. Наташа тогда проходила практику на мелькомбинате в родном районном центре, жила в Доме колхозника и работала до позднего вечера. Обычно вечернюю смену в период уборочной страды развозил по домам комбинатовский пазик, но автобус задержался на полевом стане, и студентка-практикантка решила пойти до места своего квартирования пешком, что уже не раз делала, хорошо зная короткий путь. Шла через околок, небольшую березовую рожицу, и вот там, среди молодых пожелтевших и облетающих листвою березок, и подкараулил ее этот охотник, повалил на павшую листву. Хватило тогда у семнадцатилетней девчонки ума-разума, не впала она в панику, а применила изворотливость и открыла в себе умение убеждать. За короткое время словесно-силового единоборства стороны успели выяснить, что их матери являются хорошими знакомыми, чуть ли не родственницами. Дитина охотник вмиг охотку на сближение с родственницей потерял, стал извиняться и даже проводил объект своего недавнего посягательства к месту временного жительства.

Наташа о своем вечернем приключении никому не рассказала, но на мужчин после этого старалась не смотреть совсем. И не смотрела. Почти целый год. А через год после окончания учебы на ее жизненном горизонте возник свободный художник. И вся Наташина неприязнь к мужчинам в один миг пропала.

* * *

Они встретились на автовокзале. Свободный живописец не был в то время еще до конца свободным, но уже стремился к этому изо всех сил. Не был он тогда и известным на весь район, а числился штатным художником конторы кинофикации, в рабочее время писал афиши для кинотеатра и Дома культуры, а в нерабочее — оформлял по заказу разных предприятий стенды и рисовал стенные газеты. А творчеством для души, а не для денег, пейзажным и портретным, занимался исключительно дома.

Одним осенним ноябрьским угасающим деньком, когда снег уже лег на землю и на уличной площадке автостанции стало холодно поджидать автобус до Казанцева, Наташа зашла погреться в здание автовокзала. Народу почти не было: три-четыре человека сидели на жестком диванчике да какой-то шустрый паренек, взобравшись на стремянку, норовил над окошком кассы подцепить на гвозди за петельки расписание движения автотранспорта. Подцеплять одному было неловко: щит размером метр на полтора то и дело качался в руках паренька, он терял равновесие, раскачиваясь на лестнице, и петельки на гвоздики не попадали.

Потом, не один раз вспоминая встречу с будущим мужем, Наташа не могла объяснить ни себе, ни кому-то другому, почему она, уже имея билет на руках, подошла к окошечку кассы и, что самое необъяснимое, вдруг предложила парню:

— Может, вам помочь?

Он посмотрел на нее с высоты двух ступенек стремянки, улыбнулся и сказал просто:

— Помогите.

Общими усилиями они быстро водрузили вывеску на отведенное для нее место. Паренек поблагодарил помощницу, убрал стремянку в подсобку, а потом, подсев к ней на деревянный диванчик, спросил улыбаясь:

— А вас как звать?

— Наташа... — сказала она уставшим голосом, давая понять, что у нее нет никакого желания знакомиться.

— А меня — Саша, — сказал паренек, все еще улыбаясь, и, не давая ей возможности ни что-либо сказать, ни даже подумать, сразу продолжил: — Везет мне на Наташек. У меня жена была Наташа, дочь Наташа, недавно познакомился с одной преподавательницей из училища — и ее зовут Наташей... Вот и вы — Наташа.

— Ну и что? — спросила она.

— А то, что в этом что-то есть: Саша — Наташа, Саша и Наташа, Саша плюс Наташа... Мне часто попадались семейные пары с такими именами. А еще... Сергей и Лена — часто сочетания бывают. У меня и друзья, и родственники есть такие. По моему наблюдению, Сергей с Ленами чаще лучше живут, чем Саши с Наташами. Браки у них крепче. А вот Сашам и Наташам чего-то не хватает в отношениях...

Чего не хватило в отношениях с ней художнику Саше, она не поняла ни год спустя, когда они расстались, ни после. Несмотря на такой поворот событий, Наташа осталась в душе благодарна бывшему мужу. За то, что с ним научилась легче смотреть на жизнь, за то, что он помог ей преодолеть ее закомплексованность, заставил испытать трепетные чувства любовного ожидания и ревности. За то, что подарил ей Настю и благородно при расставании оставил им с дочерью квартиру. За год жизни с художником она испытала столько чувств, стрессов, волнений и, в меньшей степени, радостей, сколько не испытывала до этого никогда.

Именно тогда, на автостанции районного центра, что теперь видна из окна, началась новая страница ее жизни. Новая глава или даже новая часть ее жизненной повести. И первый ее настоящий любовный роман. Но это все произошло позже, быстро и стремительно. А начиналось на закате короткого ноябрьского дня на скамейке автостанции. И начиналось тоже стремительно. За каких-то полчаса, пока они ожидали автобус до Казанцева, художник так заговорил Наташу, что она полностью потеряла ориентиры. Он говорил связно, складно, а главное, безостановочно. Одновременно исповедовался, философствовал и дарил ей комплименты. Никогда еще в жизни Наташе не встречался человек, так запросто рассказывающий о своих жизненных неудачах, превращающий на глазах свои недостатки в достоинства, а достоинства выдавая за недостатки.

— Конечно же, я любил свою жену, — признавался Саша. — А что ее не любить — она была первая красавица в своем задрипанном поселке. За ней все колхозные кобели табунами ходили. А она им всем улыбалась, глазками стреляла. Может, кого и обнадеживала. Ну и я вначале в хвост хотел пристроиться, а потом думаю — что мне канитель разводить? Времени у меня мало, я к ним приехал клуб оформить. Взял да нарисовал ее портрет от нечего делать. По памяти. Что очень редко, кстати, делаю. Сходства портрета с оригиналом было мало, но чувств, вложенных в холст и краски, сто-олько оказалось... И она это оценила. Поулыбалась еще немного для отвода глаз и со мной уехала. Сначала у матери жили моей, и все нормально было. Я в гору пошел. Отработал районную партконференцию, нарисовал им в райкоме то, что они хотели, плакаты там разные, и меня тогда по достоинству оценили. Как только Наташка родилась — сразу районный отдел культуры квартиру дал в новом доме, вот тут, недалеко от автостанции. В этой квартире потом и начались выяснения отдельных обстоятельств...

И Саша стал рассказывать об обстоятельствах, которые привели к распаду его семьи. По его словам выходило, что в жену-красавицу влюбились сразу все мужики окрестных двухэтажек, буквально проходу не давали. Но она держалась стойко. Держалась долго, почти полгода, и только когда он уехал в командировку на целый месяц...

— Она как-то гуляла с дочкой по улице и одноклассника встретила. Он агрономом в сельхозуправлении работал. У них, как потом оказалось, еще со школы любовь была. Ну и не удержалась Наташа, молодость вспомнила. Привела его к себе, к нам в квартиру, и оторвались они там... как хотели. Потом я приехал, а у них любовь продолжается, остановиться не может... Наташка сама мне все рассказала. Понимаешь?.. А мне как-ково было!.. Дочку жалко... Я бы простил ее, раз сама призналась: вину свою чувствовала, совесть ее мучила... Я же тоже не святой был. С одной дело аборт закончилось. Тоже Наташей звали, позировала мне, когда я «Девушку и море» рисовал. Ну ладно, сейчас не об этом... Не захотела. Я, говорит, Вовика люблю, всегда любила... и прощения твоего мне не

надо. Ну не надо так не надо. Собрала вещи. Вовик за ней на папиных «жигулях» подкатил, и уехали они в родной колхоз, в ту самую тмутаракань, откуда я эту кралю привез. А знаешь, как мне обидно сначала было!.. Я даже плакал. Никогда со мной так еще женщины не поступали... А потом успокоился, подумал: может, это и к лучшему? И для нее, и для меня. Кто я? Не известный никому живописец. Маляр, рисующий афиши и плакаты. Еще неизвестно, способен ли я прокормить семью. А Вовик — главный специалист, перед жизнью ставит реальные цели... Вот живу теперь один, третий год уже пошел... Правда, раз чуть не женился заново. Продавщицей одной увлекся. Молодуха одна приехала после училища. В гастрономе у нас работала. Хотел даже ее на квартиру к себе взять, да вовремя остановился. У нее на уме... не понять что. Песенки поет какие-то детские... Мультки любит смотреть по телевизору. Говорить с ней просто не о чем. Другое поколение уже выросло, пока я картины писал... А может, ничего у нас с ней не получилось, потому что ее не Наташа звали, а Лариса. Лорочка-Лариса...

Художник Саша засмеялся, в лазурных его зрачках отразились веселые огоньки зажженных на автовокзале лампочек, и Наташа, сама того не желая, улыбнулась. Она так и не поняла, правдивую историю рассказал он ей или все придумал на ходу, чтобы обратить на себя внимание. Еще больше растерялась она, когда Саша махнул рукой и сказал:

— Ну да ладно, что было, то было, — неожиданно взяв ее руку. — Знаешь, что... пойдём ко мне. Мне сейчас очень нужно, чтобы кто-то рядом был. Ты человек, я вижу, добрый. Помочь людям всегда готова. Мне лицо твоё понравилось, я хочу портрет твой написать.

И, снова не давая ей ни опомниться, ни проронить ни слова, он начал рассказывать ей о художниках, об одиночестве творцов и нелегкой, почти человеческой судьбе их творений.

— Знаешь, как важно художнику, чтобы его понимали! Чтобы кто-то мог его оценить, мог ему подсказать, туда ли он идет, то ли рисует... Это так необходимо!..

Наташа ничего не знала про жизнь художников, но, слушая сидевшего перед ней творца, уже хотела ему верить и, сама того до конца не сознавая, была готова попробовать его понять. Он это заметил и, улучив минутку, коснулся ладонью ее щеки, поправил спадавший на глаза локон волос.

— Пойдем ко мне... — Он прошептал это ей тихо, касаясь губами кончика ее уха.

Она не отодвинулась от него и сказала еще тише, чем он:

— А как же билет? Мне ехать нужно...

Билет он сдал кассирше в два счета. Они вышли с автовокзала, когда подкатил казанцевский пазик. Постояв положенное время и забрав немногих пассажиров, автобус ушел без Наташи, точно по расписанию, которое висело теперь над окошком кассы.

А дальше... Дальше попавшая под влияние гипнотических чар художника Наташа вела себя смиренно и послушно. Они пили вино на кухне его квартиры, и он показывал ей свои картины и эскизы. Он целовал ей руки и волосы, гладил колени и говорил, говорил, говорил...

Наташа уже не понимала его слов, сознание отказывалось ей подчиняться. Она плыла по течению жизни навстречу неизбежной судьбе, в объятия мужчины, который должен был стать ее мужем. Она чувствовала, что не уйдет отсюда до тех пор, пока не произойдет что-то важное, потому, когда он предложил ей принять ванну, покорно взяла из его рук полотенце, а когда он молча расстелил постель на двоих в маленькой комнате, разделась не говоря ни слова и легла.

На другой день они вместе приехали в Казанцево и Александр в присутствии Антонины Кузьминичны, Любы и ее мужа сделал официальное предложение Наталье. В первый же будний день молодые люди в сопровождении двух совершеннолетних свидетелей отправились в районный отдел записи актов гражданского состояния, где подали заявление о заключении между ними брачного союза. Художника в загсе хорошо знали, и он договорился, чтобы их расписали не через месяц, как положено, а пораньше. Ему пошли навстречу, и через десять дней после исторической в жизни жениха и невесты встречи на районном автовокзале они стали мужем и женой. Свадьбу гуляли три дня: два в райцентре и один в Казанцево. В деревне народу нашло в дом Антонины Кузьминичны раза в три больше, чем в районном центре. Приходила и бабушка невесты — мать папы Водолаза. Сам же папа так и продолжал пребывать в неведении, и в день свадьбы его дочери никто в поселке не видел, чтобы он выходил из дому.

Отношения между Сашей и Наташей оставались бархатными почти все время их семейной жизни. Художник по природе своей не был грубым человеком, ругаться не умел. Злился тоже неумело... да и недолго. К столовым разносолам, которыми Наташа вначале пыталась его удивить, отнесся спокойно, без эмоций, и довольно скоро молодая жена, исчерпав свою кулинарную фантазию, ограничила меню до щей, пельменей и салатов.

Первое и сразу осязаемое покушение на совместную жизнь новобрачных состоялось ровно через две недели после их свадьбы. Около полудня, когда они, только позавтракав, стали наклеивать обои в зале, в прихожей раздался звонок. Открыл Саша — и застыл в нерешительности. Громко играл подаренный к свадьбе молодым магнитофон, но даже музыка и зычный голос певца Рената Ибрагимова, который пел, что будет вечно молодым, не могли заглушить нарастающего из коридора шума. С громкими ругательствами в квартиру ворвалась небольшого роста полненькая дамочка. Она называла художника подонком и мразью, искателем дешевых девок-колхозниц и без конца повторяла, что ждет ребенка.

— Я уже три месяца как беременна, а ты себе жену завел?! Ты что, совсем без ума?! У нас же ребенок будет, а ты расписываешься с этой колхозницей! Ну нет, я вам жить тут не дам! Воспользовался тем, что я на учебу уезжала, быстренько нашел себе простушку — и в загс?! Молодец! А я как? Побоку?.. Только ты, милоч мой, просчитался. Я на алименты подам. Посмотрим, как ты запоешь, когда тебе присудят два по двадцать пять! И она от тебя тут же сбежит. Сбежит, дурочка! А отказываться от ребенка начнешь, я на экспертизу подам... и свидетели есть, что мы с тобой как муж и жена жили. Найдутся!

Дамочка металась из прихожей в зал и обратно, толкала в бок Наташиного мужа, подбегала к Наташе.

— А ты кто? Кто ты?! — кричала она разъяренно в лицо молодой жене. — Ты что, не знала, что он уже был женат, что платит алименты одной? Теперь будет платить второй. А на твоих детушек уж денег не останется. Так что не думай заводить...

Наташа не проронила ни слова. Ее подсознание с первой встречи с художником слабым импульсом подсказывало, что откровенный вроде бы Саша что-то недоговаривает, что-то скрывает от нее важное. И вот теперь выяснилось, что именно.

Сколько бы продолжалась буря в квартире молодоженов, сказать трудно. Но вскоре на шум стали сходитья проводившие дома выходной соседи. Спустилась сверху любительница тишины корреспондентка районной газеты пятидесятилетняя Валентина Петровна, пригрозила вызвать милицию, и все сразу утихло. Хлопнув дверью, убежала бывшая подруга художника, разошлись по квартирам соседи. Остались он и она. Она молчала. Стояла у окна в зале с клейстером в руке, а сознание ее медленно завоевывала мысль о том, что счастья ей с художником не видать, что Саша никогда не будет принадлежать только ей. Но сердце было спокойно, душа не рвалась из груди, слезы не подступали к глазам. Она по-взрослому приняла все как неизбежное и предначертанное ей судьбой.

Первое покушение на совместную жизнь молодоженов внешне ничего не изменило в их жизни. Саша попытался что-то объяснить Наташе, начал было извиняться, но она его перебила, сказав тихо и коротко:

— Не надо... — и он замолчал.

Она его ни о чем не расспрашивала и в дальнейшем. От людей позже узнала, что маленькая дама была той самой подругой, о которой говорил в день знакомства художник: работала она преподавательницей эстетики в местном СПТУ и звали ее, как уже догадался читатель, Наташей. Не задавала жена мужу лишних вопросов и потом, когда он уезжал куда-то на сутки, двое или даже на неделю. Она волновалась, не спала ночами, переживая за художника, к которому, несмотря ни на что, все же питала чувства, а когда он возвращался, в душе радовалась и ждала близости. Через полгода после первого покушения на семейную жизнь произошло второе: наступало время родить преподавательнице СПТУ, и за неделю

до того, как уйти в роддом, она пришла с вещами к ним на квартиру, заявив, что будет жить у них. И жила несколько дней, заняв маленькую комнатку.

О том, как складывались отношения двух Наташ и Саши, можно рассказывать несколько часов подряд или даже написать любовный роман страниц на семьсот. Но мы не будем делать этого. Ибо художник — далеко не главный герой нашего произведения. А главный находится за тысячу километров от райцентра, где живет теперь Наташа. Он живет пока своей интересной жизнью, не подозревая о нашей героине, не зная и не ведая, куда приведет его скоро судьба-судьбинушка. Скажем лишь, что через год, когда обе Наташи принесли по дочери, рыцарь холста и кисти не вынес такой нагрузки и бежал от обеих женщин. Официально его отъезд побегом не казался. Он уехал якобы учиться в художественное училище. И, говорят, действительно какое-то время там учился. Но уже через несколько месяцев люди, в числе которых была корреспондентка районной газеты, поведали обеим Наташкам, что видели Сашу на художественной выставке в сопровождении одной шикарной особы. А еще через некоторое время, когда на свет родилась Настя, Саша прислал Наташе длинное письмо, в котором просил дать ему развод в обмен на квартиру и обязанность регулярно выплачивать денежное пособие на содержание дочери. Наташа не стала препятствовать мужу. И тридцатилетний мужчина вскоре оформил третий официальный, не запрещенный законом брак, на этот раз в городе. Его избранницей стала молодая художница, дочь известного в крае культурного деятеля. Как ее звали, думаем, читатель догадался без нашей подсказки...

Вот так Наташа осталась жить одна в квартире в центре районного центра. Работала, воспитывала Настю, ездила в Казанцево к матери и сестре. Набравшее было вес в замужестве и беременности тело ее вновь выглядело похудавшим. Вот тогда и загуляло среди местных балагуров ее прозвище — Вобла. Да, она была худа, со слегка впалыми щеками, с плоской, ребристой, словно лист шифера, грудной клеткой, и могла бы, наверное, спрятаться за ручку швабры, но ни разу это сделать не пробовала, хотя имела дело с половой орудием труда почти ежедневно, потому что работала нянечкой в детском саду.

Вот что пока нужно знать читателю о Наташе. Все остальное он узнает из нашего дальнейшего повествования.

* * *

Кличку Шуруп Андрею дали еще до службы в армии его друзья из вокально-инструментального ансамбля «Орфей». Было это лет семь-восемь назад, далековато от мест, о которых пойдет наш рассказ, — более суток езды на восток на поезде дальнего следования. В то время Андрей, окончив школу, учился тренькать на гитаре в ДК железнодорожников,

но, быстро поняв, что виртуозом ни на шести, ни на семи струнах ему не стать, начал солировать голосом на танцевальных вечерах, ловко перебрасывая микрофон из правой руки в левую и обратно. Здесь он добился больших успехов, вскоре став любимцем молодежи. Особенно балдели семнадцатилетние девчонки, когда он пел на танцах:

А ты опять сегодня не пришла,
А я так ждал, надеялся и верил,
Что зазвонят опять колокола-а-а-а
И ты войдешь в распахнутые двери...

Или: «Ты придешь — сядешь в уголке, подберу музыку к тебе...»

Сделавшись популярным, Андрей стал ходить в черном костюм-троечке, с бабочкой и в черной шляпе. Верх шляпы, вбивая вовнутрь, он делал не пирожком, как положено по моде, а пилоткой и надвигал почти на глаза. Так и ходил повседневно, так и пел на эстраде, держась уверенно, без эмоций и модных ныне выкрутасов и дерганий. Был он небольшого роста, и если во время выступления кто-нибудь глянул бы сверху на солиста, то сходство с шурупом обнаружить, при определенной фантазии, мог. И обнаруживал.

Как известно, правда, весьма узкому кругу, слава — девка не только капризная, но иногда и колючая. И вот однажды в самом начале очередного молодежного вечера в зале кто-то выкрикнул:

— Шуруп, давай «Колокола»!

И пошло-поехало.

Как мы знаем, случилось это несколько лет назад в тысяче километров на восток от описываемого населенного пункта. А в этом населенном пункте, о котором пойдет речь, о кличке Андрея никто не знал, как не знал никто и его самого.

С того самого дня, когда Андрей однажды вечером получил кличку Шуруп, до другого, когда объявился в районном центре, где проживала Наташа-Вобла, прошло лет семь, от силы восемь. Где только не пришлось побывать за эти годы Андрею... Во-первых, в армии. А во-вторых...

После того как не смог он покорить сердца членов приемной комиссии в театральном училище и Мельпомена отвернулась от него, загребли Андрюшеньку в вооруженные силы. Служил в музыкальном взводе, выучился играть на баяне и продолжал петь в армейском ансамбле. За два года к боевому оружию прикасался только один раз — когда принимал воинскую присягу. В общем, как говорил о нем впоследствии отчим, «пропел два года». Андрюша о годах, проведенных на службе, не жалел и не считал их потерянными, как некоторые из его однополчан-музыкантов: на мир посмотрел, на людей, жизненный опыт приобрел.

После армии вернулся он в родной свой ДК железнодорожников, поступил заочно в культурно-просветительное училище, сколотил новую музгруппу из молодых ребят, назвав ее «Паровоз», и с головой окупнулся в

работу. Дав несколько концертов на танцевальных вечерах и в стенах ДК, он вдруг ощутил репертуарный дефицит. Недостатка в песнях, которые он принимал и понимал и которые исполняли известные певцы, у него не было, но хотелось что-то свое, новое, необычное, и он, подключив к работе слепого от рождения музыканта Геру, сорокапятилетнего мужика, работающего в Доме культуры и иногда подыгрывающего «Паровозу» на танцах, принялся творить, выдумывать и пробовать. Творческий процесс происходил следующим образом: Андрей сочинял стихотворение и пытался его напеть Георгию, тот улавливал мотив, наигрывал мелодию на рояле. Если, по мнению обоих, получалось, Гера дорабатывал, доводил сочинение до ума, и в тот же день музыканты начинали репетировать новую песню. Нередко премьера проходила уже в ближайший выходной, под одобрительные крики кайфующей под музыку молодежи.

Через год-полтора после прихода Андрея из армии и образования ВИА состоялся областной конкурс вокально-инструментальных ансамблей, на котором «Паровоз», управляемый Шурупом, на всех парах подкатил к первой премии и, выпустив пар, вернулся домой с триумфом. Пятеро парней-музыкантов и слепой Гера, переживавший за ребят дома, после успеха стали национальными героями городка. Их групповой портрет напечатала городская газета, фотографии «паровозников» были вывешены в фойе Дома культуры, в их честь устроили прием в городском отделе культуры и горисполкоме. Имел с ними беседу даже первый секретарь горкома партии, который, как бы между прочим, посоветовал название «Паровоз» сменить хотя бы на «Локомотив», на что Андрей заметил, что паровоз — чугунно-стальная машина пролетариата, который они имеют честь представлять на эстраде, и напел:

— Наш паровоз, вперед лети — в Коммуне остановка!

Было видно, что секретарь несколько смутился в ответ на эту реплику, но ничего не сказал, лишь слегка покашлял, еще раз поздравил с удачей, пожелал успехов в творчестве и поспешно попрощался.

А «Паровоз» стал готовиться к поездке на зональный российский конкурс ВИА. Андрей был уверен в успехе: он включил в репертуар группы уже забытую песню Валерия Ободзинского «Льет ли теплый дождь», которая на ура прошла на последнем концерте в ДК. Работа кипела, ребята горели, начальство и власти денег не жалели, пообещав в случае успеха в конкурсе каждому из участников ансамбля, включая слепого Геру, предоставить по трехкомнатной благоустроенной квартире в лучшем районе города, а также обновить музыкальные инструменты на все сто процентов. Группа, особенно Андрей, жила предвкушением успеха, и чувствовалось, что успех этот неизбежен, «Паровоз» не пройдет мимо станции с названием «Победа».

Но судьба, как и слава, вещь непредсказуемая и капризная. Квартира, которую пообещали Андрею, была бы кстати: он собирался жениться. Еще до службы в армии он был знаком с Катей, лет на пять помладше его

девчушкой, дочерью начальника охраны ремонтного завода. Когда Андрей уходил в армию, Катя училась в восьмом классе. Вернувшись, он застал ее, белокурую и неотразимую, сочную и живую, студенткой второго курса городского медучилища. Катя постоянно посещала танцы и концерты, на которых играл «Паровоз». Обычно ее приглашали на танец, но чаще она стояла с подругой возле одной и той же колонны в танцевальном зале и слушала, как поет Андрей. Он это заметил, чутье ему подсказало, что Катюша отнюдь не равнодушна к нему, и в один из вечеров объявил по микрофону, что новая песня посвящается Кате. В зале захлопали, а Катя смутилась и ушла, не дождавшись конца вечера.

Неделю Катя не показывалась, а затем Андрей подкараулил ее возле медучилища и пригласил на репетицию. Катя пришла, потом еще раз и еще... Они начали дружить. И подружились: через три месяца после посещения первой репетиции «Паровоза» Катя объявила Андрею, что залетела. Объяснение молодых произошло сразу после очередного танцевального вечера, и Андрей долго успокаивал Катю, утверждая, что это надо было предвидеть, ничего страшного нет, в ближайший выходной он отправит мать с визитом к Катиным родителям, та засватает Катю за Андрея, а потом они подадут заявление в загс.

Однако Катя не успокаивалась, не зная, как объяснить все родителям и в училище, ведь при поступлении с нее взяли клятву: не выходить замуж до окончания учебы. Она боялась отца, который нещадно наказывал ее с младшей сестрой в детстве за любую провинность, да и теперь спрашивал строго за малейший проступок. Дело усугублялось еще и тем, что директор училища и Катин отец были приятелями, и от дочки товарища директор училища сюрпризов не ожидал.

В общем, решили так: Катя сообщает новость родителям, они с Андреем переживают грозовую бурю, а затем мать Андрея идет сватать Катю.

В тот вечер Андрей проводил подругу до самой калитки, долго пояснял ей, как и когда выпалить родичам сообщение о том, что у них намечается внук. Они расстались во втором часу ночи, и взволнованный Андрей долго не мог заснуть, ворочался с боку на бок, раздумывая о том, как и где лучше гулять свадьбу. Как оказалось, это была не последняя его беспокойная ночь и на долгое время последняя в родительском доме.

На следующий день, часов в одиннадцать утра, едва только началась репетиция, в фойе ДК зазвонил телефон и взявшая трубку техничка позвала к аппарату Андрея. Звонил директор медучилища. Он сообщил, что Катя находится в тяжелом состоянии в городской больнице и просит, чтобы к ней позвали Андрея.

— Что с ней? — крикнул в трубку Андрей. — Отец ее избил?!

На другом конце провода раздался лишь глубокий тяжелый вздох. Через полчаса Андрей был уже в хирургическом отделении горбольницы.

В палате помимо медицинской сестры находились еще две женщины с заплаканными глазами. «Наверное, мать и сестра», — успел он подумать. Катя лежала с закрытыми глазами. Лицо и лоб ее были в синяках, губы припухли, голова забинтована. Андрей несмело приблизился к ней; женщины, сидевшие на краю кровати, приподнялись.

Катя открыла тяжелые веки и жестом руки показала на кровать. Он присел, она взяла его руку в свою — холодную и слабую.

— Живи... — прошептала она и закрыла глаза. Рука ее ослабла и выскользнула из его ладони.

— Катя-а-а! — закричала одна из находившихся рядом женщин и, оттеснив Андрея, упала на кровать, навалившись телом на дочь.

Дальнейшее Андрей помнил смутно. Из палаты его вывела медсестра, за больничной оградой поджидали ребята из группы на «жигулях» бас-гитариста Василия. Они посадили его в машину и отвезли домой.

До вечера Андрей лежал на диване, пробовал закурить, но, сделав затяжку, раскашлялся и отшвырнул сигарету, выпив пятидесятиграммовую рюмку коньяка.

Пришла с работы мать, глянув на сына, ничего не сказала и пошла на кухню готовить ужин. Андрей догадался: она в курсе. Мать сварила пельмени и окликнула его к столу. Он сначала отказался, но мать настояла, сказав, что необходимо поесть. За ужином он выпил еще одну рюмку коньяка. Мать покачала головой и сказала, что Катиного отца допросили в милиции и выпустили под расписку, что он себя виновным не признает и грозитя расправиться с Андреем. Андрей на это заявление никак не отреагировал.

После ужина он вышел на улицу, дошел до городского парка, присел на скамейку. Наступал вечер, и парк был пуст. Он вспомнил, как бродил по этим аллеям с Катей, как сидели они на скамейках. Возможно, даже на этой самой. От воспоминаний перехватило горло.

Солнце уже клонилось к закату, когда Андрей решил.

Домой он вернулся незаметно для матери, пробрался на балкон, отыскал в ящике, что остался от отца, охотничий нож, положил его во внутренний карман пиджака. К дому Катиных родителей он подошел, когда уже совсем стемнело. В окнах горел свет, было видно, как суетились люди. Андрей решительно распахнул калитку, прикрикнул на залаявшего было пса и направился к входной двери. Перед тем как войти, он достал нож из кармана, взял за край рукоятки, а лезвие спрятал в рукав пиджака.

Катин родитель и еще несколько человек сидели в зале за столом. Увидев вошедшего Андрея, отец Кати поднялся.

— Что надо?! — крикнул он резко, как кричал на тех, кто пытался пройти без пропуска через проходную ремонтного завода.

Андрей неторопливо подошел к нему вплотную, вскинул нож и саданул несостоявшегося тестя в область солнечного сплетения. Тот широко раскрыл рот, закатил глаза, захрипел и рухнул на колени. На мгнове-

ние наступила тишина — никто до конца не понял, что же произошло. Андрей повернулся и быстрыми шагами направился к выходу.

Милиционеров он ждал дома. Они приехали часа через полтора. Он был уже готов — собрал рюкзак со сменным бельем, ложкой, кружкой, чашкой. Ничего не подозревающая мать, разбуженная приходом милиции, вначале спросонья лишь крутила головой, а когда поняла, в чем дело, завывала белугой. Андрей молча обнял ее, поцеловал и направился впереди сотрудников горотдела к милицейской машине.

Катин отец остался жив. Ему сделали операцию, и все обошлось. Уголовное дело в отношении него из-за болезни отложили на неопределенный срок, и на суде он ни в чем не обвинял Андрея, на вопросы судьи отвечал рассеянно. Адвокат старался всюю, рассказывая судье и заседателям о том, кто такой Андрей и какой он хороший, что преступление было совершено на нервной почве, что подсудимого можно понять... Судья кивала головой, соглашаясь, однако, зачитывая приговор, сказала, что тяжкие телесные повреждения нанесены потерпевшему были и суд приговаривает обвиняемого к четырем годам лишения свободы.

* * *

И покатила для Андрюшеньки другая жизнь.

Первое время было трудно, особенно в тюрьме, когда четыре стены, ограничивающие физическую свободу, казалось, сдавливали сознание и душу. В зоне было несколько просторней и в прямом, и переносном смысле: там тоже нашлись музыканты и даже инструментальный ансамбль, куда с радостью приняли нового солиста.

Везде привыкает жить человек: на Северном полюсе и в Антарктиде, в тропических джунглях, в саванне и пустыне. Привык к подневольной жизни и Андрей. Он выучился играть на трубе у пожилого, со вставленным глазом, еврея-флейтиста, сочинял стихи, теперь, правда, больше лагерного толка, разучил несколько классических лагерных песен.

По большим праздникам в столовой исправительно-трудового учреждения начальство устраивало концерты, на которых разрешалось среди песенного репертуара советской эстрады спеть одну-две блатные песни. И Андрей тут уж старался. Кличка Шуруп, казалось, уже начисто забытая за последние годы на воле, каким-то образом преодолела и колючую проволоку, и путанку, и запретную полосу, прочно ввинтившись в Андрея.

— Давай, Шуруп! — кричали зэки, когда он пел «Мурку» или «Гоп-стоп».

— Давай, Свиридов! — кричал замполит учреждения, когда Андрей затягивал жалобную песню о голубоглазой девушке, которая, проводив возлюбленного в неволю, стала ходить по кабакам. Эта песня вышибала слезу не только у замполита и начальника колонии, но и у старого зама

по режиму, повидавшего на своем веку не одно поколение арестантов. Андрей и здесь стал всеобщим любимчиком.

Через полтора года после начала срока Андрея освободили из-под стражи и направили на стройки народного хозяйства, на «химию». Еще через полгода Андрей работал каменщиком, жил в общежитии комендатуры, с разрешения начальника посещал репетиции местной музыкальной группы. За хорошее поведение и ударную работу его дважды отпускали в краткосрочный отпуск домой и даже пообещали вскоре освободить подчистую досрочно. Но этому не суждено было сбыться.

Возвращаясь из второго отпуска, Андрей познакомился в поезде с пареньком, который, несмотря на свои двадцать лет, прошел в жизни, как говорят, Крым и рым. Он поведал Андрею о своей жизни, сказав, что ему тоже приходилось бывать в «химиках», хоть и недолго. Едва его успели выпустить из зоны на хоть и «химическую», но свободу, он снова попал за колючку, натворив дел.

— Смотри, могут и тебя прикрыть перед самым концом срока, — почувствовал он.

— Да ну!.. — воскликнул Андрей, но червь сомнения уже заточил, заерзал в его душе.

На вокзале в областном центре он занервничал. Лето дурило голову: то и дело сновали взад-вперед загорелые девочки в коротеньких платьицах, юбчонках и шортиках, рядом била в гранитные плиты ласковой и зовущей волной великая сибирская река, по голубому небу-океану плыли неторопливые белые облака-пароходы, всегда вольные и беззаботные. И все это — девочки, речная волна, облака, вольная летняя суета у железнодорожных касс и на автовокзале — окончательно растеребило Андрею душу, и он, купив в хозяйственном магазине десятилитровую канистру и заполнив ее под завязку пивом, направился по адресу, который дал ему один из его товарищей по зоне, освободившийся год назад и проживающий в этом городе.

Было воскресное утро, и Валерьян оказался дома. Он смотрел по телевизору «Утреннюю почту» и стряпал пельмени.

— Заходи, — сказал он Андрею, протянув для пожатия руку выше кисти, потому как руки его были в муке, — я один. Жена же, знаешь, сука, не дождалась меня. Сама посадила, сама и не дождалась. Приехал какой-то аспирант и увез ее к себе в деревню. Детей, стерва, моей матери оставила. Ну ладно, девчонке уже семнадцать лет, а пацан-то в шестом только учится. Отправил ребятишек на лето к ней, пусть поживут, к новому папе попривыкнут. Он помоложе, пускай лиха хлебнет. Моя-то скоро тоже родит... так что семейство у них будет обширное.

— А тетя Таня где? — спросил Андрей, имея в виду мать Валерьяна, семидесятилетнюю старушку, жившую вместе с сыном и его детьми.

— Вчера на «скорой» увезли. Желтуху признали. Сегодня какие-то жмурики приходили, брызгали тут с краскопульта по углам. До сих пор мутит. Чувешь, запах какой?

Андрей пожал плечами.

— Я уж тут насквозь все окна пооткрывал, балконную дверь, форточки — все равно воняет... А ты как? Отмучился?

— Хватит... Хорошего помаленьку, — соврал Андрей.

— Это дело надо вспрыснуть, — улыбнулся Валерьян. — У меня две недели выходных впереди. Мы вахтовым методом работаем. Да и получку я в пятницу получил. Еще не пил, с бабкой-то этой... Так что гони в магазин.

— Да я тут пива привез... — сказал Андрей.

— Да брось ты пиво... Пусть его алкаши пьют, а мы будем водочку. Слава богу, те времена прошли, когда ее штурмом брать надо было. Иди возьми пару пузырей. А я тут с пельмешками разделаюсь.

Валерьян наказал еще Андрею купить каретку яиц, два килограмма огурцов и редиски. Когда все было доставлено к столу, у Валерьяна уже доваривалась первая порция пельменей.

Три дня прошли как в тумане. Так беспробудно Андрей в своей жизни еще никогда не пил. В первый день он еще дважды ходил в магазин за водкой, а на другой, опохмелившись, Валерьян повез его на химзавод, где они купили у охранника трехлитровую банку очищенного спирта и, возвращаясь домой, чуть не подцепили двух каких-то шустрых малолетних девиц. Валерьян приглашал их к себе, но находившийся в более ясном уме Андрей дал им на мороженое и поспешил увести Валеру от греха подалее.

Два дня они из квартиры не выходили и на звонки в дверь не реагировали. Пили спирт, ложились спать, проспавшись, опохмелялись. Покончив с пельменями, запивали спирт сырыми яйцами, выбрасывая скорлупу прямо в форточку, во двор пятиэтажного дома. Банка была какой-то бездонной: спирт не кончался и к концу второго дня уже не лез в рот.

* * *

Андрей промучился всю третью ночь на диване, многое передумал и к утру решил податься на запад, хоть и запад недалекий. Часов в шесть утра он растолкал Валерьяна, попрощался с ним, налил с собой пол-литра и отправился на железнодорожный вокзал. Через два часа он был уже в пути, а через двое суток появился к армейскому приятелю Саньке Пяткину, который работал агрономом в совхозе, — соврал, что был недалеко от их мест на гастролях и решил завернуть на адресок. Пяткины встретили Андрея гостеприимно, особенно рада была гостю Санькина жена, некрасивая Светлана, уроженка волжских берегов: она тосковала в Сибири по родным местам.

— А мы живем одиноко, — говорила она Андрею, — никто к нам не ходит... и мы ни к кому не ходим. Скучно живем: работа — дом, дом — работа...

С Санькой они пили водку, ходили в околки по маслята, окучивали картошку, топили баню и парились. Иногда Андрей играл на гитаре и пел. Через неделю он, почувствовав себя неловко за то, что загостился, хотел было распрощаться с гостеприимными хозяевами, но Светлана попросила его не торопиться:

— Погости еще. Куда спешишь? Когда с Санькой-то еще встретишься...

Андрей согласился.

Так пролетела еще одна неделя. К ее исходу Света, заподозрившая, что у Андрея не все так гладко в жизни, как он хочет это показать, вдруг сказала:

— А может, у нас на работу устроишься? В нашем-то клубе музыкантов хватает, но в райцентре, думаю, можно. Попробуй.

И Андрей решил попробовать. На следующий день на совхозном автобусе поехал в райцентр к заведующему отделом культуры предлагать свою кандидатуру. Он уже обдумал легенду, согласно которой с отцом приехал в гости к родственникам, ему приглянулись эти места и он решил остаться, однако отец был против и уехал, прихватив его документы с собой. Если можно, то Андрей поработал бы пока в ДК временно, а потом съездил бы домой и все уладил.

В РДК вакансий культур работников не оказалось, но заведующая предложила ему обратиться в соседний район, там, как она сказала, местный завкультурой сколачивает агитбригаду на время сенокоса и уборочной. До того райцентра было километров шестьдесят, и Андрей решил попытаться счастья. Он прибыл туда уже после обеда и, не застав заведующего отделом культуры, зашел в РДК, где познакомился с директором Степаном Петровичем, здоровым басистым мужиком-хохлою.

— На баяне играть можешь? — спросил директор Андрея и подал ему стоящий на книжном шкафу баян: — Сыграй.

Андрей наиграл «Яблочко».

— Годится, — сказал директор. — А частушки какие-нибудь знаешь?

Андрей пропел ему пару куплетов из серии «про миленка».

— Да ты, парень, для меня просто находка, еще и на трубе играешь... Вот что... приезжай в начале следующей недели, я поговорю с заведующим насчет тебя и твоих документов. Будь уверен, уговорю и жилье тебе подыщу. Уразумел?

Андрей ответил, что уразумел, с тем и отбыл к Пяткиным за вещами, вернее за дорожной сумкой, ибо больше ничего у Андрея и не было с собой. Светлана обрадовалась, что Андрей будет жить неподалеку от них, и наказала ему поспешно не жениться, ибо она нашла для него невесту — сельскую учительницу.

— Кого еще? — спросил ее Санька.

— А Зинку Дегтярь. Муж от нее уехал, одна живет с двумя детьми. Чем Андрею не невеста? Баба работающая.

— Нужна ему эта корова. Зануда та еще! Думаешь, от хорошей жизни от нее муж убежал? Допекла его! — сказал на это Пяткин.

— А может, и нужна ему именно Зинка! — не сдавалась Света. — Кто знает, где найдешь, а где потеряешь... А что касается Зины и ее мужа, то еще не ясно, кто кому хребет переел. Ревнивый был Колька до невозможности. На учительский педсовет даже не отпускал.

Санька со Светой заспорили, а Андрей улыбнулся. Начинаясь новый этап в его жизни.

Вот таким образом и попал он в районный центр, где проживала бедная Наташа, не подозревавшая, что уже в скором времени нарушится ее спокойствие и одиночество, что ворвется в ее жизнь, свалится на голову певец и музыкант, сочинитель песен Андрей Свиридов по кличке Шуруп.

Андрей поселился на квартире у бывшей активной участницы художественной самодеятельности района, а ныне технички Дома культуры бабы Паши. Та выделила Андрею отдельную комнату, строго наказав не шляться по столовым, а питаться с ее стола.

— Много не возьму, не бойся, — сказала она новому культработнику. — Картошка, солонина есть, хлеб я сама пеку. Перезимуем.

Баба Паша для безденежного Андрея была просто находкой. Она жарила ему кабачки на сале, стряпала блины с творогом и большие мясные манты, не говоря уже о щах, борщах и супах. У бабы Паши был сын Валентин, который, дослужившись до большого начальника в краевом центре, к старушке матери навещался один раз в два года, не нуждаясь ни в ее овощах, ни в сале-мясе. Старушка была несколько обижена этим, скучала по внукам, которые практически ее не знали, и все, что у нее накипело на этот счет, высказывала вечерами Андрею во время просмотра телевизора.

С месяц жил он у бабы Паши. Разъезжал по колхозам и совхозам, по полевым станам в составе агитационной бригады с популярным по всей России названием «Глобус», наяривал на баяне и подпевал трем женщинам и самому директору ДК. Женщины, две из которых были молодыми, а третья — жена директора, выступали в старинных русских сарафанах, директор и Андрей были в косоворотках, шароварах и подпоясаны красными поясами с тесемками. В репертуаре агитчики использовали в основном частушки прошлых лет, но были и новые, которые директор ДК Степан Петрович сочинял не без помощи Андрея.

Нельзя сказать, что в районном центре совсем не бывало никаких молодежных мероприятий: по воскресеньям проходили в ДК дискотеки, где молодежь развлекалась под магнитофон. Но это было совсем не то, что живая музыка, по которой скучал Андрей. Это прекрасно понимал Степан Петрович, всячески стараясь способствовать стремлению Андрея создать вокально-инструментальную группу. Они вместе ездили по сельским клубам, собирали списанные музыкальные инструменты, разговаривали с преподавателями музыкальной школы, с ребятами из СПТУ.

Усилия культработников не пропали даром — им удалось собрать и отремонтировать две электрогитары, ударные инструменты. В комплектовании музыкальными инструментами пообещали содействие заведующий районным отделом культуры и директор крупнейшего совхоза района. В общем, работа шла и вечерами. Андрей подолгу пропадал в ДК, возвращаясь домой уже ближе к полуночи. Баба Паша не ложилась, пока не убеждалась, что Андрей поужинает. Только проконтролировав это, она со спокойной душой отходила ко сну.

* * *

Время шло, как принято говорить, неторопливо, Андрей уже стал привыкать к этой размеренности и, наверное, привык бы, если бы однажды в Дом культуры не заглянула пожилая корреспондентка местной газеты Валентина Петровна. Она освещала вопросы культуры и образования в районной прессе, знала всех работников культуры по именам, и инициативный новичок сразу же попал в поле ее зрения.

Валентина Петровна была своеобразным человеком. В молодые годы жила весело: участвовала во всех комсомольских мероприятиях, учительствовала, дружила с парнями, однако осталась одинокой и теперь, перестроившись, вела непримиримую борьбу с пьянством и алкоголизмом, уважала деловых, увлеченных людей, но среди коллег и знакомых считалась немного странной. Эту странность в ее поведении заметил и Андрей: когда Валентина Петровна задавала ему вопросы, а он отвечал ей полушутя, она заливалась таким громким басистым смехом, что окружающие невольно вытягивали лица в удивлении.

После знакомства с Андреем Валентина Петровна зачастила в ДК по вечерам, пытаясь вникнуть в творческий процесс, а через неделю запросто заявила Андрею, что он ей нравится, она хочет познакомить его со своей соседкой. Андрей принял ее заявление вначале за шутку, потому отреагировал соответственно:

— А на каком этаже невеста живет? Не слишком высоко прыгать будет, когда законный муж заявится? — спросил он.

— На первом. Так что прыгать не придется, — ответила она серьезно и одобрительно похлопала Андрея по плечу: мол, ценю шутку. — А что? Зима не за горами: у бабушки дрова готовить нужно, а у Наташи ничего не надо — придешь с работы, приляжешь на диване и смотри телевизор, плюй в потолок. Наташка — девчонка хорошая, но несчастливая: обманул ее Сашка и сам в бабах запутался. Сейчас он далеко отсюда. А Настя у нее просто чудесный ребенок. Давай я тебя отведу к ней?

— К кому, к Насте? — попробовал продолжить шутку Андрей, но Валентина Петровна сделала лицо еще более серьезным:

— К Наташе.

— А она согласна, чтобы ей постояльца привели?

— Будет согласна. Никуда не денется. Она сейчас в детском саду работает, поэтому зайду к ней вечером, предупрежу, что завтра придем. Понял?

Андрей промолчал, но задумался.

— Чего она от тебя хочет? — спросил его Степан Петрович, когда Валентина Петровна удалилась.

— Сватает.

— За кого?

— Да за какую-то Наталью из детского сада.

— Ты смотри поосторожней с ней, а то найдет тебе такую же, как сама, — сказал директор ДК и покрутил у виска указательным пальцем.

Тут как тут оказалась баба Паша.

— Наташа — хорошая девчонка, — сказала она, — даром что брошенка. Я ее знаю. Слышала, о ком Валентина Петровна говорила. Не бойся, я тебе плохого не пожелаю. Она спокойная, ты парень смиренный... пойдет у вас дело. Совместный, глядишь, ребенок народится.

— Да я разве против того, чтобы Андрей осел у нас? — сказал директор. — Кадр он для нас ценный, а если еще семьей обзаведется и квартирой... Я и мечтать об этом не смею.

Весь вечер, до того как лечь спать, баба Паша без умолку рассказывала Андрею о Наташе, о ее сестре, активной когда-то комсомолке, о матери-труженице, живущей в двенадцати километрах от райцентра.

Она говорила так, будто вопрос о совместной жизни Андрея и ни разу не виденной им Натальи уже решен, и он поддался ее настроению, подумав о том, что встречи с этой женщиной ему, видимо, никак уже не избежать.

* * *

Следующего вечера Андрей ждал с опаской и любопытством.

Валентина Петровна зашла за ним ровно в шесть вечера.

— Ну что, пошли, жених! Или испугался? — едва войдя, выпалила она.

— Кто — я? Плохо вы меня знаете!

— Тогда давай побыстрее собирайся. У меня времени мало — дома стирка ждет, хлеба купить надо... Пошли.

Они вышли из ДК и направились по центральной улице села. По пути Валентина Петровна купила в гастрономе булочек и вермишели. Андрей постоял возле витрины, решая, купить или нет торт к чаю, но Валентина Петровна потянула его за руку:

— Не трать зря деньги, может, тебе невеста не понравится.

Не без волнения подходил Андрей к дому, где жила Наташа.

— Дома ли она на беду на нашу? — сама себя спросила вслух Валентина Петровна и громко засмеялась. — Обещала быть дома. Если не испугалась, конечно. Ты-то как? Коленки не дрожат?

— Ой, и не говорите, — попробовал пошутить Андрей, — сейчас эпилепсия заколотит.

* * *

Наташа в этот вечер собиралась затеять стирку — налила на кухне ведро воды, опустила туда кипяtilьник. Она чувствовала какое-то беспокойство в душе и не могла до конца понять, пошутила ли соседка, обещая ей привести жениха, или же говорила обо всем на полном серьезе. После шести вечера она отправила Настю поиграть к соседям и, готовясь к стирке, то и дело подходила к окну. По улице и на автовокзальной площади сновали по делам и в ожидании транспорта люди. Валентина Петровна не показывалась, и Наташа уже стала подумывать о том, что та все-таки пошутила. Она налила из-под крана в ковш воды и стала поливать стоявшие на подоконнике цветы.

В дверь позвонили неожиданно. Наташа знала, что это может произойти с минуты на минуту, но в глубине души надеялась, что само все как-то обойдется. Она замерла с ковшом в руке, постояла без движения и даже без дыхания несколько секунд. «Тук-тук-тук», — учащенно застучало ее сердце. Второй звонок, непривычно длинный, вывел ее из оцепенения, и она пошла открывать.

На лестничной площадке стояли сияющая Валентина Петровна и молодой человек в черной кожаной куртке.

— Можно? — спросила хозяйку Валентина Петровна и, не дожидаясь ответа, проследовала в прихожую; парень тоже несмело переступил порог.

— Это Андрей, — представила Валентина Петровна, — а это Наташа.

— Очень приятно, — сказала Наташа, — проходите в комнату.

— Проходи, Андрей, — потянула за рукав гостя Валентина Петровна, — не стесняйся. Наташа — своя девчонка. Правда, Наташа?

Наташа смутилась. Валентина Петровна по-хозяйски устроилась на диване. Наташа присела рядом. Андрею предложили стул у стоявшего возле стенки стола.

— Я вас тут введу немного в курс дела и пойду. Дальше без меня разберетесь. — Валентина Петровна откинулась на спинку дивана и закинула ногу на ногу. — В общем, Наташа, Андрей песни сочиняет и поет прекрасно. Я слышала. Так что зимой скучать не будешь: ляжете вдвоем на этом вот диване и будете петь. А Наташенька у нас, Андрюша, хорошо готовит. Помню, она меня булочками угощала...

— Шаньгами, — поправила сваху Наташа.

— Ах да, шаньгами. Объедение! Голодным здесь не будешь, Андрюха. Будешь жить не хуже, чем у бабы Паши. Понял?

Андрей глянул на Наталью, та опустила глаза.

— Ну что молчите-то? — продолжала брать на себя инициативу Валентина Петровна. — Может, мне уйти?

— Подождите, я чай согрею, — сказала Наташа.

— Некогда мне чаи распивать, — Валентина Петровна подмигнула Андрею, поднимаясь, — я попозже зайду.

Наташа проводила соседку до двери, вернулась в комнату, снова присела на диван.

— А вы оканчивали что-то? — спросила тихо она.

— Культпросветучилище. Хоровой факультет.

— А почему именно хоровой? — улыбнулась Наташа.

— Потому что, кроме режиссерского и хорового, никаких других факультетов в нашем училище не было. Хоровой ближе к эстраде, чем режиссерский, вот я и пошел на хоровой.

— А я сельхозтехникум окончила. Отделение зернообработки. Три месяца поработала на хлебоприемном пункте, до декретного отпуска, а потом в садик пошла, чтобы ребенка в ясли устроить. И не жалею. На ХПП такая грызня была — бабы друг друга буквально поедали, а в садике дружно живем: дни рождения вместе после работы отмечаем, праздники.

— Не скучаете, в общем... — не то спросил, не то констатировал Андрей.

— Да. Некогда скучать. А вам ваша работа нравится? Валентина Петровна говорила, с агитбригадой по полевым станам разъезжаете...

— А-а, — Андрей махнул рукой, — с агитацией этой... Суета все. Я поп-музыку люблю, эстраду. Глухо здесь насчет этого.

— Да, у нас дыра настоящая. Никогда ничего путного не было, разве что духовой оркестр. И что вас в наши края занесло?

— Судьба, видимо...

— А вы что, в судьбу верите?

— Верю. От нее, голубушки, никому не суждено уйти. И обмануть ее никому не под силу.

— А я не верю. Все в мире состоит из случайностей. Вот и вы случайно попали в наше село, случайно попались на глаза Валентине Петровне, она случайно привела вас ко мне, я случайно в это время оказалась дома, хотя хотела к соседке уже уходить.

— А не кажется вам, что цепь случайностей — это уже закономерность?

Наташа пожала плечами.

— Интересная эта корреспондентка, соседка ваша, — сказал Андрей о Валентине Петровне, — все у нее запросто.

— И не говорите. Давай, говорит вчера мне, я тебе, Наталья, мужика приведу. Я ее спрашиваю: как? А она: да просто приведу, жалко парня — у бабушки на квартире живет, питается как попало, а талантлив...

— Ну уж... талантлив... — смутился Андрей.

— Она так и сказала: талантлив и менестрель. А вы и правда песни сами сочиняете?

— Да так... — махнул рукой Андрей. — Несерьезно это. Для того чтобы стать популярным исполнителем или поэтом-песенником, нужно в Москве или Питере жить, а здесь — баловство одно.

— А если для души? Для души можно хоть где сочинять, правда ведь?

— Конечно, только хочется большего. Большого, понимаете?! Тем более что знаешь про себя, что способен на большее.

— Ну какие же ваши годы... Еще выйдете с микрофоном на сцену в концертной студии «Останкино» в программе «Песня года».

Андрей и Наташа засмеялись одновременно.

— Чай пить будем? — спросила хозяйка.

— Да нет, наверное. В другой раз я с тортиком приду. Если можно, конечно. А сейчас пойду, бабушка Паша беспокоиться будет.

Андрей поднялся, Наташа тоже.

— А я люблю торт, — сказала Наташа. — Приходите, будем рады. И гитару приносите. Вы споете, а мы послушаем.

Андрей хотел что-то сказать, но входная дверь с шумом отворилась, и в комнату вбежала девочка лет четырех в голубеньком платьице, с косичкой и большим белым бантом.

— Мама, — крикнула она, — а тетя Оля...

Она осеклась, увидев незнакомого дядю, и замерла на месте.

— Что, Настенька? — улыбнулась Наталья, — испугалась? Не бойся, дядя хороший. Ну, иди ко мне...

Настя подошла к матери и протянула ей маленькую куклу.

— Вот. Тетя Оля подарила. — Она прижалась к Наталье и стала внимательно рассматривать гостя.

— Ну, всего хорошего, — сказал Андрей, направляясь к выходу.

— До свидания, — ответила Наташа, и в это время на кухне в ведре закипела вода — хлынула через край и побежала по полу.

* * *

— Ну как?.. — прямо с порога спросила Андрея баба Паша.

— Да ничего. Только худая уж больно.

— Раньше она такой не была. Роды у нее тяжело проходили, да и переживала. Сашка-то, дурак, этот художник-недоучка, ребенка никак не хотел поначалу своим признавать. Попил он ей крови... А она понравится

тебе. Жизнь спокойная будет — быстро раздобреет. Ну что, к ней жить пойдешь? О чем договорились?

— Да пока ни о чем. Не все сразу же... Надо еще пару раз в гости сходить, а потом уж решать, — ответил Андрей, снимая куртку в прихожей.

— Чует мое сердце, уйдешь ты скоро от меня, — вздохнула баба Паша, — и опять я буду одна — ни поговорить, ни пожаловаться кому... Не везет мне на квартирантов. До тебя корреспондент один жил, так тот и месяца у меня не простоловался, Валентина Петровна его через две недели после приезда женила на одной учительнице. И вот снова она у меня квартиранта уводит.

— Так я не первый, кого сватает Петровна?

— Какой уж первый!.. — воскликнула баба Паша. — Десятый! У нее это сватовство здорово получается, всегда она знает, кого с кем свести. Гордится здорово тем, что кого свела — все живут семьями, ни одного развода. Она и редактора районной газеты в свое время познакомила с женщиной из Дома быта. Теперь у Иваныча уже двое ребятишек. А сюда приехал — хандрил, уезжать хотел. Теперь же, как говорят, и палкой не выгонишь. И тебя здесь окрутят. Хотя, как я посмотрю на тебя, ты не такой, как наши мужики. Ты птица вольная.

* * *

Андрей не сомкнул глаз всю ночь. Нельзя было сказать, что Наташа произвела на него впечатление, но в данной ситуации, когда на руках у него не было ни документов, удостоверяющих личность, ни даже трудовой книжки, он понимал, что выбирать ему не приходится. Андрей временами чувствовал себя подлецом, будто обманывал молодую девчонку, обещая жениться, а сам... Ну а вдруг Наташа окажется той самой единственной, которая нужна ему сейчас и до конца жизни? Вдруг именно она — та, кто сможет понять, простить, ждать?.. Да, ждать. Ибо Андрей был уверен в том, что рано или поздно его бега прекратятся, быть ему повязанным где-нибудь милицией... или же придется прийти самому с повинной. Тюремь и зоны ему не избежать. А когда находишься там, сердце согревает мысль о том, что тебя кто-то любит или хотя бы ждет.

Он встал рано, приготовил себе яичницу, помог бабе Паше по хозяйству — покормил кур и поросенка.

— Не спал сегодня, — догадалась баба Паша. — Утро вечера, говорят, мудренее. Что решил-то?

— Ой, не знаю, баб Паш. Сегодня, наверное, в гости не пойду, а до завтра решу все. Завтра у меня день рождения ко всему.

— Ну, как знаешь... — вздохнула баба Паша.

День выдался суетливым. С утра Андрей со Степаном Петровичем ходили к директору совхоза, обещавшему купить им клавишную муззаппа-

ратуру японской фирмы «Ямаха». Директор обещание подтвердил, сказав, что, как только закончится уборочная страда, «Ямаха» в ДК будет. Затем они прослушивали игру на гитарах молодых ребят-пэтэушников, а после обеда директор попросил Андрея помочь ему размолоть мешок зерна. Возвращаясь с мельницы, Петрович купил бутылку водки и пригласил Андрея в гости. Андрею уже приходилось бывать у директора. На концертах он встречался с его женой Галиной и познакомился с двумя дочерьми — Марьей и Ксюшей. Девчонки учились в школе: Маша в шестом, а Ксюша в третьем классе.

Пока Галина готовила на кухне ужин, Степан Петрович с Андреем затеяли баню: натаскали воды, растопили котел, выпили по стопке в гараже. Вечером мылись, парились, пили водку и домашнее пиво, смотрели по телевизору футбол — розыгрыш европейских кубков, ели плов и жареные кабачки, разговаривали до полуночи.

Когда Петрович узнал, что у Андрея завтра день рождения, он нырнул в погреб и достал бутылку самогона, а затем дал команду жене — расстелить Андрею постель в зале на диване.

— У меня переночуешь. Куда на ночь пойдешь? Места хватит.

Эту ночь Андрей спал как младенец, а весь следующий день обдумывал, как поступить вечером, и решил полностью положиться на судьбу. Прихватив гитару и купив торт, он после шести вечера направился к дому Наташи.

На первый звонок в дверь ответа не последовало, он позвонил еще раз — тишина. «А может быть, это и к лучшему», — подумал он. Андрей уже было собрался выйти из подъезда, как услышал сверху:

— Не открывают?

По лестничным ступенькам спускалась Валентина Петровна. Одета была она в спортивный костюм, голова повязана легкой косынкой.

— Она, наверное, у соседки. Вчера тебя не было, и бедная женщина подумала, что ты разочаровался в ней. Отвечай, почему так быстро позавчера ушел? Я через час пришла, а тебя уже и след простыл.

— Так меру надо знать, Валентина Петровна, — нашелся Андрей.

— Да... Ну ладно, помогу тебе сделать еще один шаг.

Валентина Петровна нажала кнопку звонка соседней квартиры и, когда через несколько секунд никто не открыл, позвонила нетерпеливо еще и еще. Дверь отворилась, и из-за нее показалось испуганное лицо Натальиной соседки Ольги.

— Давай сюда Наталью, — приказала ей, не давая опомниться, Валентина Петровна, — мы знаем, она у тебя.

— Сейчас, — часто заморгала глазами Ольга и закрыла двери.

— А я думала, что вы больше не придете, — Наташа вышла тут же.

Сегодня она, как и Валентина Петровна, была в спортивных штанах и футболке.

— Да ты что, Наташа, как он не придет? Ты мужиков, видимо, плохо знаешь: им паузу выдержать нужно, показать свою независимость.

Это он с виду невозмутим, а сам, небось, целые сутки только и думал, как бы тебя увидеть поскорее. Ты его не обижай, он парень у нас скромный!

Валентина Петровна громко захохотала, и Ольга с любопытством снова выглянула из-за двери.

— Ну, пойдете, — пригласила Наталья, открывая ключом замок своей квартиры. — Вы, Валентина Петровна, с нами?

— Да нет уж, я думаю, что сегодня разберетесь без меня... Правда, Андрей?

Тот пожал плечами и шагнул через порог квартиры вслед за Натальей.

— Счастливо, — бросила им вслед Валентина Петровна.

— Сегодня уж точно без чаю не уйдете, — сказала Наталья, приглашая Андрея на кухню. — Тем более, я вижу, вы с тортиком пришли.

— Да. Сегодня у меня день рождения как раз.

— Серьезно? А покрепче вы ничего не прихватили?

— Да как-то постеснялся.

— Ну и правильно. Мы лучше чаю попьем, музыку послушаем, правда?

— Правда. А дочка-то где?

— У соседей. Пусть поиграет до передачи «Спокойной ночи, малыши!».

Пока Наташа ставила чайник, Андрей настраивал гитару.

— А может, на «ты» перейдем? — спросил он неожиданно.

Наташа не сразу нашлась, что сказать.

— Давайте попробуем.

— Давай. Я вообще не люблю церемоний, — сказал Андрей и напел:

Сгорела осень золотая,
 Пришла зима, и снегопад
 Шел долго-долго, разделяя
 И отдаляя нас. Назад
 Ты не смогла уже вернуться,
 И эти новые снега
 Припорошили память, чувства,
 Нас разбросав по берегам.
 Остались письма без ответа,
 И телефонные звонки
 Тебя преследовать по свету
 Не успевают. И гудки
 Разрежут комнату пустую,
 И разошьет мороз окно,
 И вновь по памяти рисую
 Я, краски взяв и полотно...

— Твоя песня? — спросила Наташа, еще неуверенно произнося слово «ТВОЯ».

— Моя. Одна из ранних.

— И стихи твои?

— И стихи, и мелодия. Правда, в обработке одного слепого музыканта. От рождения слепого.

— Надо же, — удивилась Наташа. — И почему талантливым людям в жизни не везет: то рано умирают, то живут калеками...

— Не везет, это правда, — согласился Андрей и продолжил:

...Тебя. И имя повторяю —
 Плохой художник и поэт,
 Но не смогу и кисть роняю —
 Вновь не закончен твой портрет.
 Потом всю ночь гляжу на звезды,
 Не в силах справиться с тоской,
 А утром покупаю розы
 И целый день живу тобой.

— А почему песня про художника? — спросила Наталья.

— Сам не знаю. Захотелось, чтобы художник был героем песни, вот и написалось про художника. Может, самому мечталось картину нарисовать, а таланта не хватило.

— А я за художником замужем была, — сказала Наташа и внимательно взглянула Андрею в лицо.

— Я знаю, — спокойно отреагировал тот, продолжая перебирать струны.

— Валентина Петровна сказала?

— Она.

— Все доложила, — улыбнулась Наташа, — хотя правильно: должен же ты знать, откуда у меня ребенок.

Наташа разрезала торт, сняла с газовой плиты чайник:

— Кофе будешь пить или чай?

— Все равно.

— Тогда кофе. Иди мой руки.

Андрей отложил гитару, поднялся, прошел в ванную, вымыл руки. Заметил, что кран на кухне не держит воду и она течет тонкой струйкой.

— У тебя резина толстая дома есть? — спросил он хозяйку, снова садясь на табурет возле кухонного стола.

— Была где-то. А зачем?

— Кран починить нужно.

— Потом. Именинников мы работать не заставляем. Завтра придешь и починишь. А сегодня вечер отдыха. Идет?

— Идет, но только дело-то это минутное. Можно после кофе и работой заняться.

— После кофе с тортом ты будешь петь, а я оценивать твоё исполнение, ясно?

— По пятибалльной системе? — улыбнулся Андрей.

— Зачем по пяти?.. По десятибальной. — Наташа лукаво подмигнула.

«Видимо, здорово соскучилась по мужику, — отметил про себя Андрей, — придется оставаться ночевать».

— Ну, с днем ангела, — сказала Наталья, разливая кофе по маленьким фарфоровым кружкам и поднимая одну, словно бокал с шампанским.

— Спасибо.

— И сколько стукнуло, если не секрет?

— Ой, не говори... Двадцать пять уже.

— А мне через две недели двадцать три будет. Приглашаю.

— Приду обязательно. Спасибо за приглашение.

Едва они приступили к кофепитию, как в прихожей раздался звонок, и Наташа пошла открывать дверь:

— Кого там еще принесло?

Зашла соседка.

— Наташа, у тебя черные нитки есть? — задавая вопрос Наталье, Ольга скосила взгляд на Андрея. Вслед за ней вбежала Настя. Сегодня она была в желтом платье и с желтым бантом. Увидев Андрея, она снова замерла, но на сей раз быстро вышла из оцепенения и вприпрыжку проследовала в комнату.

Наташа стала искать нитки, а Ольга остановилась в прихожей и продолжала метать взгляды в сторону Наташиного гостя.

— Может, с нами кофейку с тортиком? — предложил ей Андрей.

— С удовольствием, — сразу согласилась Ольга и крикнула в комнату: — Ладно, Наташа, потом найдешь!

Прихватив из комнаты два стула, Наташа усадила за стол Ольгу с Настей, налила им кофе.

— А мы день рождения отмечаем, — сказала Наташа как бы между прочим.

— Поздравляю, — отозвалась Ольга мгновенно и улыбнулась Андрею. — У вас что, безалкогольный вечер?

— У нас кофепитие и тортоедение без употребления спиртного, — объяснил ей Андрей, отметив про себя, что Ольга довольно симпатичная, лет двадцати дамочка, чрезмерно любопытная и общительная.

— Вкусный торт? — спросила Наталья дочку.

— Ага, — закивала головой та. — Это дядя принес?

— Дядя Андрей, — пояснила Наталья.

— А он что, моим папой будет? — недолго думая полюбопытствовала Настя.

На несколько секунд наступила тишина. Наталья слегка покраснела, Ольга осторожно поставила фарфоровую кружечку на стол, Андрей поднял глаза и посмотрел в потолок.

Наталья подала дочери большой кусок торта и отправила погулять:

— Поиграй с Галочкой, тортом ее угости.

Настя нехотя слезла со стула.

— Можно, тетя Оля, к Галочке? — спросила она Натальину соседку.

— Можно. Иди, там открыто, — разрешила Ольга.

Неловкость не проходила, стоя преградой к дальнейшему общению. Андрей понял, что нужно брать инициативу на себя, и взял гитару.

Я куплю тебе дом
 У пруда в Подмосковьё
 И тебя приведу в этот собственный дом,
 Заведу голубей,
 И с тобой, и с любовью
 Мы посадим сирень под окном...

А белый лебедь на пруду
 Качает павшую звезду,
 На том пруду,
 Куда тебя я приведу...

Андрей повторил припев еще раз и посмотрел на слушателей. Наташа сидела, подперев подбородок обеими руками. Ольга же, открыв рот, казалось, ловила каждое слово Андрея.

Когда Андрей закончил и убрал руку со струн гитары, Ольга зааплодировала.

— Это, к сожалению, не моя песня, — сказал исполнитель, — я до таких еще не дорос.

— Зато исполнение отменное, — оценила Наташа, — правда, Оля?

— Вы настоящий певец. Вам по телевизору петь нужно, — еще более хвалебную оценку дала соседка и попросила: — Научите меня на гитаре играть.

— Охотно, — согласился Андрей.

В дверь снова позвонили. Пришел Ольгин муж, водитель самосвала.

— Николай, — представился он Андрею.

— Андрей.

— Ты что тут расселась? — спросил Коля жену. — Корми мужа, с работы пришел. Варила что?

— Суп варила. На плите стоит, — ответила Ольга, поднимаясь. — Без меня поесть не можешь? Прямо из дому не выйти, в гости не зайти.

— Ты только и делаешь, что к Наталье в гости ходишь. Целыми днями и вечерами.

Соседская чета, продолжая словесную дуэль, удалилась. Через минуту пришла Настя. Наташа включила телевизор, и они перешли в комнату.

— Садись на диван, — предложила хозяйка гостю, уходя мыть посуду.

По телевизору шел какой-то иностранный фильм. Андрей попытался было понять происходящее на экране, но к нему подседа Настя и тихонечко, чтобы не слышала Наталья, спросила:

— Ты будешь моим папой?

— Не знаю... — так же тихо ответил Андрей. — Если мама захочет.

— Она захочет, — убедительно сказала Настя.

— А ты хочешь?

— Да, — кивнула девочка и пододвинулась к Андрею поближе.

— Красивое у тебя платье, — сказал ей Андрей, — мама купила?

— Не-а, — замотала головой Настя, — тетя Люба.

— А это кто?

— Мамина сестра. А бантик баба подарила. Она у нас в деревне живет. И тетя Люба в деревне. Только в другой. Хочешь в гости к тете Любе?

— Если мама возьмет, то погостить можно.

— Она хорошая. У них Антошка есть и Костя. А дядя Паша на машине работает.

— Вы о чем там шепчетесь? — Наташа закончила мытье посуды и, войдя в комнату, села рядом с Настей.

— Настя про тетю Любу рассказывает, — пояснил Андрей.

— К тете Любе хочешь? — спросила Наталья дочь.

— Угу, — закачала та головой.

Фильм закончился, и на экране телевизора появились Хрюша со Степашкой: началась передача «Спокойной ночи, малыши!».

— Так, Настя, смотрим мультик, прощаемся с Хрюшей — и бай-бай... понятно? — сказала дочери Наташа.

— А вы что делать будете? Тоже спать ляжете? — спросила девочка, опять поставив в неловкое положение маму и ее гостя.

— А мы будем кино смотреть для взрослых, — ответила Наташа.

— Я тоже кино хочу смотреть! — закапризничала Настя.

— Никаких кино! Спать! — строго приказала ей мама и пошла разбирать постель в маленькой комнате.

— А ты на диване будешь спать? — опять спросила шепотом Андрея любопытная малышка.

— Я, наверное, домой пойду, — тихо ответил ей Андрей.

— Не ходи, темно уже на улице. Спи у нас, мама разрешит, не бойся.

— Ну все. Настя, в кровать! — прервала их доверительную беседу вошедшая Наталья.

После программы «Время» начался еще один художественный фильм. Теперь Андрей сидел на диване рядом с Натальей.

— Не холодно? — спросила она. — У нас еще не топят, а уже вторая половина сентября, ночью холодно, и мы включаем электрокамин. Включить?

— Если хочешь. Я не замерз, — сказал Андрей, хотя давно чувствовал, как холодный воздух стелется по полу.

Наташа принесла электрокамин, включила и снова села рядом с Андреем. Потом она рассказывала о том, как училась в техникуме, как от-

дыхала, будучи студенткой, на Байкале, как трудно рожала... Андрей слушал рассеянно, кивал головой и думал о том, стоит ли ему уходить сейчас или же дожидаться, когда Наташа сделает намек на то, что уже поздно.

«Если она намекнет, что пора, значит, нам вместе быть не судьба», — решил про себя Андрей.

Время потихоньку шло. Закончился фильм, прошла передача о разведчиках времен Второй мировой войны, вышел в эфир блок новостей. Вот уже передачи подошли к концу, и Наташа переключила телевизор на другой канал. Вскоре и там закончилось время трансляции. Выключив телевизор, Наташа сладко зевнула и потянулась.

— Поздно уже, — сказала она, — наверное, бабушка Паша закрылась, тебе не достучаться. Могу предложить место на диване.

Андрей пожал плечами.

— Решено, будешь спать на диване. Сейчас постелю.

Наташа расстелила простыню, положила подушку, ватное одеяло.

— Готово. Извини, пойду, спать хочу, — сказала она, — завтра к семи на работу. Ложись и гаси свет.

Андрей выключил свет, разделся и лег.

«Нормально, — подумал он. — Второй раз в гостях — и уже с ночевкой. И кто мне завтра поверит, что я спал отдельно от хозяйки?»

Он думал в ту ночь о многом: о матери — бедная, как она там, наверное, изошлась слезами? О ребятах из группы «Паровоз» — играют ли они теперь вместе без него? О себе: неужто у него судьба такая — снова пройти по кругам тюремного и лагерного ада? О Наталье: что принесет ей эта встреча с ним? Разочарование? Надежду? Любовь?..

* * *

Он проснулся оттого, что замерз: одеяло упало на пол. За окном уже появились первые проблески рассвета. Часы показывали шесть. Андрей поднялся, закутался в одеяло, прошел в прихожую, открыл дверь в туалет. Выйдя из него, он остановился возле комнаты, где спали Наталья с Настей. Дверь была приоткрыта, и он увидел, что Натальино одеяло сбилось в сторону, а открытые ее колени покрылись от холода пупырышками, словно кожа оципанной гусыни. Настя же (ее кровать стояла в самом углу, перпендикулярно Натальиной) вообще отбросила одеяльце на спинку кровати, а сама свернулась в клубок. Андрей осторожно вошел в комнату, накрыл одеялом ребенка и подошел к Наташе.

— Наташа, — тихо позвал он, — Наташ...

Наталья открыла глаза, кивнула головой, прикрыла колени.

— Наташа, давай объединимся против холода, — предложил шепотом Андрей.

— Каким образом? — спросила она.

— Под одним одеялом. Вот так. — Андрей накрыл ее сверху своим одеялом, приподнял край пододеяльника и нырнул в объятия хозяйки.

Была суббота. Андрей, одетый по-домашнему в трико, футболку и тапочки, сидел на диване и смотрел утреннюю телепрограмму. Наталья стирала в ванной, а Настя играла в спальне — наряжала и укладывала в кроватку куклу.

Андрей уже больше недели жил у Наташи и чувствовал себя хозяином. За эту неделю он стал своим для Натальи и Насти, и ему уже начинало казаться, что он живет здесь давно.

— Андрюш, что хорошего кажут? — крикнула из ванной Наталья. — Скоро эстрадный концерт начнется?

— Уже начался, — ответил Андрей, — Валя Толкунова первой поет.

Наташа вышла из ванной комнаты, вытирая о фартук мокрые руки, подошла к нему и поцеловала в щеку. Ей нравилось, когда Андрей запросто называл артистов по именам: Ира Муравьева, Лёва Лещенко, Саша Збруев... Слово он был лично знаком с каждым из них и состоял с ними в приятельских отношениях. Наташа присела рядом с Андреем, обняла его за шею, прижалась лбом к его щеке.

В комнату вбежала взволнованная Настя.

— Дядя Андрюша, надевай скорее брюки, — крикнула она, — тетя Люба идет.

Она сняла висевшие на спинке стула брюки и свитер и передала их Андрею.

— Быстрее! Быстрее! — подпрыгивала Настя и хлопала при этом в ладоши.

Наташа пошла к входной двери, а Андрей, засуетившись, стал одеваться.

Тетя Люба оказалась живой и не лишенной привлекательности женщиной, на два года помладше Натальи и совсем не похожей на нее. Познакомились. Потом пили чай с малиновым вареньем, которое привезла Люба. Сестры говорили о родственниках, о брате, к которому нужно было вскоре кому-то из них ехать. Улучив момент, когда Наталья вышла, Люба прямо спросила Андрея:

— У вас это серьезно?

— Надеюсь, — ответил он.

— Не обижай ее, ладно? — попросила Люба. — Она у нас невезучая.

Андрей кивнул.

Прощаясь, Люба пригласила их в гости на ноябрьские праздники. Наталья сказала, что они постараются приехать.

Как оказалось, в этот день Наталья сестра была первой, но не последней гостьей. Часам к четырем пришел двоюродный брат Наташи Сашка с женой Валентиной. Снова познакомились, снова пили чай с малиновым вареньем, ели домашнюю колбасу. Валентина с нескрываемым

любопытством рассматривала нового человека, а потом попросила, даже стала умолять, чтобы Андрей спел. Он взял гитару и наиграл мелодию из кинофильма «Земля Санникова»:

Призрачно все в этом мире бушующем.
Есть только миг, за него и держись...

Андрей еще ни разу в жизни не видел, чтобы так слушали кого-то, как слушала его Валентина. Она пропускала каждое его слово, каждый звук через себя, непроизвольно перемещаясь к нему ближе и ближе, отчего Андрею становилось не по себе. Однако он допел песню до конца и пододвинул табурет, на котором сидел, к Наталье.

— А ты понравился Валентине, — сказала Наталья, проводив гостей.

— Неужели? А я что-то не заметил.

— Не лукавь. Этого нельзя было не заметить. Наверняка Сашка ей сейчас предупреждение делает по этому поводу.

— Слушай, ну я тут явно ни при чем! Я не подавал никакого повода... — начал было Андрей.

— Не оправдывайся! — перебила его Наталья, и он почувствовал, что ее голос срывается. — Скажи лучше честно: ты будешь мне изменять?

— Ты что, Наташа? О чем ты говоришь...

— Да все вы... — На глазах у Наташи выступили слезы, она махнула рукой и, забежав в спальню, закрыла дверь на защелку.

Андрей попытался достучаться, звал ее по имени, но она не отзывалась. Он прошел в зал, сел на диван. Вот и первая кошка между ними пробежала. То ли еще будет в этом доме...

Через полчаса Наташа вышла из комнаты, глаза ее немного припухли от слез.

— Прости меня, ладно? — сказала она, усаживаясь рядом с ним. — И почему они влюбляются в тебя? И соседка, и Валентина, и...

— Да никто не влюбляется. Выдумываешь ты все. Сама придумываешь, вот тебе и кажется.

Андрей обнял ее и поцеловал вначале в щеку, а затем в губы. Наталья взяла его за голову обеими руками, крепко сжала и горячо поцеловала.

— Я тебя никому не отдам! Понял?! — сказала она с железной уверенностью в голосе. И повторила: — Не отдам. Ты понял?..

Андрей, отвечая ей на поцелуй, кивнул головой.

* * *

В понедельник утром Петрович вызвал Андрея к себе.

— Слушай, — сказал он, — мне нет разницы, есть у тебя трудовая книжка или нет, но зава нашего военкомат затормошил, требуют, чтобы ты встал на воинский учет, еще и штрафом пугают. Поэтому получи

у кассира получку, я тебе дам недельку, а ты смотайся за документами. Годится?

— Годится, — согласился Андрей.

— Недели хватит обернуться?

— Хватит.

«Видимо, последнее денежное довольствие», — думал Андрей, получая месячную зарплату и пожимая на прощание руку директору ДК.

— Пока ты катаешься, — говорил Степан Петрович, — я у директора совхоза аппаратуру выбью. Приедешь — и начинай играть на танцах. Уборочная страда закончилась, молодежи вечерами делать нечего — пойдут в ДК.

Андрей кивнул и пошел готовиться к поездке. Он чувствовал, что настало время ехать домой. Нет, он не собирался заявляться с повинной. Пока, во всяком случае. Андрей надеялся, что у матери сохранился военный билет, который почему-то не потребовал следователь, ведший его дело. Тот забрал паспорт, спросил о билете, но не забрал воинский документ. Главное, считал Андрей, приехать в родной город ночным поездом, прийти домой незаметно, не встретив знакомых, а под утро сесть на проходящий поезд и вернуться назад.

Первым утренним автобусом он отправился в краевой центр. Наташа проводила его до автостанции, прощаясь, крепко поцеловала.

В родной город, как и рассчитывал, он приехал около полуночи. Темной холодной октябрьской ночью добирался до родного дома через весь город. Не без волнения постучал в двери квартиры.

— Кто? — услышал он испуганный и уставший голос матери.

— Я, мама, Андрей...

— Андрюша!.. — Едва открыв дверь, мать бросилась на грудь сына. — Что же ты наделал? Зачем? Участковый говорил, что тебя бы через месяц-два совсем отпустили, а теперь еще два года сидеть придется! Ой, сынок, сынок...

Военного билета дома не оказалось. Мать отдала его участковому, когда тот спросил, есть ли дома документы Андрея.

— Ой, Андрюша, Андрюша, два раза приходили, дома тебя искали, под кровать заглядывали. Потом меня в милицию вызывали, спрашивали, куда поехать мог. Я назвала адрес тети Маши, а больше и не знаю... Сдайся, Андрюша, все равно ведь поймают. Милиция везде найдет.

Андрей не стал есть ночной ужин — гороховый суп и котлеты. Попил лишь чаю с малиной, несколько котлет завернул с собой. Мать отварила ему в дорогу с десяток яиц, положила банку тушенки, сахару, пачку чаю. В шкафу он нашел старый овечий полушубок, взял с собой зимнюю шапку, перчатки, шарф. Прощаясь, поцеловал мать в лоб и только тут заметил, как она постарела: волосы покрылись сединой, лицо — морщинами.

— Куда теперь, сынок? — заплакала у двери мать.

— Далеко, мама. Не плачь, как-нибудь переживем.

— Работает ли где? Может, денег надо, я пенсию вчера получила.

— Не надо, мама, спасибо. У меня есть, на дорогу хватит, а там за- работаю.

— Смотри, не хулигань нигде. Да, забыла тебе сказать: Катин-то отец совсем плохой — из больницы не выходит, почки отнимаются. Люди говорят — это наказание ему за дочь. А Тамара, сестра Кати, сейчас на твоём месте, на танцах молодежи поет.

— А ребят моих не встречаешь на улице?

— Встречаю. И Геру слепенького — все с женой под ручку ходят. И Ваську-гитариста. На машине меня несколько раз домой с рынка под- возил, про тебя спрашивал. А что я ему скажу? Сказала, что не знаю, где ты.

На вокзал Андрей пришел около пяти часов утра. У билетных касс никого не было, и он, разбудив кассиршу в окошечке, дремавшую за сто- лом, без лишней суеты приобрел билет на семь часов. Два часа, дабы не встретить знакомых, он бродил по перрону и изрядно продрог, потому, когда подошел поезд, забрался в вагон, купил постельный комплект и, расстелив, завалился спать.

Вернулся он в райцентр вечером следующего дня. Был день рож- дения Наташи, и у нее в гостях собрались соседи — Николай с Ольгой. Вечеринка уже подходила к концу, но по поводу возвращения Андрея Наташа достала из холодильника новую бутылку. Дружно поздравляли Наташу, потом просили Андрея спеть. Он впервые в жизни отказался, сославшись на усталость.

Через час после возвращения Андрея гости ушли. Наташа уложила Настю в постель и достала еще одну бутылку портвейна.

— Как поездка? Удачно? — Наташа погладила Андрея по воло- сам. — Устал, бедненький...

Андрей взял ее за голову, притянул к себе, поцеловал.

— Разговор есть, — сказал шепотом.

— На сто рублей? — пошутила Наталья, принимая его поцелуй.

— Серьезный разговор, Наташа. — Андрей отпрянул чуть в сторону и отвел глаза. — Обещай мне, что если вдруг после этого разговора ты захочешь, чтобы я ушел, то пусть это будет утром. Позволь мне остаться до утра, я устал с дороги.

Наташа напряглась и тревожно посмотрела на Андрея.

— Ты что, убил человека? — вполне серьезно спросила она.

— Да нет! — выкрикнул он и, немного успокоившись, добавил: — Чуть не убил в свое время, но дело сейчас не в этом.

— А в чем?

Андрей встал, прошелся по комнате.

— Знаешь, я... Можно я начну немного издалека?

Наташа пожала плечами. Она сидела на диване, поддерживая под- бородок руками и поставив локти на колени.

И Андрей начал говорить. Он говорил вполголоса, не торопясь, словно взвешивая каждое слово: о том, как начинал играть на гитаре, как служил в армии, как пел в группе «Паровоз»; рассказал про Катю и Катинного отца, про тюрьму, зону и «химию», о том, как и при каких обстоятельствах оказался здесь, у нее в доме.

— Вот так, Наташенька, теперь у меня нет документов, меня разыскивает милиция и я нахожусь в бегах.

Наташа с минуту сидела молча, затем закрыла лицо руками, плечи ее задрожали. Андрей подсел к ней, обнял.

— Завтра я уеду, — сказал он.

— Куда? — Наташа оторвала руки от заплаканных глаз. — Куда ты поедешь? Скоро зима. Где тебя ждут?

— Поеду в Кемеровскую область, там еще один друг армейский живет. Попробую отыскать его.

Наташа снова заплакала:

— Ну почему? Почему мне так не везет?

— Знаешь, Наташа, давай допьем портвейн... и пропади оно все пропадом, а? — предложил Андрей.

Наташа всхлипнула, утерла концом халата слезы и, поднявшись, кивнула Андрею. Они зашли на кухню, где Наташа достала из холодильника тарелку с холодцом, остатки винегрета и недопитую бутылку вина, сама разлила по фарфоровым бокалам. Выпили молча, закусили.

— Что ты скажешь на работе? — спросила Наташа.

— Да найду, что сказать, — ответил после паузы Андрей, — скажу, что родители не хотят, чтобы я уезжал из дома, и не отдают документы, а я здесь жить хочу. Петровичу музыканты нужны, он за меня перед заведующим заступится. Зиму перекантуюсь.

— А потом?

— Потом что-нибудь придумаю. Голова на плечах есть.

— Голова-то у тебя есть, правильно говоришь. Наверное, не одной бабенке мозги запудрил.

— Не успел.

— Что не успел?

— Не успел запудрить. Некогда было. То пел, то сидел. Ты первая, кому запудрить попытался, и то не получилось. Видимо, нет таланта на эти дела.

— Ладно, — сказала Наташа, разливая остатки вина в бокалы, — допьем и пойдем спать, а завтра — будь что будет. У меня ведь тоже сейчас брат в зоне сидит.

* * *

Наступал Новый год. Андрей кое-как сколотил группу ребят, желающих играть на гитарах, нашел и девчушку-пианистку, которой поручил «Ямаху». 27-го и 28 декабря с десяти утра и до одиннадцати вечера Ан-

дюжина группа репетировала до изнеможения. Андрей никому спуска не давал и требовал строго. Ребята поначалу ворчали, потом смирились: их убедил пример самого Андрея, игравшего без усталости и певшего до хрипоты. В репертуар он включил свои старые песни и одну наскоро сочиненную им накануне. Петрович попросил, чтобы они спели что-то про Новый год. Недолго думая Андрей взял песню со словами «А Новый год, а Новый год несет нам счастье новое».

Раза два на репетиции заходила Валентина Петровна, одобрительно кивала Андрею, не отрывая его от работы, и громко хохотала в фойе ДК. Директор Дома культуры хотел, чтобы ребята играли всю новогоднюю ночь, но дома Наталья закатила Андрею нечто вроде скандала, сказав, что они идут на встречу Нового года к Сашке с Валентиной, она уже им пообещала. Андрею ничего не оставалось делать, как уговаривать Петровича начинать вечер в девять часов, а заканчивать в одиннадцать.

— Все равно все домой Новый год встречать пойдут, — говорил он, — и мы с тобой не проклятые — отметим за семейным столом.

Петрович тяжело вздохнул, но согласился.

— Может, к нам придете? — спросил он Андрея. — Приходи, Андрюха, посидим, наливочки попьем, пивка домашнего. Галка такой пирог состряпала...

— Не могу, Степан Петрович, сам видишь, человек я теперь подневольный.

* * *

Выступление группы прошло скверно. Нет, ребята старались вовсю, но их почти никто не слушал: уже в девять вечера добрая половина молодежи, пришедшей на вечер, едва держалась на ногах. В зале курили, не стесняясь пили из горлышка вино и водку, свистели. Когда нужно было танцевать танго, молодые невежды начинали дергаться, образовывая круг. А один, стриженный наголо, и вовсе впал в экстаз: упал на колени, изогнулся и пытался, закинув руки назад, достать ладонями пол. При этом он не забывал извиваться музыке в такт.

К половине одиннадцатого зал изрядно разгрузился. Чуть позже за Андреем пришла Наташа, и Степан Петрович объявил, что вечер закончен. Он не реализовал и добрую половину из задуманных им аттракционов и, махнув рукой, раздал ребятам гонорар и новогодние подарки. Взял для Насти подарок и Андрей.

Перед тем как попрощаться, Степан Петрович затащил всех в свой кабинет, открыл бутылку коньяка и коробку шоколадных конфет.

— С наступающим! — сказал он, обнося единственный стакан по кругу.

За компанию пригубила коньячку и Наталья, взяла из коробки несколько конфет, положила в карман — для Насти.

В гости они пришли в половине двенадцатого. Ребятишки, Настя и хозяйские Васька с Надюшкой, играли у елки. Санька с Валентиной возились на кухне, а в комнате сидел Санькин школьный друг — тракторист Лёха. На полную катушку орал телевизор — шла праздничная программа.

На их приход первыми отреагировали дети: подбежали всей стайкой и, получив от Наташи подарок, пошли делить его снова под елку. Санька оторвался от кухонных дел, подошел к ним с блестящими глазами и раскрасневшимся, лоснящимся лицом, помог раздеться.

— Ты где потерялся? — спросил он Андрея. — Давай проходи, за старый год выпьем, проводить его нужно. Год-то, в принципе, неплохой был, хотя и олимпийский, високосный. Иди в комнату, а я сейчас пельмени принесу.

— Да они уже в ДК старый год проводили, — подала было голос Наталья.

— А ты дома будешь командовать, — полушутя-полусерьезно бросил реплику в ее сторону хозяин, — а в гостях нечего... В гости ходят, чтобы пить и есть то, что хозяева предлагают.

Наталья махнула рукой — ну вас! — и отправилась на кухню помогать Валентине.

Андрей подсел к Лёхе:

— С наступающим!

— С наступающим!

Санька принес пельмени в большой кастрюле.

— А ты что, Андрюха, без гитары? Нечего без нее тут делать. Давай или ты за инструментом, или Натаху посылай. Петь все равно заставим. Наташ, — крикнул он в сторону кухни, — иди к нам, Валюху зови! За старый год выпьем... да за гитарой сходишь. До Нового года еще двадцать минут — успеешь.

Валентина с Натальей уселись на диване. При этом Валентина села рядом с Андреем, оттеснив Наташу к краю стола. Санька открыл бутылку «Русской», разлил по рюмкам.

— Ну, давайте... Вот грибочки, помидоры маринованные, пельмешки. Потом Валя подаст манты, селедочку под шубой, огурчики. Закуски и выпивки до утра хватит.

— Прощай, високосный... — поднял рюмку Санька и поочередно чокнулся со всеми. — Что ж год грядущий нам готовит...

Пять рюмок сошлись в центре стола, зазвенели.

— Ладно, я пойду за гитарой, — сказала Наташа, вставая, когда все выпили и закусили, — заодно Настино одеяло принесу. У вас, наверное, ночевать будет?

— Конечно, о чем разговор, — сказал Санька.

— С тобой пойти? — спросил Наташу Андрей.

— Да не надо, я быстро, — ответила она и пошла в прихожую.

— Давай еще по одной, — предложил Санька. — А то... что пили, что не пили... И где только Валька такие маленькие рюмахи нашла...

— Не гони, — сказала Валентина, — пятнадцать минут потерпеть не можешь! Сейчас Наташа придет, послушаем поздравление по телевизору — тогда пей... сколько влезет.

— Да брось ты, Валюш... мы по пятьдесят грамм еще прилепим, что от них будет? Не бойся, раньше времени не забалдеем.

— Пошли лучше на кухню, — потянула его за рукав Валентина, — манты носи к столу, салат.

— Может, я сгожусь в помощники? — спросил Андрей.

— Пошли, — сказала Валентина, — пусть этот сидит себе.

— Иди, Андрюха, разомнись, а то, небось, застоялся на сцене с гитарой-то, — одобрил решение жены Санька.

— Хочешь коньяку? — спросила вполголоса Валентина, когда они пришли на кухню, — я от Сашки прячу. Армянский, три звездочки.

Андрей пожал плечами.

— Сейчас. — Валентина открыла духовку газовой плиты и достала бутылку. — На, открывай.

Андрей взял нож, срезал пробку. Валентина поставила перед ним две пятидесятиграммовые рюмки. Андрей наполнил их.

— Закусывай мантами. Эти гаврики все равно там бутылку допивают, — сказала Валентина, кивнув в сторону комнаты, — ну и пусть. Если завтра болеть сильно с похмелья будешь, приходи, я тебя похмелю... а этого идиота Сашку — не буду. Пусть сегодня до упора пьет, а завтра болеет.

Едва они выпили, как в прихожей раздался звонок, и Валентина пошла открывать двери. Пришла Наталья с гитарой и детским ватным одеялом.

— А вы что не за столом? — спросила она Валентину с Андреем. — Пять минут до Нового года осталось.

— Мы сейчас, — заверила Валентина, — помогай нам. Бери салат из холодильника, носи к столу. А ты, Андрюша, из мантоварки переложи манты на тарелочку.

За пару минут к новогоднему столу было подано все, что необходимо, по мнению Валентины. Кроме холодца, который хозяйка решила выставить под занавес торжества.

Едва уселись за стол, как в Москве куранты пробили восемь, и по местному времени наступила полночь. По телевизору шла запись новогоднего обращения главы государства к народу. Санька дал команду всем встать. Он уже налил женщинам шампанского, а мужикам водки.

— Нечего нам эту мочу пить, — сказал он про шампанское.

И вновь фужеры, на этот раз уже двухсотграммовые, сошлись в центре праздничного стола. Валентина снова присела рядом с Андреем, а Наташа — с краю. Санька с Лёхой расположились напротив них. По

телевизору начался праздничный концерт, и Санька потребовал выпивку повторить. Выпили еще раз, а затем дружно налегли на манты.

— Андрюха, теперь твоя очередь. Берись за инструмент! — скомандовал инициативный хозяин квартиры.

Наталя принесла из прихожей гитару, передала Андрею.

Тот взял, перебрал струны.

— «Зимняя песня». Текст и музыка Андрея Свиридова, — объявил он, — мой ранний шлягер. Стихи сочинил, когда мне было лет шестнадцать, потому прошу строго за текст не судить.

— Не будем судить, — заверил уже захмелевший Санька, — тут прокуроров нет.

С неба падали снежинки
 Белою зимой.
 По заснеженной тропинке
 Ты ушла домой...

— запел Андрей, уверенно перебирая струны.

И, напрасно ожидая,
 Я смотрел в твоё окно,
 Так прекрасно понимая —
 Всё прошло давно.
 Пусть вокруг трещит зима
 Лютыми морозами,
 До весны я сохраню
 Тот букетик с розами...

Андрей еще дважды пропел припев, и Валентина ему подпела.

Наташа ревниво глянула в сторону Валентины.

— Ладно, хватит музыки. Давайте выпьем лучше за то, чтобы все было хорошо, — сказала она, забирая у Андрея гитару.

— Правильно, сестренка, — поддержал ее Санька. — Он потом споет. А сейчас давайте выпьем за вас с Андреем. Чтобы вы в наступившем году стали законными мужем и женой, чтобы родила ты ему, Наталя, сына. Да-да, Андрюха, хватит по белу свету мыкаться. Наташка — баба хорошая, добрая. Ты уже сам в этом убедился. Квартира у вас есть, давайте живите, добро наживайте.

— Споешь потом? — тихо спросила Валентина Андрея. Тот кивнул.

— Хватит там шептаться, — заметил Санька, — не то ревновать начну. Давайте встанем и выпьем за наших молодых.

Когда поднимались, Валентина незаметно для других тихонько пожала руку Андрея. Он посмотрел на нее, пунцовощековую, с горящими и без смущения смотрящими на него глазами. Снова чокнулись. Выпили и набросились на закуску.

— Так, Валюха, — снова взял на себя инициативу Санька, — тащи сюда магнитофон, ставь кассету с «Миражом» — танцевать будем. На первый танец я приглашаю Наташу.

— А я — Андрея, — сказала Валентина. Она раскрыла дверцу серванта, достала оттуда магнитолау «Вега», поставила кассету. Из колонок полилась музыка, и мягкий неторопливый голос певицы запел:

Встретились мы не случайно,
Знаем мы тайны звезд,
Но после нашей встречи
Все будет всерьез...

Санька с Натальей заняли середину свободного пространства между столом и шифоньером; Валентина с Андреем кружились в медленном танце на весьма ограниченном участке — возле двери, ведущей в прихожую. Санька, уже изрядно захмелевший, клал голову Наталье на плечо и закрывал глаза. Видя такое дело, Валентина плотнее и плотнее прижималась к Андрею, обхватив левой рукой партнера за талию и жарко дыша ему в ухо. Лёша тоже терял над собой контроль. Пока шли танцы, он пару раз причастился к рюмашке и теперь тщетно пытался зацепить вилкой винегрет.

— Что, Лёха, не получается? — хохотнул Сашка, когда песня закончилась. — Хорош танцы-манцы, давайте еще по соточке прилепим.

Все прекрасно понимали, что возражать ему не стоит, и покорно расселись вокруг стола.

— Я что-то водку больше не могу, — сказал Андрей. — Шампанского бы выпил.

— Сейчас принесу, — сказала с готовностью Валентина и направилась на кухню.

— Эх ты, музыкантишка, интеллигентик, — покачал головой Санька, осушив рюмку. — Слабак. Ты водку пей — и никогда болеть не будешь. А смешаешь со всякой бурдой, ерша сделаешь, быстрее свалишься и на завтра не поднимешься — стонать будешь.

— Он не будет, — сказала Наташа. — Он никогда не болеет.

— Знаете что? — Валентина принесла бутылку шампанского и подала Андрею, чтобы открыл. — Пойдемте на горке покатаемся.

— Я сейчас еще выпью пару соток и спать пойду, — сказал Санька, — а вы идите, если хотите. Пойдем, Лёха, спать?

— Не-а, я на горку пойду кататься, — замотал головой Лёша, — я на горку хочу, а потом домой. Матушка дома одна сидит скучает.

— Вы идите, — сказала Наталья, — а я ребятшек спать уложу, зевают уже, сладенькие, под елкой. Убаюкаю и приду.

— Пойдем, — потянула Валентина Андрея за руку. Вслед за ними оторвался от стула Лёха.

На улице шел снег, легкий и пушистый. Крупные снежинки медленно кружили и ложились на освещенные фонарями ветки тополей, тропинки, проезжую часть улицы. Было два часа ночи, но народ не торопился смотреть новогодние сны, спешил в сторону парка или просто гулял по

улицам районного центра. Валентина взяла Андрея под руку. Лёха шел сзади, покачиваясь из стороны в сторону.

Парк, расположенный неподалеку от микрорайона двухэтажек, был битком заполнен народом. На деревянной и ледяной горках слышался смех, крики, громкая речь. Сверху вниз катили кто на санках, кто на фанерах, кто на картоне от коробок, а кто и на собственном заду. Вокруг плотным кольцом стояли любопытные. Мелькала гирляндами большущая, метров семь высотой, елка, установленная в центре парка.

Валентина потянула Андрея наверх, попросив у знакомого парнишки санки с кошечкой. Лёха пошел за ними.

— Давай садись, а я к тебе на колени, — сказала Валентина, когда они забрались на вершину ледяной горы. — Лёшка пусть сзади цепляется, на ногах поедет, впрысдаку.

— Ага, — кивнул головой уже совсем пьяный Лёша. — Поехали-и-и!..

Он, бедный, не удержался, отцепился от санок где-то посредине спуска и покатился на спине. Падая, внес корректировку в движение санок: они слегка развернулись боком и, съехав с горы, помчались не прямо, а несколько в сторону, а когда врезались в сугроб, то седоки не удержались и свалились в мягкий снег. Андрею залепило снегом глаза, но он чувствовал, что лежит на чем-то мягком и лохматом, не сразу сообразив, что это Валина шуба. Он попытался приподняться и протереть глаза, как вдруг ощутил на шее руки Валентины, а затем ее поцелуй. Прикосновение Валиных губ было необычно мягким и сладким. От нее слегка пахло вином и ароматом. Запах снега был сравним с запахом разрезанного спелого арбуза. Ничего подобного раньше с женщинами Андрей не испытывал, вкус Валиного поцелуя словно застыл на его губах. Андрей поднялся, протер глаза. Валентина варежкой отряхнула снег с его пальто и попросила сделать то же самое с ее шубой. Подошел заснеженный Лёша. Привели в порядок и его одежду.

— Ребята, проводите меня домой, — попросил он. — Я один боюсь идти, еще не дойду. А меня матушка ждет, переживает...

— Пошли проводим. Он недалеко здесь живет, — сказала Валентина Андрею.

— Давайте все-таки Наталью подождем, — предложил Андрей, — сейчас должна подойти. Не то у меня неприятности будут.

— Да она еще не скоро подойдет. Ребятишек не так просто уложить, особенно моих. Мы сорок раз обернуться успеем, — заверила Валентина.

Вернув санки мальчугану, Валентина взяла под руки обоих мужиков и повела их через парк. Лёша жил в домах управления районной «Сельхозтехники», база которой была расположена сразу за парком. Миновав проходную и бетонный забор, они свернули в первый же переулок. Третий дом по правую сторону, первая квартира... На кухне горел свет.

— Не спит маманя, сыночка ждет, — прокомментировала Валентина. — Ты, Лёша, уже не заблудишься — иди прямо на свет, а мы тоже домой двинем.

Лёша молча вошел в калитку и, не закрывая ее, направился к дому. Залаяла собака.

— Пойдем, — сказала Валентина, прикрыв калитку и снова взяв Андрея под руку, — сейчас к тете Ане зайдём на проходную СХТ, поздравим ее с Новым годом.

Вахтер «Сельхозтехники» тетя Аня была занята чтением книги. На стук в дверь она отреагировала сразу, но, прежде чем открыть, посмотрела в окно и, убедившись, что стучатся к ней люди знакомые, откинула крючок.

— С наступившим тебя, Васильевна! — едва переступив порог, сказала Валентина.

— И вас также! — отозвалась вахтерша. — Сашку где своего потеряла? — спросила она Валентину, усаживаясь на табурет у стола и электрообогревателя.

— А променяла вот на Андрюшу, — засверкала глазами Валентина, сев на старинный диван с валиками, увлекла за собой Андрея, — этот лучше: и моложе, и меньше пьет.

— Ох и шустрая ты, Валька! Побьет ведь тебя опять Сашка.

— Если ты ему не скажешь, то и не побьет, а побьет — посажу его на пятнадцать суток: пусть позагорает, о жизни подумает. Да только к мужу двоюродной сестры он меня ни в жизнь не приревнует.

— Ну ладно, — махнула рукой тетя Аня, — мне-то какое дело. Чай пить будете?

— Будем, — согласилась Валентина, — только мы его тут сами разогреем, а ты сходи пока своих дома попроведай: может, там дядя Петя уже за столом уснул, на виногрете... — Валентина громко рассмеялась.

— И правда, что-то нет его, — сказала обеспокоенная вахтерша, — обещал к часу прийти, меня охранять, а не пришел. Ну ладно, вы тут минут двадцать полюбезничайте, а я до дому добегу.

— Давай. — Валентина проводила ее за ворота, закрыла их, потом вернулась на проходную и задвинула занавески на окне.

С минуту они сидели на диване молча.

— Андрюша, я тебе нравлюсь? — спросила Валентина.

— Как человек — да, — ответил Андрей и покашлял в кулак.

— А как женщина? — не унималась она.

— Как женщина? — переспросил Андрей. — Ну... ты симпатичная, общительная...

— Ты что, характеристику мне в партию даешь, что ли? — перебила его Валентина. — Ладно, не говори ничего, лучше потом дома споешь. Ты поешь лучше, чем речи говоришь.

Она снова засмеялась и начала снимать с Андрея шапку, шарф, потом взяла его за вьющиеся кудри и повалила на диван. Андрей не успел

ничего сообразить, как губы Валентины вновь коснулись его губ. Она все крепче и крепче впивалась в него, накручивая смуглые кудри на свои пальцы. Новый импульс ощущений, ранее не испытанных, нахлынул на Андрея, внутри его тела что-то заклокотало, сердце забилося учащенно, душа заликовала, и он осторожно погладил Валентину по шелковистым волосам.

— Я выключу свет, — прошептала она.

— А может, не надо? — также шепотом спросил Андрей. — Как я потом Наташе в глаза посмотрю?

Валентина резко приподнялась и села.

— Ой какие мы впечатлительные! — почти крикнула она. — А как она тебе в глаза посмотрит? Ты знаешь, что азербайджанец Азат к ней на работу приходит и уговаривает, чтобы она его в гости пригласила? Над ней все в детсаду смеются. А спроси ее, как она с капитаном Ломакиным рассчитывалась за то, чтобы он их с матерью пустил на свидание к брату Коле, которого потом на шесть лет посадили за изнасилование. Спроси! Ты думаешь, об этом никто не знает? А знаешь ли ты, как в прошлом году к ней один лысенький приезжал? Чуть стемнеет — он уже у подъезда машину ставит, а чуть рассветет — уезжает. А дома у него жена и две дочери-малютки, между прочим. Спроси ее об этом, пусть тебе свои любовные истории поведаст.

Андрей сел и обхватил голову руками. Валентина взяла его руки в свои, прижала к своей груди, погладила по кудрям.

— Я выключу свет? — тихо спросила она.

Андрей молчал.

— Молчание — знак согласия, — сказала Валентина. Она подошла к столу и щелкнула выключателем...

* * *

Когда они вернулись к месту застолья, то обнаружили там храпящего на всю квартиру Саньку, уснувшего на диване прямо в одежде, и посапывающих в спальне ребятишек.

— Пойдем на кухню, — сказала Валентина, помогая Андрею раздеться, — Наташка все равно сюда придет.

Она чмокнула Андрея в щеку и поспешила на кухню. Через полминуты на столе появилась початая бутылка коньяка, две маленькие рюмки, тарелка с холодцом, горчица, хлеб.

— Иди сюда, — позвала Валентина, — выпьем, и споешь. Ты какую-нибудь песню знаешь, чтобы в ней про Валю пелось?

— Знаю, — ответил Андрей, усаживаясь на табурет, — «Валя моя, Валентина».

— Вот и споешь. — Валентина залпом выпила содержимое рюмки, подцепила кусочек холодца.

Андрей не торопился с выпивкой. Заметив это, Валентина пересела к нему на колени, взяла его руку с рюмкой в свою и поднесла к губам. Когда Андрей выпил, она стала кормить его холодцом, целуя в лоб, глаза, щеки. Звонок в дверь заставил обоих вздрогнуть. Валентина пошла открывать.

— Вы уже здесь, а я вас по парку иду. — В прихожую вошла Наташья. — А где Лёша? — спросила она.

— Мы его домой проводили, — пояснила Валентина, — он совсем расклеился.

— Так... Сашка спит, дети тоже, а вы чем занимаетесь? — то ли шутя, то ли серьезно спросила Наташа.

— Коньяк пьем, — быстро отреагировала Валентина, — а теперь вот Андрюша споеет песню про Валентину. Правда, Андрей?

— Неси гитару, спою... да домой, наверное, пойдем, — сказал Андрей, — время уже четвертый час.

Наташа прошла на кухню, налила себе коньяку, выпила, попробовала на вкус холодец, но есть не стала.

— Запевай. — Валентина подала Андрею гитару и присела на край Наташиного стула.

— Спой, спой... — поддержала Наташа Валентину, отодвигаясь на край стула.

Андрей, как всегда перед исполнением песни, привычно перебирал струны гитары. Валентина замерла в предвкушении, глаза ее светились любовью.

Тебя сегодня я случайно встретил,
Как видно, нас с тобой судьба свела.
И в этот миг я даже не заметил,
Когда ко мне моя любовь пришла.
Валя моя, Валентина,
Снова шепчу я любя.
Валя моя, Валентина,
Как же я жил без тебя...

Заканчивал Андрей уже дуэтом с Валентиной, трижды повторив куплет.

— Да вы, ребята, спелись, — покачала головой Наташа. — Вот этот товарищ, — кивнула она на Андрея, — живет у меня уже три месяца... и не спел ни одной песни про Наташу, а тебя, Валь, он знает всего ничего — и уже напевает про Валентину. Что вы мне прикажете думать?

— Он нам сейчас и про Наташу споеет... Правда, Андрюша? — попыталась перехватить ускользающую инициативу Валентина.

— Спою, — согласился Андрей, — я и про Наташу знаю. Просто раньше случая не было исполнить.

— А вот про Валентину быстро случай представился. — Наташа поймала взгляд Андрея и попыталась пристально взглянуть ему в глаза. Ему стало не по себе.

— Знаешь, а мы на санках с горки катались, — сказала Валентина, разливая по рюмочкам остатки коньяка, — а этот дурачок Азат прямо на заднице рассекал.

Андрей заметил, как дрогнули мускулы на лице Наташи, лицо ее залело, она отвела глаза.

— А ментов там — видимо-невидимо, — продолжала применять запрещенные приемы Валентина, — машину прямо в парк загнали, и чокнутый Ломакин снова ко всем бабам приставал, а потом зацепил какую-то вдупель пьяную, посадил в машину и повез в неизвестном направлении.

У Наташи затряслись руки.

— Пора идти домой, поздно уже, — сказала она переменившимся, каким-то жалобным голосом, и Андрей понял, что Валентина была права: у Натальи действительно что-то было и с Азатом, и с Ломакиным.

— Ты же про Наташку песню хотела послушать... и вдруг заторопилась. Ничего не пойму, — сделала удивленное выражение лица Валентина.

— Устала я что-то, — вздохнула Наташа.

— Ладно, давайте допьем, споем и пойдем спать. — Валентина первой взяла рюмку.

Из зала послышались громкие Санькины стоны.

— Начинается! — сказала Валентина, ставя рюмку на стол. — Сейчас налью ему полстакана водки на похмелку, а остальное спрячу. Пусть, собака, поддыхает. А утром сами похмелимся. Часиков в десять меня ждите, я ребятишек к вам приведу.

— Давайте допивать коньяк, идти нужно, — заторопила Наташа.

— Давайте. — Валентина выпила первой и подмигнула Наталье. Та отвернулась и тоже выпила. Потом наступила очередь Андрея. Ему уже не хотелось больше ни пить, ни есть, но нужно было поддержать компанию.

— Ну, Андрюша, повесели нас напоследок. Праздник кончается, а завтра уже будет не то, — попросила еще раз Валентина. Андрей снова перебрал струны и немного устало запел:

Опустил перрон, можно уходить.
 Мне теперь цветы некому дарить.
 За колонной я так и простоял,
 А тебя другой с поезда встречал...
 Наташка, Наташка, если бы диво случилось,
 И стала бы вдруг ты некрасивой.
 Бьть может, тогда бы могла ты заметить,
 Что я с тобой рядом один в целом свете...

— Молодец, Андрюша! — воскликнула Валентина, не дождавшись окончания песни. — Наташа, можно я его поцелую?

Не дожидаясь разрешения, она чмокнула Андрея в щеку.

— Ну ладно, пойдем, — сказала Наташа, — скоро уже пять утра. Хотя немного подремать нужно.

Домой шли молча. Снег хрустел под ногами, чувствовался морозец. Молча открыли входную дверь, молча разделись в прихожей. Андрей умылся в ванной комнате, утер лицо махровым полотенцем.

— Где спать будем? — спросила Наташа, готовясь расстелить постель. — В зале на диване или в спальне?

— Давай в спальне, — отозвался Андрей, усаживаясь на диван.

— Может, вина еще выпьешь? — снова спросила Наташа. — У меня бутылка припрятана.

— Ой, спасибо, напился уже до отрыжки.

— Тогда давай спать.

— Давай...

— Ты не спишь? — спросила Наташа через полчаса.

— Нет, — отозвался Андрей.

Он лежал с закрытыми глазами на спине и думал о том, что же будет дальше. Валентина, это ясно, теперь не отстанет, будет добиваться взаимной любви... и рано или поздно об их отношениях станет известно всем. Этого он не хотел, как не хотел верить тому, что сказала Валентина о Наталье и ее кавалерах. Он понимал, что сейчас не совсем трезв, сильно устал, потому не хотел говорить ни о чем.

— Что тебе Валентина обо мне сказала? — спросила Наталья, очевидно не считая, что утро вечера мудренее.

— Ничего, — лениво отозвался Андрей.

— Совсем ничего? Не может быть. Ты меня обманываешь! Я же видела, какими влюбленными глазами она смотрела на тебя.

— Ничего особенного она не сказала.

— Значит... все-таки сказала кое-что? — не унималась Наташа.

— Да ничего особенного, я же тебе говорю. Давай спать. Завтра будем отношения выяснять. — Андрей повернулся на другой бок.

— Вот ты уже и переменялся по отношению ко мне, — Наташа повернулась лицом к стенке, — охладел как-то сразу: не обнимешь, не целуешь...

— Устал я сильно сегодня. Надо хоть часика три-четыре вздремнуть, — попробовал было оправдаться Андрей.

— Если один человек любит другого, то он никогда от него не устанет, — сказала Наталья.

— А ты не устала, что ли? — спросил Андрей.

— Нет. Я любви хочу, настоящей. А ты не хочешь... и при первой же возможности сбежишь от меня.

— Кто это тебе сказал? — Андрей повернулся к Наташе.

— Сама вижу. Чувствую это.

— Надо же, какой индикатор чувствительный. — Андрей сел. — А к этому азербайджанцу, что к тебе в гости набивается, ты что чувствуешь?

Наташья приподняла голову над подушкой:

— Так вот что тебе твоя Валя-Валентина рассказала...

— Во-первых, она не моя, а твоего брата женошкa, а во-вторых, ты мне про него сама рассказать могла. Так было бы гораздо честнее.

— Знаешь что... — Наташья встала. — Во-первых, я за свою прошлую жизнь ни перед кем отчитываться не собираюсь, а во-вторых, этот Азат ни разу не перешагнул порог моей квартиры. Ходит, набивается в гости... ну так и что? Если человек не понимает, что я могу сделать?

Минут пять помолчали. Часы показывали начало шестого. Спать расхотелось.

— Конечно, если б я знала, что где-то есть ты, что мы встретимся, я бы вообще ни с кем не связывалась, как бы мне тяжело ни было.

— А со многими связывалась? — спросил неожиданно для себя Андрей.

— Связывалась! — бросила ядовито Наташья. — Что, хочешь знать, с кем? Хочешь, чтобы я рассказала? Расскажу все, не то Валентина опередит, если не опередила... Только одно условие — больше к этому возвращаться не будем, ладно?

— Да я не настаиваю, — проговорил Андрей. — Конечно же, ты не святая, у тебя была своя личная жизнь. Было бы глупо считать, что это не так.

— Нет уж, пусть новогодняя ночь будет ночью откровений и очищения.

Наташья набросила на себя халат и пошла на кухню, включила свет. Через минуту он услышал, как хлопнула дверца холодильника, зазвенела стеклянная посуда.

— Иди сюда! — позвала его Наташья.

Андрей натянул спортивные штаны, надел футболку, прошел на кухню. Наташья сидела за столом, перед ней стояла бутылка вина, два стакана, тарелочка с винегретом.

Наташья кивнула на свободную табуретку.

— Налей мне полстакана... ну и себе... сколько хочешь, — сказала она.

Андрей налил в обе тары до половины.

— Когда мне было пятнадцать лет, меня чуть было один дебил изнасиловал. — Наташья опустошила содержимое стакана, посмотрела на винегрет, но махнула рукой. — Я тогда перешла в девятый класс, и нас с подругой отправили в пионерский лагерь помощниками воспитателей к младшеклассникам. Лагерь был недалеко от нашего села, и мы иногда, если было очень нужно, отпрашивались на денек-другой домой. Вот и в тот вечер я шла домой с ночевой. Утром рано должна была поехать с матерью на поле на прополку. И вот уже у самого села, недалеко от автозаправочной станции, подкараулил меня этот подонок. Место-то там тихое, народу никого. Он, гад, вынырнул откуда-то из-за кустов, схватил

меня, повалил, полез слюнявыми губами в рот, а от самого таким перегаром прет... Я испугаться даже не успела — так все неожиданно произошло. Потом в себя пришла, давай отбиваться, царапать его. Потом вижу — бесполезно все... Начала уговаривать. Сказала, что знаю его и его мать... и жену.

— Действительно знала? — спросил Андрей.

— Как выяснилось потом, знала, а тогда чисто интуитивно старалась девственность свою сберечь. Он хоть и обкумаренный был, а спросил мою фамилию, я ответила. Он назвал имя моей матери, потом сестры... и отпустил. Проводил до села... Вначале сказал, что пожалел, а когда подходить к окраине стали, заговорил о том, что пошутил, хотя я понимала, что он совсем не шутил: или побоялся, что я его посажу, или одумался вовремя. Я никому об этом никогда не рассказывала и общения с парнями долго избегала — противно как-то из-за этого гада было на мужиков смотреть.

— Пожалел он, наверное, тебя, — сказал Андрей, выпив вино.

— Наверное, — согласилась Наташа. — А вот моего брата посадили за изнасилование. Хотя эта Вика ждала его из армии и по согласию пошла с ним, а отец ее, управляющий отделением, не хотел, чтобы братец мой был ему зятем, и заявил в милицию, после того как Вика ему призналась. Дали бедолаге шесть лет. В апреле на свидание ехать нужно.

Наташа ненадолго замолчала.

— Что-то хмель не берет совсем... Всю ночь пьем, а толку никакого, — сказала она после паузы, — налей еще. То, о чем я расскажу тебе дальше, будет не совсем приятно.

Андрей налил опять по половине; выпили на этот раз вместе.

— Как-то ездила я с Настей в город, в краевую больницу, назад поехали поездом. До станции доехали, а автобуса нет. Вышли на трассу. Я сроду никогда с незнакомыми мужиками не ездила, а тут «жигуль» остановился, мужик лет под сорок посадил нас. Ну, дорога дальняя... разговорились. Он Насте шоколадку дал, конфет. Сказал, что у него две дочки-двойняшки, по девять лет им. Когда же подъезжать к селу стали, то стал в гости проситься. Уже темнело, я подумала, что никто не увидит, и согласилась. Откуда-то коньяк появился, шампанское. Потом он сказал, что не может ехать дальше выпивши. Я и оставила его ночевать. Не знаю, как получилось, но утром мы проснулись на одной кровати. Потом месяца через полтора он снова приехал с подарками и снова заночевал... потом еще пару раз приезжал. Может быть, ездил бы до сих пор, но как-то приехал ко мне, а у меня гость. С материной деревни. Когда он поехал в район, мать передала с ним баночку меда, платье для Насти. Гость заехал к нам под вечер. Пока поговорили, пока накормила его, тут и тот... старичок подкатил. Зашел, увидел гостя, проходить не стал, поспешно попрощался — и был таков. Мне как-то обидно стало... Я тогда баночку наливки из подвала достала, угостила гостя, назло всем упоила и ночевать

оставила. А он и не возражал... Правда, в отличие от водителя «жигуля», ко мне больше не навевывался... и, как увидит теперь меня в деревне, старается, чтобы наши пути не пересеклись... Вот такие у меня любовные романы были. Что было, то было. Никуда от этого не деться.

— И все? — спросил Андрей. В этот час и в эту минуту он ненавидел себя — вынудил ведь женщину излить душу. А дальше что? Но злорада, какая-то непонятная и неизвестно на кого обида так и перли из него. — Все романы?

— Нет, не все. — Наташа, не мигая, смотрела ему в глаза. — Есть еще один, о котором я тебе не расскажу, противно больно.

— С капитаном Ломакиным? — Андрей уже не владел собой. Он разлил остатки вина, себе набулькав почти полный стакан.

— О-о... Я недооценила Валечку и ее коварство. А когда же и при каких обстоятельствах успела она поведать вам, сударь, обо мне все-все?.. Я тут сижу распинаюсь перед тобой, а ты уже все знаешь. А раз знаешь, так что спрашиваешь?..

Наташа залпом выпила вино и закрыла лицо руками.

— А что, что мне оставалось делать?! — выкрикнула она неожиданно. — Когда брата посадили, привезли в КПЗ, я пришла, попросила свидания. Дежурил Ломакин. Он сказал, как бы в шутку, что свидание не положено, но если рассчитаешься, то, мол, сделаю исключение. Я тогда не придавала его словам значения. Он разрешил нам с матерью поговорить с братом, а через неделю приехал ко мне часа в два ночи. За расчетом, сволочь... воспользовался моей слабостью. Знал, что я кричать не буду, когда дочка спит. Залез под одеяло прямо в брюках, в носках... до сих пор запах его потных носков помню. Побыл минут двадцать — и ни до свидания, ни прощай: ушел, козел. А через неделю мне кто-то стекло кирпичом вышиб. Я раньше слышала, что Ломакин — охотник до баб, а когда жена начинает его выгонять, то он перед ней исповедует... А она потом разборки с его любовницами устраивает.

Наташа замолчала. Андрей выпил вино, поднялся, зашел в спальню, взял подушку, покрывало и молча перенес их в зал, положил на диван, лег.

Наташа еще немного посидела на кухне, потом выключила свет, вошла в зал, присела у его ног.

— Ты ненавидишь меня теперь, Андрюша? — спросила она. — Я знаю, что это так. Тебя менты посадили, а я с одним из них спала. Если бы брат мой узнал, он бы, наверное, от свидания со мной отказался.

— Иди, Наташа, ложись. Давай немного поспим, а завтра все будет ясно, — сказал Андрей. — Сколько впечатлений за эту ночь, я не могу все сразу переварить.

— Понятно, — Наташа поднялась, — спокойной ночи. Можно я тебя хоть перед сном поцелую, композитора, пока еще своего?

Она чмокнула его в переносицу и ушла. Через некоторое время Андрей услышал, как она заплакала. Он хотел было встать и попробовать

ее успокоить, но это было выше его сил. Через час всхлипывания прекратились, стало слышно, как по улице пошли первые автобусы. Андрей определил, что время приближается к семи. Он поднялся, прошел в прихожую, тихонько включил свет. Наташа лежала не шелохнувшись: сон все же сморил ее. Андрей раскрыл дверцу шкафа, достал свою сумку, сложил в нее туфли, свитер, еще кое-что из своих вещей, стал одеваться. Он уже застегивал сапоги, когда в спальне загорелся свет и к нему выбежала Наташа:

— Ты куда?

— Пойду к Петровичу, — сказал Андрей, — так будет лучше. Все равно ведь когда-нибудь это должно закончиться. Или меня посадят, или придется бежать дальше. В любом случае ты меня ждать не станешь.

— Прекрати, — Наташа вытащила ключ из замка, — ты меня еще плохо знаешь. Никуда ты не пойдешь. Понял?

— Пойду... Отдай ключ.

— Не дам. Не валяй дурака. Я тебе настойки принесу — напейся и усни. А проспиться, все на трезвую голову обдумаешь, тогда и решаешь... слова не скажу. А сейчас — нет, не пойдешь никуда.

— Нет, Наташа. Я лучше сейчас пойду. Открой дверь.

— Нет, нет, нет! — закричала Наташа и рванула Андрея за пиджак так, что посыпались пуговицы.

— Ты что делаешь? — вскипел Андрей. — Дай ключ!

Он попробовал перехватить Наташину руку, но получил такую затрепину, что невольно отпрянул к стене.

— Сука! — закричала Наташа и ударила его еще раз. Андрей качнулся в сторону вешалки, не удержался на ногах и, падая, повлек за собой одежду.

— Гад ты, гад, такой же, как и все! — кричала Наташа, замахиваясь его же сумкой.

Андрей пытался подняться, но удар за ударом по голове, затылку и плечам не давали ему возможности этого сделать.

Наташа продолжала кричать. Андрей все-таки поднялся, но, споткнувшись об обувную полку, снова упал, больно ударившись головой о дверь. А Наташа, впад в истерику, срывала с вешалки оставшуюся одежду и бросалась ею в него. Когда одежда на вешалке закончилась, Наташа стала кидать в Андрея обувь. Туфли, зимние сапоги, тапочки летели над его головой.

Сколько это продолжалось, сказать трудно. Трель дверного звонка заставила прекратить бой. Звонок раздался нежданно-негаданно, и Наташа замерла с валенком в руке.

— Наталья, что там у вас? — Голос Валентины Петровны был явно встревоженным. — Может, милицию вызвать?

— Не... не надо, Валентина Петровна, все в порядке, — всхлиывая, сказала через дверь Наташа, — сами разберемся.

— Смотрите... а то я позвоню сейчас же.

— Не надо.

За дверью покашляли, и вскоре послышался шум удаляющихся шагов.

Андрей поднялся, молча собрал одежду, сложил на стоявшую в прихожей стиральную машину. Подобрал и составил обувь. Наталья стояла у дверей и бесшумно плакала. Она повернулась лицом к двери, и было видно, как вздрагивают ее худенькие плечи. Андрей подошел и обнял ее за талию. Наталья повернулась к нему, положила голову на плечо и зарыдала. Потом они целовались, просили друг у друга прощения, ходили вместе в подвал за соленьями и настойкой, снова пили и разговаривали. Наташа рассказывала о том, как и почему они разошлись с мужем, как жил он, ее художник, сразу с двумя женщинами, с ней и преподавательницей профтехучилища, как они одновременно забеременели, как преподавательница, обидевшись на то, что в квартиру художник привел Наталью, а не ее, пришла жить к ним. И пришла нагло, выгнать ее не было никакой возможности: она ложилась на диван и ни в какую не хотела вставать. Пришлось в маленькой комнате врезать замок и вселить ее туда.

— Представляешь, я ухожу утром на работу, а они остаются дома вдвоем. Что мне думать было? — говорила Наташа. — Вот так и жили два месяца... А потом мы узнали, что в городе у него есть еще одна «заряженная» подруга. Был долгий разговор, после которого преподавательница ушла жить к родителям, а он уехал в город.

Настойка дала о себе знать уже после первого «причастия». А может быть, они так сильно устали за эту ночь, что, стоило им лечь в кровать, сразу же заснули... Они спали эти недолгие три-четыре часа как младенцы — беззаботно, сбросив с себя груз недоверия и недовольства друг другом. Очистившись, исповедавшись и раскаявшись, Наташа лежала, положив голову на плечо Андрея и свернувшись калачиком. Андрей спал на спине, обвив правой рукой Наташину шею. Увидевший бы их в это время со стороны незнакомый человек ни за что бы не подумал, что еще час назад эта женщина была готова нанести телесные повреждения своему мужчине, а мужчина хотел уйти из этого дома и от этой женщины навсегда. Наверняка тот, кто впервые увидел бы их, мирно спящих в это время, подумал бы об идеальной семье... и уж наверняка бы не смог предположить, что эта пара проводит вместе последние часы в своей жизни и не пройдет и половины суток после их пробуждения, как Наташа и Андрей, Вобла и Шуруп, расстанутся навсегда.

* * *

Разбудила их Валентина в одиннадцатом часу. Она долго звонила, добившись своего: Наташа пошла открывать дверь. С Валентиной пришли ребяташки: Настя, Надюшка, Васька.

— Давай опохмеляться, — сказала Валентина, — хорош дрыхнуть. — Она подошла и села на кровать, несколько оттеснив Андрея от края постели к стене. — Прими сто грамм — полегчает.

— Не могу... — пробормотал Андрей, не отрывая головы от подушки. — Столько вчера выпил, что печенка лопнет.

— Не лопнет, вставай! — не унималась Валентина. — Наташ, готовь на стол.

— Да съели уже все! — крикнула из кухни Наталья. — Да и пить не можем больше. Лучше Сашку опохмели.

— Перебьется. Сами выпьем. Неси рюмку сюда, я Андрея тут опохмелю. Выпьет, поднимется, про Наташу споет. Неси!

— Не надо... Не надо... — запротестовал Андрей. — Мне еще хуже будет.

— Не будет. Вставай.

Валентина наклонилась к Андрею и коснулась губами его лба. Тот отпрянул:

— Перестань, Наталья увидит.

— Боишься?.. — прошептала Валентина и поднялась.

— А вы что, ночью дрались? — спросила она громко, обращаясь больше к Наталье, чем к Андрею.

— Кто тебе сказал? — спросила Наташа.

— Валентина Петровна меня видела сейчас, спросила, правда ли, что у Андрея нет никаких документов. Я ей говорю: есть, почему бы им не быть. Ведь правда? А она, коммуняка старая, говорит: пойду к участковому — пусть придет, проверит. А она ведь пойдет... Ей всюду враги народа мерещатся, как при Сталине. Смех!

Валентина засмеялась.

— Пусть проверяют, — сказал Андрей. — Иди на кухню. Я оденусь. Валя похлопала его нежно по щеке и вышла.

Андрей не стал пить ни водку, ни наливку, попросил чаю. Валентина попробовала было пригласить их к себе домой, но Андрей, сославшись на недомогание, снова лег в постель. Наталья прилегла на диван. Валентина включила телевизор, но, увидев, что компанию никак не сколотить, собралась уходить. Перед уходом она вошла в спальню.

— Слушай, дядька, — сказала она Андрею, — купи дочке велосипед. Соседка моя продает за двадцатку. Новый, двухколесный, «Левушка». Пошли... купишь.

— Ой, не могу, Валя, — заворочался на кровати Андрей, — я дам денег, пусть Наташа сходит.

— Мама, мама, купи велосипед! Дядя Андрюша денег дает! — закричала Настя.

— Пойдем, Наташа, — позвала Валентина, — я вечером приду, пусть хозяин ваш отдыхает.

Андрей ненадолго задремал и не слышал, как ушли Наталья с Валентиной и ребяташки. Впрочем, проспал он недолго, минут двадцать, а когда проснулся, сильно захотел пить. Он поднялся, налил себе на кухне из чайника еще не успевшего остыть чая. С бокалом подошел к окну.

На улице по-весеннему сияло солнце. С крыш капало, на дороге появились проталинки. Оттаявшее окно было прозрачно чистым, и ровная дорога, уходившая вдаль, казалось, вела в бесконечность. Весной и поздней осенью, когда деревья не были зелеными, глядя вдаль из окна Натальиной квартиры, можно было увидеть в хорошую погоду некоторые дома села Гуселетова, расположенного километрах в десяти от райцентра. А в бинокль и флаг на здании сельсовета некоторые различали. Вот и сейчас Андрюша ясно видел горбившиеся крыши гуселетовских домов, и душа его затосковала: ему захотелось сейчас же сесть в подъехавший к автостанции автобус, доехать до железнодорожного вокзала, купить билет и...

Андрей присел на диван. Ему вспомнилась Катя, ребята из его группы, мать. Потом мысли перенесли его в армейские годы. «Как вы все там? Как сложилась жизнь ваша? — подумал он. — А что будет со мной? Что мне-то делать?»

Ощущение безысходности овладело Андреем. Он понял, что больше не уснет, и налил в бокал еще чая, покрепче. Горестные мысли его несколько развеяли пришедшие Наталья с Настей. Они принесли велосипед, и Настя сразу же стала упражняться в езде из комнаты в прихожую и обратно. Наташа помогала, поддерживала ее и, когда у Насти получалось, хлопала в ладоши.

— Дядя Андрюша, спасибо! — сказала Настя, когда они садились обедать. — Можно я тебя поцелую?

Андрей показал пальцем на правую щеку, и Настенька приложилась к ней, сегодня еще не бритой, своими детскими губками.

— Ну что ты будешь делать, — сказала улыбаясь Наталья, — все его целуют-милуют, от детей до пенсионерок! И что ты за человек такой... Всеобщий жизненный любимчик.

— Сам не пойму, почему так, — сказал Андрей, пробуя улыбнуться.

Наталья, казалось, забыла напрочь ночной инцидент, и теперь вся искрилась любовью и нежностью в равной степени к ребенку и к нему. Это несколько успокоило Андрея, и от души вроде бы отлегло. После обеда он даже взял в руки гитару и запел песню из кинофильма «Земля Санникова»:

Призрачно все в этом мире бушующем,
 Есть только миг, за него и держись.
 Есть только миг между прошлым и будущим,
 Именно он называется жизнь.

— Дядя Андрюша, а ты от нас не уедешь? — спросила Настя, едва Андрей отложил гитару. — Не уедешь?

Настя села к нему на колени и буквально впилась глазенками в его зрачки.

— Не уеду, если мама не выгонит, — отшутился Андрей.

— Мама, ты дядю Андрюшу не выгонишь же? — Настя подбежала к Наталье. — Не выгонишь?

— Выгоню, — засмеялась Наташа, — выгоню, если на тетю Валю смотреть будет и на гитаре ей играть!

— Не будешь на тетю Валю смотреть? — спросила шепотом Настя.

Андрей замотал головой, улыбнулся и прилег на диван. Наталья включила телевизор и прилегла рядом.

Настя продолжала осваивать велосипед. По телевизору шла передача, посвященная лучшим песням года. Андрей по привычке запросто называл исполнителей Аллами, Софийками, Сашками, Юриками, и Наташа, улыбаясь, была счастлива в этот миг, как, наверное, никогда в жизни. Ей хотелось, чтобы минуты их близости, эта передача и этот день, первый день нового года, длились как можно дольше...

* * *

Но бдительная Валентина Петровна, познакомившая Андрея и Наталью, уже разлучила их. Привыкшая докладывать о том, что видела и слышала, ответственным работникам, она в первый день наступившего года не поленилась сходить на дом к участковому на другой край села и попросила проверить Андрея и его документы. И в то время, когда музыкант играл на гитаре и пел, старший лейтенант Горный направлялся к дому Натальи, а когда влюбленные смотрели телевизор, лежа на диване, он вошел в первый подъезд и остановился возле квартиры номер восемь. Через несколько секунд он нажал кнопку звонка, и раздавшаяся трель в Наташиной квартире известила о том, что совместная жизнь хозяйки квартиры и ее постояльца закончилась.

Наташа пошла открывать, по пути отодвинув в угол стоявшую у дверей Андрееву сумку, собранную им под утро. Андрей слышал, как она открыла замок и стала с кем-то разговаривать на необычно повышенных тонах.

— Вы пропустите меня? — говорил мужской голос.

— А почему я должна вас пропускать? Здесь никого нет из посторонних.

— А чья это сумка?

— Моя.

Андрей почувствовал опасность и, осторожно пройдя на кухню, попробовал открыть створку окна. Она поддалась, и Андрей в тапочках, футболке и спортивных брюках, выйдя наружу, побежал по рыхлому сне-

гу в сторону дома, где жили Санька с Валентиной. Он понимал, что участковый может заглянуть и к Натальиным родственникам, потому, забежав на второй этаж дома, поднялся по пожарной лестнице, открыл люк, ведущий на чердак, распугав стаю голубей, греющихся у отопительной трубы. Через слуховое окно хорошо была видна машина Горного. Андрей стал ждать. Было холодно. Особенно мерзла голова и ноги. Но делать ничего не оставалось, только терпеть и ждать.

Ждать пришлось долго. Андрей прижимал к теплой трубе отопления то ноги, то руки, то приседал, то потирал ладони. Короткий зимний день клонился к закату, а участковый будто застрял в Натальиной квартире. Прошло более часа, прежде чем старший лейтенант вышел из подъезда, сел в уазик и уехал. Однако Андрей не торопился возвращаться. Интуиция подсказывала ему, что Горный может вернуться — даже не один, а с нарядом милиции. К тому же он не знал, что рассказала участковому Наташа, потому решил вначале послать к ней Валентину.

Валя изрядно удивилась, увидев его одетым по-домашнему.

— Вы что, разодрались все-таки с Наташкой? — спросила она, открыв ему дверь.

— Да нет. Горный приезжал, хотел документы проверить, а у меня их как раз сейчас нет, как нет и желания сидеть в милицейской камере до выяснения личности.

— Значит, та шизофреничка все-таки накапала участковому? Ну и кобыла! — возмутилась Валентина. — Проходи, погрейся... Замерз же как суслик... сейчас стопарик налью для сугрева.

— А Санька где? — спросил Андрей.

— Да дрыхнет все. Пускай себе... И ребятишки спят. Намучились вчера ночью с Новым годом этим.

Валентина провела Андрея на кухню, налила стопку, поставила перед ним тарелочку с дымящимися пельменями.

— Грейся, — сказала она, обнимая Андрея, — посинел, беденький.

— Валь, ты сходи до Натальи, узнай, что там ей мент наговорил, — попросил он.

— Схожу. Никуда твоя Наташка не денется. Сама прибежит сейчас.

Звонок в дверь заставил Андрея вздрогнуть, и он, залпом опустошив рюмку, замер.

— Тихо, — сказала Валентина, — не робей, сюда я этого ментяру не пущу.

Валентина притворила кухонную дверь и пошла открывать. У Андрея учащенно забилося сердце.

Пришла, как и предполагала Валентина, Наташа.

— Заколебал меня Горный этот, — сказала зло она, — как познакомились, спрашивал, сколько живешь у меня... Я ему говорю: иди в ДК, там и спроси. А он все записал и заставил меня подписать. Я не стала.

Сказал, чтобы ты завтра пришел к девяти часам. Его насторожило то, что ты через окно убежал.

— Ну ладно, пойдем домой. — Андрей пошел к выходу.

— Да посидите вы, куда торопитесь? — попросила Валентина.

— Да некогда. За документами ехать нужно, а то, не дай бог, посадят ни за что, — сказал Андрей.

— Что, сейчас и поедешь? — спросила Валентина.

— Конечно. Утром поздно будет, повяжут.

— Ты что, и правда... поедешь сейчас? — спросила Наташа Андрея по пути домой.

— Конечно. Пятичасовым автобусом.

— И куда теперь?

— Найду куда... Если найду квартиру и работу, приедешь ко мне?

— Не знаю. Ты документы себе чистые сделай сначала.

— Попробую.

Наташа молча укладывала в сумку чистое полотенце, зубную пасту, щетку, мыло. Андрей, отсчитав двадцать пять рублей, протянул ей.

— Не надо, — сказала она, — мы переберемся как-нибудь, а тебя... кто знает, куда занесет.

— Возьми, возьми, я без денег не останусь, — настоял Андрей.

Наташа пошла проводить его до автостанции. Когда подошел автобус, она заплакала.

— Ты любишь меня хоть немного? — спросила она, уткнувшись в плечо Андрея.

— Люблю, Наташа, люблю. Спасибо тебе за все. Жди письма. Будешь ждать?

Наташа кивнула. Они поцеловались, и Андрей, сев в автобус с многочисленными пассажирами, долго махал Наталье, одиноко стоявшей на привокзальной площади, из полузамерзшего окна: «Прощай, Наташа! Прощай, село, давшее кров и заботу, познакомившее с хорошими людьми. Прощай! Суждено ли снова вернуться сюда?..»

Когда автобус покинул пределы районного центра и выехал на трассу, опустившиеся сумерки совсем поглотили село. Закончился еще один световой земной день, а вместе с ним закончился еще один этап в жизни Андрея и начался новый. Каким он будет? Куда забросит жизнь? Что ждет его в ближайшем будущем? Каменные, холодные стены тюрьмы или утопающая в огнях эстрада, поклонницы и успех?..

* * *

В тот год весна выдалась ранняя. Уже в первых числах марта снег стал чернеть, побежали по улицам веселые ручьи. К середине месяца наступила теплынь, и уже не верилось, что еще каких-то три недели назад

февраль наметал сугробы чуть ли не до подоконника того самого окна в зале, из которого в хорошую погоду ранней весной или поздней осенью, когда не мешает зелень деревьев, можно увидеть, если всматриваться вдаль, крыши домов села Гуселетова, расположенного километрах в десяти от районного центра. Весна пробуждала жизнь, заставляла дышать глубже, думать по-новому и тосковать.

Каждый раз во время обеденного перерыва Наташа, придя домой, первым делом заглядывала в почтовый ящик, потом ставила разогревать борщ или суп и, пока грелся обед, смотрела в сторону села Гуселетова. Иногда на глазах ее появлялись слезы. Она чувствовала на губах их горьковато-соленый вкус, но не торопилась смахнуть слезинки.

«Где ты, мой Андрюша? — думала она в такие минуты. — Кому и какие поешь теперь песни?..»

Иногда воспоминания захлестывали ее и по вечерам. Тогда она доставала из тумбочки, где стоял телевизор, подшивку районных газет и открывала те страницы, где было написано про коллектив районного Дома культуры. Газет с материалами Валентины Петровны об агитбригаде и вокально-инструментальном ансамбле было три, одна из них — с фотографией. Наташа смотрела на групповой, нечетко отпечатанный темный снимок работников ДК, отыскивала среди них Андрея и снова плакала. Еще зимой она нашла в кармане оставленного Андрюшей пиджака записную книжку с адресом его матери, хотела написать, даже несколько раз брала ручку и тетрадный листок, но почему-то никак не могла вывести первые буквы. Но наступающая по всем фронтам и уже надежно захватившая райцентр весна не давала ей покоя, и Наташа все-таки решилась — написала короткое письмо с просьбой, если можно, послать ей весточку об Андрее.

* * *

Утром сразу после подъема Андрея вызвал начальник отряда.

— Ну что, Свиридов? Домой собрался?

— А что тут собирать, гражданин начальник? Я, как сюда попал, сразу готов был. В любой день сказали бы — на выход, так и пошел бы, в чем был. Хоть из бани.

Капитан засмеялся:

— Везет тебе. Сбежал с «химии», а тебе по минимуму дали и отправили опять к нам. А теперь, несмотря ни на что, еще и по указу выходишь. Государство у нас гуманное...

— Я же не один выхожу. Послезавтра аж сорок с лишним душ на волю отпускают раньше срока.

— И я об этом. — Капитан откинулся на спинку стула, потянулся. — Ты думаешь, зачем я в такую рань сюда приперся? — Он довольно улыбнулся. — Ни за что, артист, не догадаешься — ради тебя! Я тебе сюрприз решил сделать... Ты сегодня на волю уйдешь.

— Как — сегодня? — Андрей понимал, что капитан не шутит, но поверить его словам не мог.

— Вот так, сегодня. Один, а не с этой шоблой. Или не хочешь?

— Хочу, но я морально не готов к такому повороту...

— Ха! А говорил, из бани бы в чем мать родила ушел... Иди в спец-часть сейчас, получи бумаги... и чтоб я тебя в обед уже не видел! Понял?

— Понял, гражданин капитан.

— Так вот... Ты еще не все понял. А поймешь — когда за ворота выйдешь. Благодарить меня будешь за такой сюрприз... Куда поедешь-то?

— К матери, куда еще...

— А говорил, подруга у тебя была... Хорошая, мол, баба...

— Баба-то она хорошая... да вот я — не совсем. Меня там как положительного человека знали, музыканта, солиста... А я беглым зэком оказался. Стыдно теперь народу в глаза глядеть будет. Нет, не поеду я больше туда...

— Ну и дурак! — Капитан встал, прошелся по комнате. — Извини за прямоту, Свиридов. «Химик» — какой тебе зэк? Если бы ты из зоны деру дал, тогда бы мы с тобой здесь не говорили, сидел бы ты на строгом режиме. В общем, иди и подумай. Это здесь тебе кажется, что хороших женщин на свете пруд пруди... и все они готовы тебя встретить и приветить, а на деле — не так. А раз попалась тебе такая, так и стремись сделать все так, чтобы не потерять то, что имел. Поверь мне, я тоже кое-что в жизни видел...

— Спасибо, гражданин капитан. Я подумаю над вашими словами.

— Подумай. Иди и глупостей больше не делай. Такие, как ты, на воле нужны.

* * *

Дверь на волю раскрылась перед ним около полудня. Проверивший документы Андрея солдат открыл запоры, и май обрушился на бывшего невольника запахом цветущей черемухи, ярким и подошедшим к зениту солнцем, разноголосьем птиц. Стоя на крыльце контрольно-пропускного пункта исправительной колонии, Андрей подумал: «Вот он, короткий миг счастья!» Отобранная у него свобода была возвращена, а что же еще надо, чтобы быть счастливым...

Андрей прищурился, глядя на солнце, поднял вверх руки и довольно потянулся.

— Жизнь прекрасна, правда, боец? — спросил он провожавшего его солдата-татарина.

Тот улыбнулся, кивнул и махнул Андрею рукой.

Андрей шагнул с крыльца и осмотрелся. Метрах в ста от него в летней беседке сидели какие-то люди, вдали по улице проезжали автомобили. Он остановился и хотел спросить у солдата, в какую сторону идти к

автобусной остановке, но заметил на другой стороне улицы двух женщин. Они махнули ему и пошли навстречу. Сердце бывшего невольника зашлось в частом перестуке. В одной из встречавших он узнал мать, а во второй... Наташа!..

У него перехватило дыхание, и первое, что пришло ему на ум, была мысль о том, кого из них он должен вначале поцеловать, чтобы не обидеть другую. Он еще не успел это решить, как увидел выбежавшего на дорогу ребенка. Настя!..

— Дядя Андрюша! Дядя Андрюша! — Настя бежала через проезжую часть и радостно кричала ему. А по дороге наперерез ей мчалась бежевого цвета «Волга».

До машины было метров пятьдесят, до Насти — примерно столько же. Андрей бросился навстречу девочке, проскочил перед самым носом сбросившей ход автомашины, схватил Настю и поднял над головой. Настя смеялась и тянулась к нему руками. Андрей прижал ее к груди, она при этом ловко обняла его за шею. Он прижал ее еще крепче и произвольно бросил взгляд в сторону КПП. На крыльце стоял начальник отряда. До него было довольно далеко, но Андрею показалось, что он улыбался.

Олег КОПЫЛОВ

СЕЗОН СЕЗАННА

* * *

Отбелеет, отболит,
заскворчат ручьи.

Воробьи из пьяных лип
прокричат: «Вы чьи?»

Чья там дальняя страна.
Чья там дольная весна.

Чьи в глазах лучи.

* * *

Я извлекаю из груди
Промозглый день
И пару серых льдин,
С размаху льдины
друг о друга

бью —

И вспыхивает яхонт в облаках,
Легко-легко
Закатная река
день наполняет золотом и медом.
Парящим ладаном.
Подобно муравью,
Несет зерно мой день,
И я смеюсь
Под новым и медовым
Небосводом.

* * *

Над городом летают голуби,
И провода летают голые.
И вены неба голубеют
Но
Зерно рассыпано над городом.
Взойдет зарею или порохом,
И охи — олухам.
Не олово,
А кровь —
Вино.

* * *

Ангельскому зимогляду
Мы не смогли присниться
Четырехпалочные колонны
В кровь перепачканные колени
Тени слоняющиеся по бледному склону
Солнце всклень в колдовской бутылке
Салочки-салочки где вы были —
В подвалочке
На стеночке
Нацарапанные гвоздиком
Детская незабудь-гора
Детская несломи-гора
Детская неубей-вода
Вера.

* * *

сезон сезанна
после все не то
играй и не смолкай
моя пластинка
лети
светись любовью августинка
в любом берлине
в праздничном пальто
в руинах в каплях в сумерках в огне
в дрожаньях воздуха
в рассветном поцелуе
где тихий свет восходит
и ликует
звезда на небе
в блике на стене.

Наталья РОМАНОВА

КНИГА

Р а с с к а з

*Памяти Льва Николаевича Толстого
и якутских стрелков посвящается*

На самом деле якута звали не Пьером, а Петром Досифеевым, а по-якутски — Бэргэном, что в переводе означает «меткий». Бэргэн не обижался, когда его окликали французским именем — конечно же, не за внешнюю схожесть с французом, а из-за того, что неразлучен был с третьим томом «Войны и мира». Бэргэн очень любил читать. Как только выпадала свободная минута, доставал из полевого мешка свой самый ценный груз, открывал его наугад и принимался читать вслух. Читал он серьезным голосом, но это было так смешно и несуразно, что его однополчане покатывались со смеху.

— Чего смеетесь? Великий вещь! — отрывисто говорил он и продолжал чтение.

Когда Бэргэн читал от имени Пьера, его голос становился не таким резким, как обычно.

— Хороший человек! Тоже якут, наверное, — закрывая книгу, каждый раз говорил Бэргэн.

Книгу он берег. Если кто-то просил дать ее почитать, якут отвечал:

— Потеряешь вдруг. Сам почитаю тебе. Садись, слушать будешь. — Он открывал книгу, принимал важный вид и неспешно читал: — «Пьер оглядывался на первый дым, который он оставил округлым плотным мячиком, и уже на месте его были шары дыма, тянущегося в сторону, и пуф... (с остановкой) пуф-пуф — зарождались еще три, еще четыре, и на каждый, с теми же расстановками, бум... бум-бум-бум, — отвечали красивые, твердые, верные звуки. Казалось то, что дымы эти бежали, то, что они стояли, и мимо них бежали леса, поля и блестящие штыки. С левой стороны, по полям и кустам, беспрестанно зарождались эти большие дымы с своими торжественными отголосками, и ближе еще, по низам и лесам, вспыхивали маленькие, не успевавшие округляться дымки ружей и точно так же давали свои маленькие отголоски. Трах-та-та-тах — тре-

щали ружья хотя и часто, но неправильно и бедно в сравнении с орудийными выстрелами. Пьеру захотелось быть там, где были эти дымы, эти блестящие штыки и пушки, это движение, эти звуки. Он оглянулся на Кутузова и на его свиту, чтобы сверить свое впечатление с другими. Все точно так же, как и он, и, как ему казалось, с тем же чувством смотрели вперед, на поле сражения. На всех лицах светилась теперь та *скрытая теплота...*» Тут чего-то не по-нашему, не по-русски... «... чувства, которое Пьер замечал вчера и которое он понял совершенно после своего разговора с князем Андреем.

— Поезжай, голубчик, поезжай, Христос с тобой, — говорил Кутузов, не спуская глаз с поля сражения, генералу, стоявшему подле него».

Солдаты гоготали во весь голос, особенно когда якут сказал «не по-нашему, не по-русски» и когда он произносил «пуф-пуф» и «бум-бум-бум», а тяжеловатый в движениях Бэргэн медленно поднимал руку со сжатым кулаком и грозил им.

— Пьер, говорят, что вы, якуты, совсем не отличаете цвета друг от друга, — вдруг ни с того ни с сего сказал рядовой Уланов.

— Какие? — сощурился якут.

— Синий, голубой, зеленый... У вас даже и названий-то таких нет.

— Что от меня хочешь?

— Ты вправду не видишь, что небо и трава разного цвета? — подивился солдат. — Вы все дальтоники, что ли?

— Плохой слово. Чего дразнишься? Отстань, — насупился якут, — книжку читать не буду.

Было непонятно, то ли он и впрямь не различает эти цвета, то ли обиделся, что обозвали непонятным словом.

— Пьеро, а где ты взял книгу эту? Из юрты привез? — не унимался Уланов — и тут же получил увесистый подзатыльник от старшины Ермакова.

Якут молчал.

— Не обращай внимания на дурака, — Ермаков кивнул в сторону притихшего Уланова, — Толстого мы любим не меньше твоего.

— Э-э! — встрял рядовой Пятов. — Кто это его, безбожника, любит? Его этой... *афеме* предали. Против бога он был. А ты — лю-любим!

— Много ты понимаешь! — закипел Ермаков. — При чем тут религия? Мне хоть десять раз его анафеме предали, а вот «Войну и мир» кто бы так смог написать? Кто?! Якута вон даже не оторвать.

— Аи-тоен не любит эту книгу? — Пьер-Бэргэн часто-часто моргал ресницами.

— Это еще кто? — не расслышал Пятов.

— Бог! Самый главный! Он Землю придумал.

— Не бог же его анафеме предал, — буркнул Ермаков.

— Значит, Аи-тоен любит книгу? — не успокаивался якут. — Хочет, чтобы я книгу читал?

— Хочет, хочет... — проворчал Ермаков. — А ты, якут, сам-то чего хочешь?

— Я? — заулыбался Бэргэн. — Хочу ничего не делать, пить кумыс, есть кобылье мясо и стать толстым.

— И написать «Войну и мир»! — сказал Пятов под дружный смех однополчан.

— Опять смеются! — покачал головой якут.

— А вот возьмет и напишет! — вступился за Бэргэна Ермаков. — Там была одна война, теперь другая. Кто-то же должен о нас написать.

— Напишут, — горько вздохнул Пятов, — правду бы только писали.

* * *

Книгу якут нашел в Новгороде. Город тогда еще не был занят немцами. Теплым августовским вечером рядовой Досифеев бродил по Антонинову монастырю, расположенному на правом берегу Волхова. Когда-то здесь находилась духовная семинария, а затем в бывших монастырских постройках обосновался учительский институт. В то время здесь было шумно, весело. Сегодняшним вечером, несмотря на войну, в человека вторгалась тишина. Бэргэн слушал ее сердцем и никак не мог поверить, что музыка тишины, разливавшаяся по его телу, слишком временна. Скоро снова начнется стрельба, грохот, будет опять шумно, но по-другому. Этот шум весельем не называется. А пока только шумит полусвежая листва, ветер взлохмачивает гривы деревьев и распускает веером страницы лежащих на земле журналов.

Якут склонился над журналами и среди них увидел книгу. На бледно-зеленом фоне обложки золотом горели тисненые буквы в синей рамке с вензелями по углам.

— Лев Николаевич Толстой, — прочитал Бэргэн. — «Война и мир». Ух как! «Сейчас вот война, — подумал он, — а здесь как будто и нет войны, покой. Мир, получается. А на самом деле есть война. Выходит, война и мир».

Досифеев взял книгу. Увесистый томик был чуть больше его ладони. На задней стороне обложки значилась цена — 3 рубля 75 копеек. Бэргэн снова посмотрел на фасад книги, где под заглавием значился год издания — 1939. «Мало успела в мирное время пожить». Пётр провел ладонью по книге, словно глядя маленького ребенка, и бережно открыл. Текст предваряла картинка со скачущими всадниками. Пётр, рассмотрев ее, принялся искать другие рисунки, но в книге их было всего три, только перед частями. Досифеев нашел в конце тома оглавление, ознакомился с ним. Увидел вклеенную бумажечку с опечатками. И, полистав книгу, открывая ее в разных местах, сунул за пазуху.

С этого дня с книгой Толстого якут не расставался.

— Пьер, когда Толстого прочитаешь, кого будешь следующего читать, Маркса? — подтрунивали над якутом.

— Я буду забивать свой священный мозг ерундой? — искренне удивлялся якут.

Его чтение приходилось и к месту, и не к месту. Иной раз Досифеева гнали, стоило ему лишь открыть том.

— Мы от своей войны устали, — говорил кое-кто из бойцов на привале, — а он нам еще одну подсовывает.

— Так та тоже наша была, наших отцов и дедов, — заступался Пётр за книгу.

— Читай, читай, — поддерживало его большинство солдат.

«Один раненый старый солдат с подвязанной рукой, шедший за телегой, взялся за нее здоровой рукой и оглянулся на Пьера.

— Что ж, землячок, тут положат нас, что ль? Али до Москвы? — сказал он.

Пьер так задумался, что не расслышал вопроса. Он смотрел то на кавалерийский, повстречавшийся теперь с поездом раненых полк, то на ту телегу, у которой он стоял и на которой сидели двое раненых и лежал один, и ему казалось, что тут, в них, заключается разрешение занимавшего его вопроса. Один из сидевших на телеге солдат был, вероятно, ранен в щеку. Вся голова его была обвязана тряпками, и одна щека раздулась с детскую голову.

Рот и нос у него были на сторону. Этот солдат глядел на собор и крестился. Другой, молодой мальчик, рекрут, белокурый и белый, как бы совершенно без крови в тонком лице, с остановившейся доброй улыбкой смотрел на Пьера; третий лежал ничком, и лица его не было видно. Кавалеристы-песельники проходили над самой телегой.

— Ах запропала... да ежова голова...

— Да на чужой стороне живучи... — выделявали они плясовую солдатскую песню.

Как бы вторя им, но в другом роде веселья, перебивались в вышине металлические звуки трезвона. И, еще в другом роде веселья, обливали вершину противоположного откоса жаркие лучи солнца. Но под откосом, у телеги с ранеными, подле запыхавшейся лошаденки, у которой стоял Пьер, было сыро, пасмурно и грустно».

* * *

В одном из боев рядовой Досифеев и сам получил ранение. Пуля угодила якуту в живот, его отправили в госпиталь. Пролежал долго, рана никак не хотела заживать. В госпитале Пётр узнал, что его полк расформировали, так как от полка мало что осталось. Уцелели немногие. Погиб старшина Ермаков, погибли рядовые Пятов и Уланов, погибли другие боевые товарищи. В те минуты, когда горечь захлестывала якута,

он открывал книгу и сквозь набегавшие слезы, затуманивавшие взор, читал «Войну и мир»:

«Та странная мысль, что из числа тех тысяч людей живых, здоровых, молодых и старых, которые с веселым удивлением смотрели на его шляпу, было, наверное, двадцать тысяч обреченных на раны и смерть (может быть, те самые, которых он видел), — поразила Пьера.

Они, может быть, умрут завтра, зачем они думают о чем-нибудь другом, кроме смерти? И ему вдруг по какой-то тайной связи мыслей живо представился спуск с Можайской горы, телеги с ранеными, трезвон, косые лучи солнца и песня кавалеристов».

Накануне выписки Бэргэну сообщили, что из Сибири на Северо-Западный фронт направлены несколько бригад, наполовину сформированных из охотников-якутов. Рядовой Досифеев написал командованию просьбу включить его в состав того корпуса, в котором будут выполнять боевые задания земляки. Возвращать якута после ранения было некуда, поэтому его просьбу удовлетворили и направили в 19-ю отдельную лыжную бригаду 12-го гвардейского стрелкового корпуса.

Бригада получилась интернациональной — полторы тысячи русских, шестьсот якутов, двести пятьдесят украинцев, сто татар, семьдесят белорусов и около двухсот бойцов других национальностей. Тем не менее это была воинская часть, сформированная в основном из посланцев Якутской республики.

19-я лыжная бригада прибыла на Северо-Западный фронт 15 февраля.

— Сегодня праздник, — весело сказал Пётр, обнимаясь с земляками и с наслаждением говоря по-якутски, — Сретенье Господне.

— Что значит «Сретенье»?

— Встреча. Вот и мы встретились.

— Ты бога-то с нами не равняй.

— Не равняю. У него своя была встреча, у нас своя.

Рота, к которой был приписан рядовой Досифеев, находилась в подчинении капитана Подпорова Тимофея Ивановича, человека с дерзким лицом, железным взглядом и негибимой волей. Белокурый, статный Подпоров был внешне симпатичен, но глаза чуть навывкате придавали ему не то рыбий, не то жабий вид. И когда он злился, то смотрел не мигая, выкатывая и без того выпученные глаза. И в то же время в этих глазах сквозила такая решимость и отвага, что взгляд Подпорова заставлял выпрямиться и солдата, и старшего по званию. В редкие мгновения Тимофея Ивановича пронзала беспросветная тоска — когда он писал домой письма. У него в тылу находилась жена с двойняшками, родившимися накануне войны, в мае. Подпоров был кадровым военным. Как и других, его мотало по всему Советскому Союзу: Ярославль, Тула, Харьков... За полгода до начала войны он попал в лагерь, и жена родила детей без него. За что его туда определили? А поменьше бы языком молол не при тех.

Личная бдительность все же должна присутствовать. А то давай говорить, что война скоро начнется. Чутье, видите ли, у него на этот счет! Хорошо еще, что не расстреляли за такие речи за подрыв авторитета армии. Выпустили его через год после начала войны и дали в командование штрафную роту. Капитан Подпоров доблестно выполнял свой долг и к началу 1943-го командовал уже не штрафниками. Дома он так и не побывал и своих детей ни разу не видел, только на фотографиях. Сына назвали в честь Подпорова Тимошей, а дочь, как и жену, Алечкой.

Подпоров был внутренне раздосадован, что в его роте почти одни якуты. Против якутов он ничего не имел. Трудность состояла в том, что многие не говорили по-русски. А капитан не говорил по-якутски. И времени научиться кумекать на этом языке не было: якуты прибыли вчера, а через несколько дней пора было отправляться на боевое задание. А будут ли они хорошими воинами, не зная языка?.. Утешало то, что хоть кто-то среди них все же понимает русскую речь. Досифеев, например.

Капитан взглянул на Петра: сидит, читает. Словно не на войне, а в библиотеке.

— Рядовой Досифеев.

Тот вскочил, натянулся, словно тетива в луке.

— Что читаете? Позвольте взглянуть.

Пётр протянул ротному книгу.

— Та-ак... «Война и мир». Откуда русский хорошо знаете?

— Учил.

— Сам?

— Сам учил. В школе учил. Мама, отец знают русский. Хороший знание русского языка может привести к возвышению якутского народа — так нам говорят.

— Вот как! — подивился сознательности якута Подпоров, отдавая книгу.

В роте Бэргэна сразу зауважали: давно на фронте, даже ранение есть. Он стал для бойцов настоящим гидом по тропам войны. Рассказывал про боевых друзей, про то, как воевал. Его слушали, словно он пришел из другого мира — мира войны. К тому же Бэргэн в оставшиеся дни пытался хоть немного научить русскому своих собратьев. И постоянно читал. Вслух.

«24-го было сражение при Шевардинском редуте, 25-го не было пущено ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны, 26-го произошло Бородинское сражение. Для чего и как были даны и приняты сражения при Шевардине и при Бородине? Для чего было дано Бородинское сражение? Ни для французов, ни для русских оно не имело ни малейшего смысла. Результатом ближайшим было и должно было быть — для русских то, что мы приблизились к гибели Москвы (чего мы боялись больше всего в мире), а для французов то, что они приблизились к гибели всей армии (чего они тоже боялись больше всего в мире). Результат этот

был тогда же совершенно очевиден, а между тем Наполеон дал, а Кутузов принял это сражение».

Некоторым бойцам выдали снайперские винтовки. Объяснили, как из них стрелять. Дали всем по три патрона. Каково было удивление, когда все до одной мишени в самые сердцевины поразили именно якуты.

— Так они же охотники... — бурчали те, кто промахнулся.

Якуты отличались от всех своей наблюдательностью.

— Какая им разница, кто зверь — фашист или волк? — шутили над ними.

Приближалось 23 февраля. Командование 27-й армии Северо-Западного фронта готовило к празднику наступление на Старую Руссу. Настроение в ротах было приподнятое. Ждали, когда же все начнется.

— «Что ж мы? на зимние квартиры? Не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры о русские штучки?» — Весьма грамотный якут Сёмка Яровой готов был хоть сейчас пуститься в бой.

— Не торопи события, поживи еще, — отвечали ему, а мысли всех только и были о наступлении.

— Ждать и догонять — хуже некуда, — вздыхали солдаты.

За эти несколько дней Бэргэн успел со многими сойтись. Но больше всех подружился с рядовым Андреем Бусыгиным. Несмотря на то что якуты приняли православие и носили христианские имена и фамилии, они сохраняли также и свои традиционные имена. Андрея Бусыгина по якутски звали Эркином, что означает «честный». Эркин был безграмотен. Недавно ему исполнилось восемнадцать, он был вдвое моложе тридцатишестилетнего Досифеева. С виду крепкий, но в глазах его читалась детская наивность и любопытство, словно не воевать пришел, а поиграться в войнушку. А вот молодцеватая прыть и жажда охоты в нем настоятельно просились наружу.

— Родился бы чуть попозже, — сказал Бэргэн, — дома был. Мы бы и без тебя управились.

— Якут сам решает, когда ему родиться, — хмурил брови Эркин.

— Прыткий ты больно, горячий.

— Холодно, вот и прыгать приходится.

Эркин любил слушать, когда Бэргэн читал ему русскую книгу. Он почти ничего не понимал, но его завораживало само чтение.

— Почему я плохо знаю русский? — расстраивался он.

— Выучишь еще. Жизнь длинная, а ты только вчера на свет появился.

— Почитай еще, — просил Эркин.

К ним подсаживался Сёмка Яровой, якут с русыми волосами.

— «Как ни тесна и никому не нужна и ни тяжка теперь казалась князю Андрею его жизнь, он так же, как и семь лет тому назад в Аустерлице накануне сражения, чувствовал себя взволнованным и раздраженным».

Приказания на завтрашнее сражение были отданы и получены им. Делать ему было больше нечего. Но мысли самые простые, ясные и потому страшные мысли не оставляли его в покое. Он знал, что завтрашнее сражение должно было быть самое страшное из всех тех, в которых он участвовал, и возможность смерти в первый раз в его жизни, без всякого отношения к житейскому, без соображений о том, как она подействует на других, а только по отношению к нему самому, к его душе, с живостью, почти с достоверностью, просто и ужасно, представилась ему. И с высоты этого представления все, что прежде мучило и занимало его, вдруг осветилось холодным белым светом, без теней, без перспективы, без различия очертаний. Вся жизнь представилась ему волшебным фонарем, в который он долго смотрел сквозь стекло и при искусственном освещении. Теперь он увидел вдруг, без стекла, при ярком дневном свете, эти дурно намалеванные картины. “Да, да, вот они те волновавшие и восхищавшие и мучившие меня ложные образы, — говорил он себе, перебирая в своем воображении главные картины своего волшебного фонаря жизни, глядя теперь на них при этом холодном белом свете дня — ясной мысли о смерти. — Вот они, эти грубо намалеванные фигуры, которые представлялись чем-то прекрасным и таинственным. Слава, общественное благо, любовь к женщине, самое отечество — как велики казались мне эти картины, какого глубокого смысла казались они исполненными! И все это так просто, бледно и грубо при холодном белом свете того утра, которое, я чувствую, поднимается для меня”.

Три главные горя его жизни в особенности останавливали его внимание. Его любовь к женщине, смерть его отца и французское нашествие, захватившее половину России. “Любовь!.. Эта девочка, мне казавшаяся преисполненною таинственных сил. Как же я любил ее! я делал поэтические планы о любви, о счастья с нею. О милый мальчик! — с злостью вслух проговорил он. — Как же! я верил в какую-то идеальную любовь, которая должна была мне сохранить ее верность за целый год моего отсутствия! Как нежный голубок басни, она должна была зачахнуть в разлуке со мной. А все это гораздо проще... Все это ужасно просто, гадко!

Отец тоже строил в Лысых Горах и думал, что это его место, его земля, его воздух, его мужики; а пришел Наполеон и, не зная об его существовании, как щепку с дороги, толкнул его, и развалились его Лысые Горы и вся его жизнь. А княжна Марья говорит, что это испытание, посланное свыше. Для чего же испытание, когда его уже нет и не будет? никогда больше не будет! Его нет! Так кому же это испытание? Отечество, гибель Москвы! А завтра меня убьет — и не француз даже, а свой, как вчера разрядил солдат ружье около моего уха, и придут французы, возьмут меня за ноги и за голову и швырнут в яму, чтоб я не вонял им под носом, и сложатся новые условия жизни, которые будут также привычны для других, и я не буду знать про них, и меня не будет”.

Он поглядел на полосу берез с их неподвижной желтизной, зеленью и белой корой, блестящих на солнце. “Умереть, чтобы меня убили завтра, чтобы меня не было... чтобы все это было, а меня бы не было”. Он живо представил себе отсутствие себя в этой жизни. И эти березы с их светом и тенью, и эти курчавые облака, и этот дым костров — все вокруг преобразилось для него и показалось чем-то страшным и угрожающим. Мороз пробежал по его спине. Быстро встав, он вышел из сарая и стал ходить...»

— Про что написано? О чем читаешь? — перебил Бусыгин.

— О чем, о чем... О нас! Не слышишь, что ли? — ответил Сёмка.

Иногда Андрей просил книгу у Петра, но тот хмурился и не давал.

— Поддержать только, — просил тот.

Конечно же, он ее открывал и с умным видом пытался прочитать хотя бы строчку.

— Книгу не так держишь! Переверни, — усмехался Досифеев, — грамотей!

* * *

Февраль славился своими метелями. Без устали сутки напролет стояла над окрестностью вьюга. А этой ночью она так нестерпимо выла, словно собака перед покойником, да не перед одним... Поэтому Подпоров долго не мог уснуть, а когда уснул, ему приснилось, будто он дома, а дочь и сын зовут его не папой, а *дядей* и с зазнайством к нему относятся. Тимофей Иванович проснулся, закурил и сел писать письмо жене:

«Здравствуй, родная жена. Шлю горячий красноармейский привет и нежно целую тебя и наших деток. Как вы там? Только что видел сон про них. Не желали знаться со мной. Горюю, что ни разу их не видел, но думаю о них часто. Ничего, выгоним фашистов с нашей земли, я вернусь с фронта, и будем жить все вместе, весело и счастливо. Но пока вы так от меня далеко... а до смерти четыре шага».

Он преувеличил. До смерти ему оставалось тридцать километров.

На следующий день, двадцать второго, метель стихла. А в ночь на двадцать третье февраля 1943 года перед бойцами нескольких отдельных лыжных бригад, в том числе и 19-й, костяк которой составляли призывники из Якутии, была поставлена задача: форсировать озеро Ильмень и овладеть его южным побережьем. Пользуясь внезапностью удара, лыжный десант должен был взять под контроль дорогу Старая Русса — Шимск, перерезать коммуникации, ведущие на Шимск, и тем самым обеспечить успех главной группировке 27-й армии, которая готовила наступление на Старую Руссу с севера и юго-запада. Им предстояло пройти тридцать километров по льду Ильменского озера от острова Маяк Железный до берега.

В полночь бригады прибыли к Железному Маяку. Он являлся пунктом сосредоточения.

— Средняя полоса России... и маяк. Странно как-то. — Сёмка Яровой недоверчиво разглядывал высокую конструкцию.

— Не смотри, что лед кругом. Маяк-то на острове стоит, — ответил Подпоров.

— Понятно, — протянул якут, — чтоб корабли об остров не бились.

— С богом... — тихо произнес Досифеев, выкатываясь на ильменский лед.

Лыжники шли в белых маскировочных халатах, которые надежно укрывали их в кромешной тьме. Бойцы несли на себе автоматы, катили артиллерийские орудия.

— Мы привыкли к снегу. Выросли на лыжах, — храбрились якуты, двигаясь по замерзшему озеру.

— Большой этот Ильмень, — подивился кто-то.

— Длина — сорок пять километров, ширина — тридцать пять, глубина — десять метров, — отчеканил молоденький боец по фамилии Бояров.

— Почему знаешь?

— Я из этих мест.

— Хорошая будет могила, просторная, — сказал кто-то в темноте.

— Отставить упаднические настроения! — грозно скомандовал капитан Подпоров.

— Лед-то тонкий, однако... — заметил рядовой Бусыгин, но его слова ротному не перевели.

С той минуты бойцы молча разрезали темноту. Так получилось, что 19-я отделилась от остальных частей корпуса. Бездорожье, глухая ночь, ориентир только по компасу...

К пяти утра был замечен высокий берег.

— Это Ильменский глинт, — сказал Бояров.

— Какая же это глина? — удивился Пётр Досифеев.

— Обрыв, значит.

— Гэта па-якому? — спросил Смолич, белорус с пышными усами.

— Чего-о? — не понял Бояров.

— По-каковски это, тебя спрашивают, — вступил в разговор ефрейтор Бабич.

— По-датски.

Однако Бабичу послышалось «по-бабски», и он страшно удивился.

Идти до глинта предстояло километра три. На высоком берегу стояло несколько деревень, занятых немцами. Из них ближе всех — деревня Ретле. Первыми дойдя до берега, второй батальон и часть третьего бросились атаковать деревню. После короткого боя немцы, ошеломленные внезапностью, отступили. В том коротком бою погиб Сёмка Яровой, гранатой взорвав дзот фашистов, своей гибелью расчистив дорогу наступавшей роте.

Первый батальон и большая часть третьего пытались атаковать деревни Устрека и Заднее Поле. Эти населенные пункты, занятые против-

ником, представляли собой отдельные опорные укрепления с целым рядом дзотов и хорошими наблюдательными пунктами. Захватить деревни до рассвета не успели, фактор внезапности нападения был упущен. Противник прижал наступающих массированным артиллерийским огнем ко льду. Немцы удобно расположились на высоком берегу Ильменя, и бойцы на открытом ледяном пространстве были у них как на ладони. Одновременно шла бомбежка с воздуха.

Бойцы же второго батальона и части третьего, развивая наступление из деревни Ретле, отбили у немцев деревни Горка и Конечек, вступая в рукопашные схватки с противником. Тут подвиг якута Ярового повторил белорус Смолич, бросившись с гранатой на дзот. Завладев Горкой и Конечком, бойцы кинулись товарищам на подмогу, предприняв атаку с фланга на немецкие позиции в деревне Устрека. Однако эта попытка была сорвана немецкой контратакой.

Во второй половине дня немцы, подтянув резервы, теперь значительно превосходя наступавших в численности, предприняли новую атаку. При поддержке авиации в бой вступила артиллерия и минометы. Немцам удалось занять освобожденные ранее деревни и оттеснить остатки второго и третьего батальонов к озеру. Истратив боеприпасы, те оказались прижаты к берегу.

Белые просторы превращались в кровавую равнину. Людям негде было укрыться на голом льду, они гибли от пуль и от осколков, под ломящимся льдом тонули в водах Ильменя. Был убит ротный Подпоров, мечта которого увидеть своих детей так и осталась мечтой. Погиб на своей малой родине Бояров. Бабича поглотили воды озера, могилой ему стало ильменское дно.

Боец второго батальона рядовой Пётр Досифеев лежал на льду. К нему, прячась от пуль, подобрался Андрей Бусыгин. Белый маскировочный халат Петра на животе был окрашен в кровавый цвет.

— Все в живот мне пули норовят... — с трудом сказал якут. — Русские говорят — «не жалеть живота своего»... Правильно говорят... — Он говорил отрывисто. — Я умираю...

— Бэргэн, живи, живи, Бэргэн! — Бусыгин, увидев столько смертей за сегодняшний день, не мог примириться с мыслью, что Досифеев умрет.

— Послушай меня... Не перебивай... Навести моих... — якут назвал место. — Скажи, где погиб... — Силы покидали его. Он еле выговаривал слова. — Подними...

Бусыгин выполнил просьбу. Бэргэн застонал от боли.

— На спине у меня... под халатом книга. Достань.

Кругом свистели пули, рвались снаряды. Бусыгин не расслышал.

— Книга... Достань... На спине...

Бусыгин медлил.

— Ну!

Андрей вспорол Петру ножом маскхалат на спине и вынул книгу.

— «Война и мир». Тебе, Эркин. Читай... А теперь уходи.

Бусыгин снова медлил.

— Иди!

Эркин начал отползать.

— Эркин! — вдруг громко позвал Бусыгина умирающий якут.

Бусыгин приподнялся.

— Непотухающего огня тебе...

Не пожеланием долгой войны это было, нет. Пожелать таежному человеку непотухающего огня означает у якутов предречь долгую ему жизнь.

Бой шел целый день. В ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое февраля измотанные остатки советских войск отошли к Железному Маяку. А двадцать пятого перед уцелевшими была поставлена новая задача — овладеть деревней Взад Старорусского района. Эта деревня казалась крепким орешком — водная преграда, широкие минные поля, проволочные заграждения с током делали ее неприступной. Однако бойцы 19-й отдельной лыжной бригады, окружив с юго-запада Взад, заняли его. В том памятном бою особо отличился рядовой Андрей Бусыгин, уничтоживший дюжину фашистов.

— Разбудили в парне зверя, — говорили о нем солдаты.

Эркин мстил за Бэргэна, за якутов, за всех тех, кому никогда уже не суждено прийти в свой дом и обнять родных.

Через две недели остатки бригады расформировали. Андрей Бусыгин вместе с горсткой оставшихся бойцов влились в 150-ю стрелковую дивизию. Дивизия дошла до Берлина. Ей выпала честь штурмовать Рейхстаг.

* * *

Бусыгин оказался хорошим солдатом — выносливым, храбрым. К концу войны он все-таки выучил русский язык, понемногу овладевая и грамотой. С ним все время была книга. Та самая, которую перед смертью ему отдал друг. Поначалу Эркин лишь мечтал о том, что когда-нибудь прочтет первую страницу, но пока что просил боевых товарищей почитать ему вслух. Никто ему не отказывал, солдаты садились кружком и слушали, о чем писал им Лев Николаевич Толстой из прошлого века:

«— Сражение выиграет тот, кто твердо решил его выиграть. Отчего мы под Аустерлицем проиграли сражение? У нас потеря была почти равная с французами, но мы сказали себе очень рано, что мы проиграли сражение, — и проиграли. А сказали мы это потому, что нам там незачем было драться: поскорее хотелось уйти с поля сражения. “Проиграли — ну так бежать!” — мы и побежали. Ежели бы до вечера мы не говорили этого, бог знает, что бы было. А завтра мы этого не скажем. Ты говоришь: наша позиция, левый фланг слаб, правый фланг растянут, — продолжал

он, — все это вздор, ничего этого нет. А что нам предстоит завтра? Сто миллионов самых разнообразных случайностей, которые будут решаться мгновенно тем, что побежали или побегут они или наши, что убьют того, убьют другого; а то, что делается теперь, — все это забава. Дело в том, что те, с кем ты ездил по позиции, не только не содействуют общему ходу дел, но мешают ему. Они заняты только своими маленькими интересами.

— В такую минуту? — укоризненно сказал Пьер.

— В такую минуту, — повторил князь Андрей, — для них это только такая минута, в которую можно подкопаться под врага и получить лишний крестик или ленточку. Для меня на завтра вот что: стотысячное русское и стотысячное французское войска сошлись драться, и факт в том, что эти двести тысяч дерутся, и кто будет злей драться и себя меньше жалеть, тот победит. И хочешь, я тебе скажу, что, что бы там ни было, что бы ни путали там вверху, мы выиграем сражение завтра. Завтра, что бы там ни было, мы выиграем сражение!»

Несмотря на войну, книга выглядела образцово. Только на обложке в слове «война» осыпалась позолота, и теперь это тяжелое слово не переливалось в лучах солнца. Его буквы мрачного болотного цвета выглядели блеклыми и состарившимися.

Эркин запомнил тот день, когда смог прочитать первый абзац книги: «С конца 1811-го года началось усиленное вооружение и сосредоточение сил Западной Европы, и в 1812 году силы эти — миллионы людей (считая тех, которые перевозили и кормили армию) двинулись с Запада на Восток, к границам России, к которым точно так же с 1811-го года стягивались силы России. 12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые, в этот период времени, люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления».

* * *

Домой Эркин пришел в орденах и медалях. Дорожке всех старшине Бусыгину была самая первая — «За отвагу», полученная в ледовом боище на ильменских просторах.

Первым делом он навестил родственников Петра Досифеева. Они знали о том, что Бэргэн погиб — на имя матери пришла похоронка: «Здравствуйте Мария Никитична. Сообщаем вам, что ваш сын Пётр Васильевич погиб на озере Ильмень в сражении с немецкими оккупантами 23 февраля 1943 года. Он сражался за освобождение оккупированного района с фашистскими гадинами, немецкими изуверами, которые

напали на нашу страну». Далее сообщалось, где похоронен рядовой Досифеев. Эркин рассказал матери и жене Бэргэна о том, как доблестно сражался сын якутского народа, о его последних минутах. Обе женщины, внимательно слушая, сначала сидели с каменными лицами, потом в голос разрыдались. У Бэргэна осталось четверо детей — два сына и две дочери. Старший сын и сам три дня назад стал отцом, назвав первенца Петром. Традиционное якутское имя мальчику дали тоже в честь деда — Бэргэн.

Эркин же после войны настолько хорошо овладел русской речью, что даже стал учителем, преподавая русский язык детям в школе. Наверное, первым шагом к профессии стал для него оттиск печати на форзаце книги, которая была с ним повсюду. На штампе значилось: «Библиотека Новгородского государственного учительского института».

* * *

Каждый год проводится «Лыжный десант» в честь битвы на озере Ильмень. Традиционно в День защитника Отечества лыжники бегут по тем местам, по которым пришлось пройти бойцам отдельных лыжных бригад 12-го гвардейского стрелкового корпуса 27-й армии Северо-Западного фронта. Приезжал поклониться праху своего деда и всем сложившим головы в той страшной битве Петр Досифеев. Приехал он не один, а с книгой, спутницей сначала деда, а потом и его боевого товарища. В книгу было вложено письмо, написанное крупным школьным почерком:

«Дорогие будущие учителя, пишет вам ваш коллега, преподаватель русского языка и литературы Бусыгин Андрей Викторович. Когда вы будете держать эту книгу в руках, меня, возможно, уже не будет на белом свете, ибо я болен и слышу зов предков. Перед уходом в мир иной возвращаю вам книгу Льва Николаевича Толстого “Война и мир”, самую лучшую книгу в мире. Долгие годы она шагала со мной бок о бок. Я часто открывал ее наугад и читал, читал, читал... Когда я читал 219-ю страницу — объявили о полете Гагарина в космос, когда однажды открыл 12-ю — объявили об открытии храма Христа Спасителя. Эту книгу мои друзья и я читали на ступенях Рейхстага и в якутской уресе, на привале между боями и в школьном классе. Вот и сейчас в последний раз я открою эту книгу и прочту знакомые строки. Ее вам доставит внук доблестно сражавшегося и погибшего на Ильменском озере якута Петра Досифеева. Отдавая перед смертью мне книгу, он под огнем пуль пожелал незатухающего огня, желая мне долгой жизни. А теперь настала моя очередь пожелать незатухающего огня вам и могучему творению Льва Николаевича Толстого».

Вадим ЯРЦЕВ

ПРОЩАНИЕ С СОЮЗОМ*

Плясуны

Не для славы, не для денег —
И еще не пьяный в дым —
Паренек гармонь наденет,
Улыбнется молодым.

Беломорину докурит
И под чье-то: «Жги, Ванёк!» —
Гармонист глаза прищурит
И цыганочку рванет.

Все! И нет привычной злости.
Пляшут все — и стар, и мал,
И хозяйева, и гости.
И жених пиджак сорвал,

Даже скромница невеста
Тоже встала на носки...
Хватит всем для пляски места —
И своим, и городским.

Кто пришел похулиганить —
Спрячьте, сволочи, ножи.
Пусть под нашими ногами
Пол надраенный дрожит!

* Стихотворения из книги «Марш славянки» (Ангарск, 2013).

Пусть летит к чертям посуда
Со сколоченных столов!
Мы живем, и нам покуда
Не сносить шальных голов.

Пусть нас душит *это* время,
Пусть вся жизнь пошла на слом —
Пляшет русская деревня
Всем начальникам назло.

— Что ты, что ты, что ты, что ты!
Я солдат девятой роты
Тридцать первого полка...
Ничего. Живем пока.

Мы народ простой, но хваткий,
Мы и спляшем, и споем.
Пусть знобит как в лихорадке —
Ничего. Переживем...

Плясуны мы, плясуны.
Никому мы не нужны...

Развод

Зверю зверево, богу богово.
Я покинул чужое логово.

Хорошо было с вами, не спорю, —
Все равно как в чеченском плену.
Предпочел я чужому застолью
Свою собственную тишину.

Я себе подыскал комнатенку.
Стол поставил, завел котенка.
Хоть какое ни есть — жилье,
Хоть убогое, да свое.

Все ходили вокруг, мельтешили,
Голосили, ключами звеня.
Все гурьбой — и свои, и чужие...
Наконец-то забыли меня.

Отсидеться хочу, отмолчаться,
Посидеть, оглянуться вокруг.

Вы простите меня, домочадцы,
И не нужно заламывать рук,

И не нужно ни сцен, ни истерик —
Не вернусь я к любимой жене.
Выбираюсь на собственный берег,
Отдыхаю от вас в тишине.

Я на стену повешу иконку,
Буду пиво тянуть потихоньку,
Телевизор смотреть по ночам.
Этот груз мне как раз по плечам.

Все вокруг я ходил да рядышком,
Грыз орехи со сладким ядрышком,
А теперь оборвал все нити.
Не ходите ко мне, не звоните...

* * *

Он вернулся в Россию в начале весны,
В край голодный и злой, как во время блокады.
«Наши дали — видны, наши цели — ясны!» —
Сообщали плакаты.

В этом городе нет ни друзей, ни родни.
И, червонец отдав алкашам суетливым,
Он курил у пивточки, подняв воротник,
В ожидании пива.

Впрочем, нет. Здесь когда-то подруга жила
(Ах, студентка-заочница, Верочка-Вера!
А ведь тоже любила, ночами ждала...),
Вышла за офицера.

Его братьев везет по этапу конвой,
А он сам никому и ничем не обязан.
С этой слякотной и неудобной страной
Он надежно повязан.

Хорошо, что не ждут и к столу не зовут
И что некому бросить: «Ну ладно, прощайте».
Хорошо, если твой долгожданный уют —
Чья-то койка в общежитии.

* * *

Опять подошли холода,
 Нагрянули злые метели.
 Опять подступает беда,
 Которую мы проглядели.

Я здесь и родился, и рос.
 Отсюда мне некуда деться.
 В жестокий январский мороз
 Мечтаю о том, чтоб согреться.

Убогая, в общем, мечта —
 Ни радости в ней, ни полета...
 Расхватаны в ложах места.
 Осталась свободной галерка.

Я рвался уехать на юг,
 Душой отдохнуть и оттаять...
 Но родина там, где нальют,
 А водки в Сибири хватает.

Метели сбивали нас с ног,
 А водка спасала и грела...
 Я так ничего и не смог.
 Я так ничего и не сделал.

Гляжу пассажирскому вслед,
 Не сплю и тоскую ночами.
 Но с тяжестью прожитых лет
 Трудней уезжать, чем в начале.

Прими нас, Всевышний, скорей,
 Укрой от метели и стужи
 И теплым дыханьем согрей
 Замерзшие ржавые души.

* * *

Ах, оставь его в покое,
 Захмелевший инвалид.
 Лейтенанту снятся кони.
 У него душа болит.
 Он службист, а не Есенин,
 Только нету снов страшней,
 Как в России днем весенним
 Перебили всех коней.

Он прикрыл глаза ладонью —
 То ли плачет, то ли спит.
 И, чтоб реже снились кони,
 Медицинский глушит спирт.
 Он мечтает о покое,
 Но все так же день за днем
 Обезумевшие кони
 Ржут и прядут под огнем.

Пацану с глазами старца
 Жизнь наставила рога.
 Все же нет страшнее танца,
 Чем под пулями врага.
 Как апостол на иконе,
 Лейтенант подпивший свят.
 Где его гнедые кони?
 Под какой обстрел летят?

Он рыдает от бессилья.
 За окном свистит зима.
 Иль с ума сошла Россия,
 Или он сошел с ума...

* * *

Одним — дворцы, другим — бараки,
 Одним — еще, другим — уже...
 Схлестнемся мы в кровавой драке,
 В хмельном и диком кураже.

Не устоять вам до рассвета,
 Как ни юродствуй, ни визжи,
 Когда мы пустим в ход кастеты
 И самодельные ножи.

Ничто не будет позабыто.
 Вы нас в ярмо впрягли, как скот.
 Вставай, затоптанное быдло,
 Души зажавшихся господ!

Но свет в глазах моих потухнет
 И щеки мне зальет стыдом,
 Когда на землю молча рухнет
 Омоновец с пробитым лбом.

Кой черт занес тебя, ровесник,
В остервеневшую толпу?
Кому теперь ты нужен, если
Дыра зияет в твоём лбу?

Когда-то мы друг друга знали,
Как ты продался им — бог весть.
Зачем ты с ними, а не с нами?
Зачем ты здесь? Зачем ты здесь?

Страх

Я в вашу искренность не верил
И не развязывал язык.
Я раз по семь сначала мерил,
А отрезать потом привык.

По болтунам скучала зона,
Для них не писан был закон.
«Болтун — находка для шпиона» —
Я с этим лозунгом знаком.

Шпионов здесь и вправду много.
Здесь трудно было не пропасть,
И — кто рассчитывал на Бога,
Кто на себя, а кто на власть.

Здесь воздух был пропитан страхом.
Тут хоть юродствуй, хоть молчи —
На одинаковую плаху
Герои шли и палачи.

Во время скорби и печали,
Во дни салютов и торжеств
Здесь жертвы были палачами,
А палачи сменяли жертв.

Я неприметно утаился
В своем углу, не пил, не ел.
Я и в герои не годился,
И быть мерзавцем не хотел.

Меня никто не мог услышать,
Я замолчал на много лет.
Мне одного хотелось — выжить
И пережить весь этот бред.

Лишь по ночам, в сплошных потемках,
До шепота понизив бас,
Я разговаривал с котенком —
Уж этот точно не продаст...

Прощание с Союзом

Не с двушкой затертой и ржавой —
Прощаюсь с великой державой.

«Родопи» из куртки достану
И спичек у друга стрельну.
Оплакивать больше не стану
Пропащую эту страну.

Мы сами свободу глотали
К исходу суровой зимы.
Империю мы промотали,
Пропили Отечество мы.

Теперь ничего не исправить,
Былого назад не вернуть.
Империи — вечная память,
А нам — неприкаянный путь.

Держава отчаянных Ванек,
Как птица, подстрелена влет.
Как будто огромный «Титаник»,
Отчизна уходит под лед.

Советский по крови и плоти,
Я слезы сглотнул — и молчу.
Вы этой тоски не поймете,
А я объяснять не хочу...

Клуб «АМАЛЬТЕЯ»

Продолжение традиции

В первом номере журнала «Сибирские огни», который вышел в марте 1922 г. в Новониколаевске (нынешнем Новосибирске), было опубликовано стихотворение Вивиана Азаревича Итина «Кто смерть видал — умеет жить». Но в истории сибирской литературы имя Вивиана Итина, позднее работавшего ответственным редактором «Сибогней», связано все-таки не с поэзией, а с иным жанром — фантастикой. Именно он является автором первого советского фантастического романа «Страна Гонгури». Роман был опубликован в том же 1922 г. в типографии газеты «Канский крестьянин». Позднее он неоднократно переиздавался и стал своего рода «учебником» для многих начинающих сибирских писателей-фантастов. «Сибирские огни» традиционно предоставляли свои страницы для публикаций произведений этого жанра. Со временем сформировалась целая школа сибирских фантастов, и одним из самых ярких ее представителей был, конечно же, Михаил Петрович Михеев. «Тайна белого пятна», «Вирус В-13», «Год 1600...» — многие поколения юных читателей выросли на этих книгах. По инициативе Михаила Петровича в Новосибирске был создан клуб «Амальтея», ставший стартовой площадкой для многих ныне успешно работающих писателей-фантастов. Редакция «Сибирских огней» решила возродить и продолжить эту славную традицию, в связи с чем мы открываем новую рубрику — «Клуб «Амальтея»». Надеемся, что она обратит на себя внимание наших читателей. Курировать рубрику будет известный новосибирский писатель-фантаст Вячеслав Шалыгин.

Редакция

Роман ГЛУШКОВ

ПОДПОЛЬЩИК

Р а с с к а з

— А может, все-таки передумаете, Василий Кузьмич? — подмигнула хозяйка, с видом заправского сомелье демонстрируя мне бутылку самогона, которую достала из кухонного шкафчика со скрипучей дверцей. — Это же вам не вредоносная магазинная химия, а продукция целиком домашняя. С любовью сваренная и на пользительных травах настоящая.

— Что пользительная — ни капельки не сомневаюсь, — ответил я. — Да только нельзя мне сейчас пить, Аграфена Матвеевна. Я ведь сюда не пешком пришел, мне еще домой в Тогучин через полрайона на машине возвращаться.

— Что, вот прям ни стопочки? Ни даже полстопочки? — не унималась гостеприимная бабушка. — Милое дело, под горячую-то картошечку да с малосольным огурчиком!

— Ни-ни! — отрезал я, подкрепив свой отказ категорическим жестом. — А вот от картошечки с огурчиком не откажусь! Пока по здешним буеракам набуксуешься, волей-неволей аппетит разыграется.

— Истинно так! — закивала Матвеевна, сдавшись и убирая бутылку обратно в шкафчик. — По нашенской грязи сюда и раньше не всякая машина доползала. А теперича, когда районное начальство про Родники вконец забыло, просто чудо, что в округе еще какие-то дороги остались...

Хутор Родники — так называлась глухомань, куда пригнал меня сегодня мой журналистский долг.

Хозяйка немного преувеличивала: если районное начальство про нее и забыло, то не окончательно. По крайней мере, про восьмидесятилетний юбилей Аграфены Матвеевны Пескарёвой, многократного лауреата всесоюзных певческих фестивалей, которой даже как-то довелось выступать в Кремле перед Брежневым, кто-то в тогучинском отделе культуры вспомнил. И даже вовремя. Что доказывал стоящий у Матвеевны на старенькой тумбочке новенький телевизор, подаренный ей побывавшей здесь по такому поводу официальной делегацией из райцентра. А также — поздравительная грамота в рамочке под стеклом. Ее бабушка Аграфена прибила на стенку рядом с выцветшими грамотами советской эпохи, коих красе и гордости нашего района в прошлом веке успели вручить немало. Их она развесила под небольшим иконостасом, который тоже наличествовал у нее в доме.

Я приехал сюда позже, чтобы снять материал для отдельной передачи, которую хотел сделать о певунье из Родников наш местный телеканал «Земляки». Ну как — канал... Скорее канальчик: мы выходили в эфир трижды в неделю на государственном телеканале, транслируя поверх его новостных выпусков блоки передач из Тогучина. Но, как бы то ни было, у «Земляков» тоже имелась своя маленькая и благодарная аудитория. А реклама, которой мы, естественно, не брезговали, служила хорошим подспорьем в нашей работе.

Несмотря на преклонные годы, бабушка Аграфена сохранила ясный ум, хорошую память и завидный оптимизм. Притом что никакой родни на сегодняшний день у нее не осталось: муж, Афанасий Павлович, умер пятнадцать лет назад, а детей у них не было. И жила теперь Матвеевна на белом свете одна-одинешенька в такой глуши, куда даже автобусы не ходили. Да еще и рядом с малоприятными личностями, вселившимися в заброшенные соседние дома — не то цыганами, не то нелегальными им-

мигрантами с юга. Правда, по ее словам, соседи не обижали, напротив — проявляли к ней уважение, привозили из ближайшей деревни Кучанихи продукты и иногда помогали по хозяйству.

Перед объективом камеры хозяйка не тушевалась — сказывался, видать, немалый артистический опыт. И петь с годами вовсе не разучилась. Голос ее, конечно, был не таким сильным, как в золотые годы, но звучал по-прежнему мелодично и звонко. Спев на камеру десяток народных песен, половину из которых я вообще впервые слышал, Матвеевна взялась отвечать на мои вопросы. И отвечала так задушевно, что я и не заметил, как наше интервью превратилось в обычный человеческий разговор обо всем на свете, в ходе которого мне и было предложено выпить, а также отобедать. Увы, но я имел право согласиться лишь на второе, хотя для первого атмосфера тоже благоприятствовала.

— А вы сами-то любите петь, Василий Кузьмич? — осведомилась хозяйка, выкладывая мне в миску из пышущего паром котелка горячие картофелины.

— Люблю, да только, к несчастью, не умею, — признался я. — Как говорят, медведь в детстве на ухо наступил. Хотя в моем случае правильнее сказать не «наступил», а «хорошенько потоптался».

— Быть такого не может! — усомнилась Матвеевна. — Да чтоб культурный человек из города — и был далек от музыки?.. Не верю! А ну-ка, спойте что-нибудь!

— Да полноте, Аграфена Матвеевна. Не заставляйте меня оскорблять ваш тонкий слух, — засмутился я. — Кот, которого тянут за хвост, и тот вопит музыкальнее, чем я пою.

— Нет-нет, я все-таки настаиваю! — уперлась старушка. — Раз уж отказались со мной выпить, значит, хотя бы споем дуэтом. Не обязательно народную песню — я ведь и эстрадные в свое время пела. «Листья желтые над городом кружатся» — знаете такую?

— Да кто же из моего поколения ее не знает!

— Вот и славно! Короче, вы начинайте, а я подхватчу, ладно?

— Хорошо, уговорили, — махнул я рукой. И, прокашлявшись, запел вполголоса: — Не прожить нам в мире этом, не прожить нам в мире этом без потерь, без потерь...

Однако я не успел добраться даже до припева. Внезапно что-то долбануло снизу в дощатый пол. Да с такой силой, что я аж подпрыгнул. Вместе со стулом, столом и прочей нехитрой кухонной мебелью. В шкафу зазвенела посуда, с вешалки в углу сорвалась поношенная телогрейка, а у допотопного холодильника «Бирюса» открылась дверца. Стоящая рядом со мной камера на штативе тоже покачнулась. Но я, к счастью, успел ее удержать и не позволил грохнуться на пол.

Землетрясения в наших краях изредка случаются, но это было не оно. Потому что, во-первых, половицы громыхнули слишком сильно, чего при сейсмическом толчке не произошло бы. А во-вторых, помимо грохота

я услышал еще кое-что — донесшийся оттуда же, из-под пола, странный звук. Он малость напоминал шум работающего на холостых оборотах дизеля, вот только этот рокот не казался механическим. В нем отчетливо различалась смена интонаций, характерная для живого существа. Такого, которое двигается, дышит и испытывает эмоции — в данный момент это определенно была злость.

Не сказать, чтобы я запаниковал. Но что струхнул — тут не спорю. Подскочив со стула, я схватил камеру обеими руками, потому как стояла она не одну мою зарплату.

Хозяйка же не проявила ни малейших признаков страха. Повернувшись ко мне, Матвеевна сурово нахмурила брови и приложила палец к губам, велев помалкивать. Намек получился красноречивый. И я, открыв было рот, дабы спросить, что происходит, захлопнул его, не издав ни звука.

Новых ударов из подполья не последовало. Но тот, кто заявил о себе таким грубым способом, продолжал нервировать утробным рокотанием и возней. Я боялся даже предположить, что за зверя мы там разбудили. Но что не человека — это точно. Судя по шуму, что он производил, в нем было немало весу. Вот только кого могла держать у себя в подполе милая старушка, которой было по силам управиться лишь с курами да утками? И почему именно в подполе, а не в сарае? И вообще, нужны ли мне, постороннему человеку, ответы на эти вопросы?

Удивившая своим спокойствием Матвеевна не закончила преподнести сюрпризы. Послушав какое-то время идущие снизу звуки, она вдруг взяла и запела колыбельную! Тоже, видимо, старинную, потому что я не мог разобрать в ней и половины слов. Но, как всем известно, в колыбельных важны не слова, а убаюкивающая монотонность. И в этом смысле пение бабушки Аграфены являло собой отличное успокоительное. Под его воздействие попал даже я, хотя, казалось бы, теперь меня придется сутки отпаивать валерьянкой. Подействовала колыбельная и на подпольного буяна. Заслышав ее, он стал затихать, а спустя еще пару минут шум и рокот полностью умолкли. После чего Матвеевна, понизив голос, спела последний куплет — очевидно, проверяла, как буян отнесется к затуханию мелодии, — и тоже замолчала.

— Уф, кажись, угомонился, проказник... — Она облегченно вздохнула, а вслед за ней то же самое сделал и я. — Запомняла я совсем, что Тарахтун не всякое пение на дух выносит. И что не умеет вести себя смиренно, когда что-то ему не по нраву.

— Кого это вы там держите? — спросил я, указав пальцем в пол. — Медведя, что ли?

— Медведя? Да на кой ляд он мне там сдался бы, медведь-то? И чем бы я его кормила, окаянного? — Она негромко рассмеялась. — Никакой Тарахтун не медведь, а обычный домовый. Или, говоря точнее, *подпольный*, потому что в дом он никогда не заглядывает. Не могу назвать его до-

брым духом: порой он бывает слишком неугомонным. Но и злодеем его не назовешь, потому что вреда от него тоже нет. А то что он иногда шумит, так ведь на то он и дух, чтобы людей попугивать, верно?

— По-моему, Аграфена Матвеевна, вы меня разыгрываете, — заулыбался я ей в ответ. Правда, моя улыбка выглядела довольно вымученной. — Скажете тоже — домово́й! Готов поспорить, что если мы с вами спустимся в подпол, то увидим там не духа, а какое-нибудь животное, причем довольно крупное.

— И рада бы поспорить, да только не получится, — покачала головой старушка. Похоже, моя недоверчивость ее немного задела. — Крышку подпола мой покойный муж, царствие ему небесное, заколотил еще три десятка лет назад. Вот такими огромными гвоздями. — Подобно рыбаку, показывающему размер пойманной рыбы, Матвеевна развела указательные пальцы сантиметров на двадцать. — И с тех пор ни он, ни я больше туда не спускались. Ни разу! Да вы сами, Василий Кузьмич, взгляните и убедитесь.

Она отошла в угол и отогнула в сторону палас.

Под ним и впрямь имелся деревянный люк. А поверх него были прибиты две широкие доски, чьи края покойный Афанасий Павлович приколотил уже к половицам. Доски были выкрашены коричневой краской, под цвет пола, но она не скрыла полностью гвоздевые шляпки. Чей внушительный диаметр указывал на то, что насчет длины гвоздей хозяйка мне не солгала.

— Как только Тарахтун у нас поселился и начал шуметь, мы подполье от греха подальше и закупорили, — пояснила Матвеевна. — Я тогда хотела еще батюшку из Тогучина пригласить, но Афанасий Пальч пораскинул мозгами и запретил. Сказал, что, дескать, раз Тарахтун не причиняет нам зла, значит, он не бес. А раз не бес, то может сильно обидеться, ежели начнем изгонять его как беса. Тем более что к тому времени мы уже нашли верное средство... как его успокаивать.

— Вы пели ему песни? — догадался я.

— В точности так, Василий Кузьмич, — подтвердила бабушка Аграфена. — До песен он и впрямь дюже охочий. Да что там! Такого благодарного и верного слушателя, как он, у меня до сей поры еще не было. Даже Афанасию Пальчу под старость лет мое пение осточертело хуже горькой редьки. А Тарахтун может часами под полом мурлыкать, слушая, как я пою. Он мне даже аплодировать научился. Уж не знаю, чем он там хлопает, ведь у духов, кажись, нет рук, но получалось очень похоже. Почти душевно, ежели так можно сказать про духа.

— А вы не пытались продать дом и переехать куда-нибудь в другое место?

— Ой, да куда же?! — всплеснула руками хозяйка. — Мы ведь с Афанасием Пальчем тут выросли и всю жизнь прожили! И главное, зачем переезжать-то? Это поначалу Тарахтун нам докучал, но потом мы оба

к нему привыкли. А сегодня он и вовсе для меня, почитай, самое родное существо, даром что я ни разу его в глаза не видела. Но как-никак, а тридцать лет бок о бок живем — шутка ли!..

Прежде я лишь читал о полтергейсте, но не сталкивался с ним наяву. И вот, когда волею судьбы неожиданно столкнулся, это выглядело столь обыденно и неромантично, что я даже ощутил некоторое разочарование. И все-таки заверение Матвеевны насчет миролюбивости Тарахтуна меня не успокоило. Чувство, что он продолжает наблюдать за мной из мрака через щели в рассохшихся половицах, было слишком сильным и неприятным. Да и сама Матвеевна, после того как я заподозрил, будто она меня разыгрывает, стала смотреть... нет, не с неприязнью. Но теперь в ее добрых глазах появилось сожаление и легкая обида. Которые тоже были намеком на то, что я вдоволь здесь нагостился, пора и честь знать.

В общем, спустя четверть часа я, откланявшись, поблагодарил Аграфену Матвеевну за угощение, погрузил в машину свою аппаратуру и покинул Родники с неуютным ощущением вины. Той, которую испытываешь, когда влезает в чужие секреты, пусть даже это вышло нечаянно.

Но, видимо, такой уж плохой я был журналист, если даже на пятом десятке лет меня терзали подобные непрофессиональные рефлексии...

* * *

Прошло два с половиной года. После телепередачи о бабушке-певунье я сделал еще уйму репортажей о выдающихся земляках, поколесив по дорогам Тогучинского района. И впечатлений от этих поездок накопилось много. Поэтому со временем история с полтергейстом из Родников отложилась у меня в памяти лишь как один из странных случаев, что бывают в практике любого корреспондента. Случаев любопытных, но тех, рассказывать о которых совершенно не хочется: мало того что не поверят и обзовут чокнутым, так еще и насмеяться за спиной станут.

Вот и я тогда промолчал. А зачем было кому-то в чем-то признаться? Живущий в подполе дух, который не причиняет никому зла, а лишь иногда шумит и колотит по доскам?.. Какие, право слово, мелочи! Особенно беря во внимание, как много происходит в мире куда более загадочных и отнюдь не безобидных аномальных явлений.

И все же рассказанная выше история получила свое продолжение.

Однажды я сидел за компьютером и монтировал очередной видеоматериал, когда проходивший мимо меня коллега, Володя Горский, вдруг остановился, как будто вспомнил о чем-то важном, и поинтересовался:

— Кстати, ты уже читал вчерашнюю «Тогучинку»?

— Нет, — ответил я, не отрываясь от работы. — А что там было?

— Да ничего особенного, — махнул рукой Володя. — Просто пишут, что та старушка из Родников, про которую ты когда-то репортаж делал,

недавно умерла. Последнее время она у нас в Тогучине в больнице пролежала, где и скончалась. В отделе культуры попытались каких-нибудь ее родственников разыскать, да так и не нашли. В общем, похоронили за государственный счет. Но достойно, как почетного жителя района, которым она вроде бы официально и являлась.

— Вот оно как! Что ж, печально... — Я откинулся на спинку кресла и опустил руки. Новость о смерти Аграфены Матвеевны не стала для меня ударом, но все равно огорчила. Слишком уж теплые воспоминания остались у меня о ней и о ее песнях, пускай общались мы тогда всего-навсего пару часов.

Едва я подумал о Матвеевне, как тут же вспомнилась и история с ее домовым... вернее, подпольным. Причем вспомнилась так ярко и во всех подробностях, как будто случилась вчера. И я, сам того не желая, задал Горскому пришедший мне на ум вопрос:

— А что стало со старушечьим домом в Родниках, «Тогучинка» не пишет?

— Нет, не пишет, — помотал головой Володя. — А зачем? Там от самих Родников уже мало что осталось, а ты о каком-то бабушкином домике печешься. С чего вдруг интерес?

— Да так... — Я пожал плечами. — Там у нее еще советские правительственные награды есть, иконы, фотографии, что имеют музейную ценность... Жалко будет, если это все разграбят или уничтожат.

— Ну... чай не в средние века живем, — заметил Горский. — Надо думать, кто-то уже позаботился насчет бабулиных регалий и переправил их в музей.

— Очень хочу, чтобы ты оказался прав... — Я взялся покусывать кончик авторучки, как бывало со мной в минуты глубокой задумчивости. И в итоге решил завтра же утром по дороге на работу заехать к местным краеведам и проверить, не поступало ли к ним какое-либо наследие Аграфены Матвеевны.

Данное самому себе слово я сдержал — заехал и проверил. Увы, но новости оказались безрадостными. Перед работниками краеведческого музея, что имелся при районном Доме детско-юношеского творчества, действительно была поставлена такая задача. Но выполнить ее сегодня они не могли, уж извините. Потому что попасть в Родники до зимы краеведы не успели. А теперь, когда хутор был полностью заброшен (бывшие соседи Матвеевны вроде бы съехали оттуда еще год назад), ведущая к нему дорога стояла заметенная снегом и никто ее не расчищал. Так что добраться туда музейщики обещали лишь весной, а сейчас был еще декабрь... Короче говоря, в музее на сей счет даже не чесались. Полагали, что вряд ли кто-то поплетется в Родники по сугробам покушаться на старушечье добро. А значит, до весны ему ничего не грозит. Кроме разве что сырости, но за несколько месяцев она вряд ли попортит бумаги Матвеевны даже в неотапливаемой избе.

— Ну-ну! — усмехнулся я в ответ на эти самоуверенные заявления краеведов. — Возможно, лет пятнадцать назад так оно и было бы. Но теперь, в эпоху снегоходов, зима для мародеров стала не помехой. А они к нам не первый год со всей области съезжаются в поисках заброшенных деревень и зимних приключений. Я буду удивлен, если хата Аграфены Матвеевны простоит нетронутой хотя бы до Нового года, а не то что до весны.

— И что вы в таком случае нам предлагаете? — поинтересовались слегка обиженные музейщики. — Вставать на лыжи, братья за лопаты или нанимать собачьи упряжки? А за чей счет, позвольте полюбопытствовать? Вы видели наш бюджет? Да он же курам на смех — на бумагу для принтеров денег в кассе едва хватает!

— У меня у самого есть снегоход, — ответил я. — Могу скататься в Родники на ближайших выходных. А по пути зайцев постреляю, мне путевку в тамошнее охотхозяйство выписали.

— Ой, спасибо, вот здорово! Будем премногим обязаны! — вмиг оттаяли краеведы. — Только давайте-ка мы вам на всякий случай справочку с печатью выпишем, что вы посланы в Родники от нашего имени и по поручению. Понятно, что вряд ли кто-то остановит вас посреди сугробов с проверкой. Но вламываться в чужой дом, даже с благородными намерениями, все же лучше с выдергой и нужным документом в руках, чем с одной лишь выдергой...

* * *

Доехав до Кучанихи, я оставил машину у знакомого фермера, а сам сгрузил с прицепа снегоход, приторочил к нему рюкзак, закинул за спину двустволку и покатил к Родникам. Зимой добираться до них на снегоходе напрямик по полям и перелескам было удобнее, чем по заметенному проселку. И хоть я раньше не охотился в здешних местах, ехать по бездорожью к хутору было нетрудно: все встречные пни, валежник и кочки еще торчали из-под снега, и я отлично видел, куда мне рулить, чтобы не налететь на препятствие.

Я очень надеялся, что не найду вокруг следов других снегоходов — это дало бы надежду, что у покойной Матвеевны не побывали нежелательные гости. И чем ближе я подъезжал к цели, тем крепче становилась моя уверенность в этом. Похоже, я был первым, кто гонял нынешней зимой на снегоходе вокруг Родников. Ни свежих отпечатков гусениц на снегу, ни старых нигде не наблюдалось. Разве что кто-то мог въехать на хутор с другой стороны, хотя и маловероятно — насколько я помнил, там было непроходимое болото. Впрочем, когда я добрался до места, весь мой оптимизм как ветром сдуло. Да, снегоходы по Родникам и впрямь еще не ездили. Но окна в доме бабушки Аграфены были выбиты, а двери выломаны вместе с гнилыми косяками и валялись тут же, во дворе. Вместе

с бутылками из-под водки и обгорелыми обломками мебели, которую мародеры использовали в качестве дров для костра. А это значит, что они побывали здесь до выпадения снега. Похоже, еще тогда, когда старушка доживала свои дни в райцентровской больнице.

При виде этого разгрома я разразился бранью, уже не сомневаясь, что не найду в доме ничего из того, за чем приехал. Но проверить это было все же необходимо — мало ли.

Тут я вновь поймал себя на мысли, что мне боязно заходить в дом, где живет полтергейст. Но, с другой стороны, мародеры порезвились на славу — били стекла, крушили мебель, жгли костер, пьянствовали, и ничто вроде бы их не спугнуло. А как «подпольщик» Матвеевны умел пугать, я отлично помнил. И если бы он взялся за мародеров, они явно не успели бы учинить здесь такой бедлам.

Взяв двустолку в руки и сняв ее на всякий случай с предохранителя, я отправился в дом. Он состоял всего-навсего из кухни и двух комнат, которые я обошел минуты за три. У бабушки Аграфены было немного мебели, и у мародеров хватило сил разломать ее всю в поисках ценностей. Все грамоты, которые погромщикам были не нужны, они сорвали со стены и сожгли во дворе. Как и вытряхнутое из шкафов тряпье. Помятый холодильник с отпечатками пинавших его сапог лежал в кухне на боку — разумеется, пустой. Если у хозяйки и оставалось в нем что-то, оно было съедено во время устроенной мародерами пьянки. В том же костре, вероятно, сгорели и бабушкины фотоальбомы, которых я тоже нигде не обнаружил. Как не обнаружил и иконы. Но их мерзавцы вряд ли уничтожили и почти наверняка забрали с собой.

Еще мародеры явно забрали подаренный старушке на восьмидесятилетие телевизор. И он, надо полагать, стал для них самым ценным трофеем. Вот только странно, что они не засунули его в коробку, раз уж та попалась им на глаза. Коробка из-под телевизора, которую Матвеевна зачем-то сохранила, стояла в сенях, и в ней что-то лежало. Я подошел, дабы проверить, что именно... и с удивлением обнаружил там обложенный тряпками тот самый телевизор. Который, судя по запорошившему коробку снегу, что надуло в сени из выбитой двери, находился здесь уже не первый день. Очевидно, с той поры, как этот дом подвергся разграблению.

— Ну и дела... — пробормотал я. — Неужели эти твари ушли налегке, без добычи? Или, бросив ее, в панике сбежали?

И только сейчас я вспомнил про заколоченный лаз в подполье, который до сих пор не осмотрел. Виной тому был валяющийся на полу холодильник. Когда я заглядывал в кухню, он заслонил от меня расположенную в углу крышку подпола. Но я все-таки про нее не забыл и желал теперь на нее взглянуть.

Мародеры добрались и до подполья. Подняв палас, они не могли не заметить люк, который их заинтересовал. И в обычных подпольях люди, бывало, прятали много чего ценного, а когда вход туда забивают

досками, это тем более неспроста. И доски, что тридцать с лишним лет назад были прибиты на огромные гвозди, не устояли против грабителей с ломami, которые разделались с ними без особого труда. Саму крышку охотники за сокровищами отрывать не стали, просто откинули ее на петлях назад на пол. Ведущая вниз лестница за столь долгий срок превратилась в труху. Но мародеры вышли из положения, сбросив в лаз тот самый кухонный шкафчик, где прежде Матвеевна держала бутылку с самогоном. Теперь, чтобы спуститься в подпол, надо было первым делом сползти на этот шкафчик, а с него — на землю. Что тоже оказалось удобно, беря во внимание глубину подвала — аккурат в мой рост. Зато в ширину подпольная яма оказалась просторной. Ее площадь была ограничена фундаментом дома, и если бы хозяевам не помешал полтергейст, они могли бы соорудить здесь уютный подвальчик. Теперь же в подполе не было ничего интересного. Заглянув в лаз и посветив фонариком, я обнаружил лишь сваленную в углу кучу хлама, состоящую из рваного тряпья, старой обуви, кусков веревок, мятых обломков железа, пары оранжевых строительных касок и... хм, мне и правда не почудилось — аквалангистского ластва!

— Ну и дела! — повторил я. — А эта штука как здесь очутилась?..

Ласт был определенно современным: сложной формы, с ярко-желтыми вставками и логотипами на английском языке. Даже сегодня, когда подобный товар имелся в любом спортивном магазине, дайверское снаряжение на далеком от всех водных курортов хуторе казалось чем-то из ряда вон выходящим. Но еще загадочнее этот ласт выглядел в подполе, который, по словам Матвеевны, не вскрывали аж три десятилетия!

— Эй! Эй, как там тебя... Тарахтун!.. А ну-ка, погреми, если ты меня слышишь! — громко позвал я, решив, что, если полтергейст еще здесь, сейчас ему самое время объявиться. И тогда я с чистой совестью уберусь из этого проклятого места, не забыв, разумеется, прихватить старушечий телевизор. Который и привезу в музей в качестве доказательства того, что я побывал у нее в гостях, но больше ничего тут не обнаружил.

Ответом мне была тишина. Такая же глухая, что встретила меня, когда я переступил порог дома.

— Наверное, ты, дружище, затосковал без бабушкиных песен, вот и покинул навсегда мертвый хутор, — рассудил я вслух. — Ну что ж, это хорошо. Значит, была не была, слажу вниз и разберусь, что за барахло тут припрятано.

Оставив двустовку наверху возле люка, я осторожно, дабы не раздавить ногами шкафчик-подставку, спустился в подпол. Это был самый обычный заброшенный подвал с земляными стенами. Осветив его фонарем, я подошел к куче хлама и разгреб ее ногой. После чего испытал еще большее удивление, потому что остальное барахло при ближайшем рассмотрении оказалось не менее странным, чем ласт. Тряпье было на самом деле остатками дайверского гидрокостюма, а также защитного комбинезона. Второй походил на те, что носят сегодня работники коммунальных

служб, только дорожке и прочнее. Рваная обувь тоже была не из дешевых: альпинистские ботинки и высокие кроссовки на толстой подошве. Веревки являли собой обрывки капроновых тросов — таких, коими пользуются верхолазы или спелеологи. Мягкие и рваные куски металла оказались фрагментами дайверских кислородных баллонов и обломками рюкзачных каркасов. Да и каски были не строительными, скорее верхолазными. А на одной из них имелся разбитый фонарик и надпись, сделанная от руки черной краской: «Бенито».

Осмотрев подписанную каску, я не отбросил ее в сторону, а водрузил себе на голову. Зачем? Пробираясь к куче хлама, я едва не стукнулся об одну из балок, к которой были прибиты половицы. Поэтому идея защитить макушку показалась мне здоровой — не хотелось набить на ней шишку или расцарапать о ржавый гвоздь.

Вторая каска была уже не столь интересной — треснутой пополам и без надписи. Вдобавок ее покрывали бурые пятна, очень похожие... неужто на запекающуюся кровь?.. Догадка насчет крови вынудила меня вновь осмотреть обрывки комбинезонов и ботинки. Помимо пятен обычной грязи точно такие же пятна виднелись и на них. И не только на них! Поводив лучом фонарика туда-сюда, я обнаружил на утоптанной земле не просто пятна, а целые потеки и лужи высохшей бурой жидкости, тоже очень похожей на кровь. А кроме того, пол был исцарапан параллельными бороздами. Такими, какие могли оставить пальцы человека, когда его волокли за ноги, а он этому отчаянно сопротивлялся.

Трудно было сказать насчет бурых пятен, я не криминалист, но борозды выглядели относительно свежими. Примерно так, как выглядят на земле следы от граблей, оставленные недавно. Все они начинались возле лаза, а заканчивались в противоположном от него углу. Который был совершенно пуст. Вроде бы... Или нет, постойте-ка...

Когда я освещал подпол фонариком, то обнаружил в том месте углубление диаметром метра полтора — возможно, при строительстве дома оттуда выбрали немного грунта. А затем ямку, как и остальную землю в подполе, утоптали, но полностью она не исчезла. Дабы осмотреть ее лучше, мне надо было поднять фонарь выше, но этому мешал низкий подвальный потолок. Пришлось подойти к ней совсем близко и только потом изучить ее как следует. Это оказалось не просто углубление и даже не яма, а целая нора, уходящая вертикально вниз. Фонарик у меня хороший, охотничий, светит далеко. Но его направленный в нору свет растворился в темноте, не достав до дна. А еще оттуда исходил запах, на удивление знакомый. Да и какой бы рыбовод — рыбалкой я тоже увлекался — его не узнал: точно так воняют дождевые черви в банке, когда побудут в ней денек-другой. Вот только, чтобы заполнить эту бездонную нору запахом, в ней должны были кишеть сотни тысяч, если не миллионы червей. Тогда как я не замечал на ее стенах ни одного червячка. Даже на той глубине, где им было бы сейчас не холодно.

— Что за чертовщина! — выругался я во мрак.

И мрак мне ответил.

Сначала это были толчки, похожие на сейсмические. Тряска продолжалась секунд десять, и все это время я пытался удержаться на ногах, поскольку земля подо мной ходила ходуном. Пришлось отшагнуть назад и ухватиться за балку, поскольку не хотелось бы сверзиться в нору, если ее край вдруг обвалится. А затем я услышал рокот. Тот же самый, что был здесь два с половиной года назад, запомнившийся мне на всю оставшуюся жизнь...

После я крепко пожалел о том, что не задал стрекача сей же миг. Поэтому что, удрав сразу, я продолжил бы считать «подпольщика» полтергейстом — незримым духом, которого опять потревожил своим визитом. И это было бы менее болезненное воспоминание, нежели то, с которым я сегодня вынужден жить. Но вместо того, чтобы броситься наутек, когда тряска прекратилась, я — проклятое любопытство! — зачем-то снова шагнул к норе и осветил в нее фонарем.

На сей раз луч света не растворился в темноте, а наткнулся на нечто, находящееся от меня всего в десятке метров. Это нечто можно было принять за человеческое лицо, если бы оно не занимало собой в ширину почти всю нору. И вид у него был такой... В общем, представьте себе человека, запаянного в вакуумную упаковку из полупрозрачной пленки. А затем представьте, как при этом будет выглядеть его лицо. И как оно будет двигаться под пленкой, пока тот человек не задохнется и не умрет. Что-то похожее, только величиной с колесо грузовика, тарасилось на меня выпуклыми глазами-бельмами из глубины, открывая и закрывая огромный рот, словно выброшенная на берег рыбина, и издавая громкие рокочущие звуки.

От неожиданности и страха я даже подпрыгнул, ударившись каской о балку и выронив фонарь, который, кувыркаясь, полетел в нору и упал прямо на этот бледный лик, но не пролетел через него насквозь, а отскочил куда-то вбок, чем подтвердил то, что в норе находится не бес-телесный призрак, а материальное существо. И удар фонарем по морде его очень разозлил! Зарокотав еще громче, оно тут же рванулось вверх. Да так стремительно, будто сзади его подталкивала струя гейзера.

Земля вновь затряслась, только я уже не обращал на это внимания, со всех ног удирая к лазу и успевая заметить боковым зрением, как над норой извивается что-то белое, длинное и очень гибкое. Я бежал почти без оглядки, но, выскакывая из подпола, волей-неволей бросил мимолетный взгляд назад. И с содроганием увидел, что эта червеобразная тварь продолжает быстро выползать из норы и свиваться в кольца, подобно выдавливаемой из тюбика зубной пасте. Разве что паста после этого уже не двигается, а бледный червь с наполовину человеческим лицом, напротив, стал метаться из стороны в сторону и хватать огромной пастью воздух. И было очевидно, кого он пытался изловить.

Само собой, про телевизор я даже не вспомнил — хоть не забыл подхватить с пола ружье, и то хорошо! Хорошо и то, что снегоход не подвел, завелся с полоборота и помчал меня прочь, стоило лишь врубить передачу и поддать газу. Не думаю, что кто-то мог бы заставить меня оглянуться, даже приставь он мне к голове ружейный ствол. И все же, поглядывая краем глаза в зеркало заднего вида, я засвидетельствовал последние мгновения жизни дома Аграфены Матвеевны. Видимо, вконец озверевший Тарахтун разнес ему фундамент, потому что едва я развернул снегоход и вернулся на свой след, как стены дома обрушились. Сложившись внутрь, они оказались завалены упавшей сверху крышей и превратились в курган из обломков. Впрочем, и его я видел совсем недолго, так как он сразу же утонул в густом облаке разлетевшейся вокруг пыли...

* * *

Бенито — под таким прозвищем был когда-то известен в Новосибирской области заядлый спелеолог-любитель по имени Семён Бенитонов. «Был» — потому что пять лет назад он пропал без вести на пару со своим другом, когда они отправились исследовать затопленные южные коридоры Изылинской пещеры.

Об этом я узнал из Интернета. А спустя месяц после моей декабрьской экспедиции в Родники я связался с одним из друзей Бенитонова, тоже спелеологом, Суреном Химоняном, живущим в Новосибирске. И вскоре навестил его, дабы передать ему каску Бенито — единственное, что я спас тогда из разрушенного дома Аграфены Матвеевны.

Сурен каску узнал. И долго не мог поверить, где я ее обнаружил.

— Кучаниха... хм... — Он посмотрел на висящую в его кабинете большую и покрытую карандашными отметками карту области. — Да, теоретически возможно, что южные коридоры Изылинки простираются на такое расстояние. И что в них есть щели, ведущие на поверхность. Но, сами понимаете, поверить в это трудновато. Хотя... прежде чем ту часть пещеры затопило прорвавшееся туда подземное море, ее успели исследовать процентов на тридцать, если не меньше. А после гибели Бенито, Кайзера и еще парочки сорвиголов туда никто не суется. Слишком опасно. Сегодня, чтобы добраться до оставшихся незатопленными южных коридоров, надо проплыть под водой неизвестно какое расстояние. Но что немалое — это точно. Однако все, кто рискнул туда сунуться, сгнули бесследно.

— И что же их убило? — спросил я.

Разумеется, ни о каком монстре из Родников я Химоняну не рассказывал. Он знал лишь то, что я нашел вмерзшую в лед каску на пруду близ Кучанихи, когда занимался подледной ловлей. Легенда была не ахти, но я отталкивался от факта, что Бенито утонул в подземном море. А это не исключало того, что его вещички могли всплыть на поверхность любого водоема в окрестностях Изылинской пещеры.

Наши музейщики, разумеется, выслушали от меня другую историю. Им я поведал о том, что к моему приезду дом Матвеевны был полностью разрушен по неведомой мне причине. Ну а копаться в завалах я уже не стал за неимением у меня нужных инструментов.

— Что убило? — переспросил Сурен. — Трудно сказать наверняка... Большинство наших ребят склоняются к версии о подводных течениях, которые там сегодня возникают. Подмытые водой, некогда сухие коридоры очень часто обрушиваются, отчего в них возникает эффект поршня. В сифонах образуется настолько мощное давление, что аквалангист попросту не в силах справиться с бешеным напором воды. И она либо швыряет его на камни, либо затягивает в такие глубокие и узкие щели, откуда ему при всем старании не выплыть.

— А могут в тех коридорах водиться какие-нибудь водоплавающие пещерные хищники? — как бы невзначай полюбопытствовал я. — Крупные змеи, ящеры, рыбы? Такие, что способны нападать на людей...

— Это вы, Василий Кузьмич, диггерских баек о подземных монстрах в Интернете начитались! — рассмеялся Химонян. — Я тоже частенько на такие страшилки в Сети натываюсь. Только заявляю вам со всей ответственностью: все это полная ерунда. Под землей и без монстров хватает опасностей, способных убить человека и в мгновение ока, и так, что он будет долго умирать в жутких муках. Да взять все те же сифонные течения, о которых я вам говорил. Зачем далеко ходить: буквально неделю назад в Изылинской пещере опять мертвеца нашли — всплыл в одной из каверн. Беднягу так потоком о камни ободрало, что у него даже лица не осталось, но не в этом дело. Самое интересное, что он вообще не из наших. Возможно, скрывающийся преступник или беглый зэк, если судить по золотым фиксажам во рту и сохранившимся на теле тюремным наколкам. Вот только как он без специального снаряжения и опыта оказался в той части пещеры, куда даже я не пошел бы налегке, большой вопрос. И еще любопытный момент: в карманах в обрывках его одежды были иконы. Три штуки, кажется. Знаете, такие иконы, что у многих старичков в иконостасах стоят — небольшие, потемневшие от времени, но порой имеющие антикварную ценность. Где этот тип мог найти их под землей? Или же он прихватил иконы с собой в пещеру, чтобы они его там, во мраке, от нечистой силы оберегали?.. И это, заметьте, уже не придуманная, а реальная история, о которой вроде бы в газетах писали.

— Не читал, но охотно верю, — кивнул я, догадываясь, кем мог быть этот странный тип и с чьей помощью он угодил в Изылинку. — Вы абсолютно правы, Сурен Акопович: жизнь и правда иногда подкидывает нам такие чудеса, которые, даже если сильно захочешь, сам не выдумаешь.

А про себя подумал, что лучше бы я и впрямь все это нафантазировал. Потому что воспоминания о реальных кошмарах — это тот тяжкий балласт, который, в отличие от фантазий, при всем старании уже никогда не выбросишь из своей памяти...

Алексей ГРАВИЦКИЙ

ЖИВАЯ МУЗЫКА

Р а с с к а з

*Но, стреляя друг в друга,
Я прошу не попасть в пианиста.
Их так мало осталось
На этом мятежном веку...*

А. Макаревич

Саша молча стоял, опершись на край инструмента, и с интересом смотрел на молодого человека, что сидел за фортепьяно. Парень играл настолько самозабвенно, что прикрыл глаза. Пальцы его то бешено носились по клавишам, то парили, словно вальсируя, *вытанцовывая* из инструмента мелодии Грига и Брамса. Молодой человек чередовал великих композиторов, но от творчества этих двоих не отходил. Не то нравились они ему больше, не то знал их лучше.

Обязательная программа, усмехнулся про себя Саша. Хотя работает неплохо. Не только техника у парня на высоте, но и варьировать умеет, вносит в музыку что-то свое.

Слегка постукивая ладонью по крышке, он рассматривал парня. Одет простенько, скромненько. Значит, пока без запросов. На вид лет двадцать с небольшим. Если верхнее образование и получил, то только-только. Молодой, упертый, свято верящий в то, что музыка спасет мир, а ему лично принесет славы или денег... Хотя нет, за деньгами он вряд ли гонится. Скорее жаждет благодетельствовать весь мир и почить на лаврах.

Тонкие музыкальные, но необыкновенно сильные пальцы пианиста буквально сдернули последние аккорды. Звук метнулся к потолку и рухнул вниз. Вслед за ним на комнату опустилась тишина.

— Достаточно, — кивнул пианисту Саша.

Парень оторвался от инструмента, на него поглядел с робостью, перерастающей в испуг. Будто его, словно рыбу из воды, выдернули из родной стихии и швырнули на берег. Саша мысленно усмехнулся, утверждаясь в своих предположениях.

— Вы... э-э...

— Игорь, — поспешно подсказал молодой человек.

— Вы, Игорь, представляете, насколько моя музыка отличается от того, что вы сейчас исполняли?

Пианист мотнул головой как-то неуверенно, по диагонали. Понять, утвердительный это кивок или отрицательный, было невозможно.

— Я готов экспериментировать, — растерянно промямлил он.

— Верю.

Саша прошел по комнате, подхватил пачку бумаги. Зашелестели перепорачиваемые страницы. Парень бросал на него робкие, полные любопытства взгляды. Удовлетворяя неозвученное любопытство, Саша выудил из пачки несколько страниц, поставил на попиптр.

— Что это? — спросил пианист, окинув беглым взглядом незнакомые ноты, прикрывшие привычных классиков.

— Моя музыка. Если она станет твоей, считай себя пианистом группы.

— Вы хотите, чтобы я это сыграл?

Ответа не последовало.

Парень вскинул руку. Растерянность, что переполняла его только что, при общении с Сашей, исчезла, словно ее и не было никогда. Пальцы уверенно опустили на клавиши. Комната наполнилась музыкой. Звуки, что лились теперь из недр инструмента, казалось, были способны напугать, довести до сумасшествия. Но тем не менее притягивали, зачаровывали, не отпускали, как звуки флейты факира приковывают внимание змеи.

Саша сам залюбовался тем, как звучали написанные им ноты. Музыка открывалась с новой, неизвестной стороны. Решение было принято до того, как паренек перелистнул страницу.

— Репетиция завтра в десять.

— Вы принимаете меня?

— Если тебя устраивают условия.

— А условия?..

— Финансовую сторону обсудишь с нашим продюсером, — улыбнулся Саша. — Если тебя все устроит, завтра в десять жду здесь.

* * *

Домой ввалился счастливый. Танюшка, что встречала в дверях, невольно заулыбалась:

— Что с тобой?

— А что? — вопросом ответил Игорь.

— У тебя лицо светится. Я тебя таким давным-давно не видела.

Игорь обнял, поцеловал. Танюшка охотно отозвалась на ласки. После затянувшегося поцелуя чуть отстранилась.

— Что с тобой? — спросила смеясь.

— Здравствуй, — невпопад ответил он.

— Здравствуй... И все-таки?

— Я нашел работу.

В глазах Танюшки вспыхнула радость.

— Стоишь крепко? — с гордостью спросил Игорь. Не дожидаясь ответа, припечатал: — Меня пригласил к себе в группу сам Саша Ульянов!

* * *

Комната была просторной и на удивление светлой. Казалось, сами стены, выкрашенные в белый цвет, непонятным образом лучатся светом. Люди, которые ждали здесь, были знакомы по обложкам альбомов и афишам, что расклеивались перед очередным концертом по всему городу.

Две девушки: одна — рыжая, с огромными зелеными глазами, вторая — с отливающими синевой черными волосами и ледяным холодом во взгляде. Роднили их только утонченные черты и удивительная бледность. Казалось, будто они всю зиму не выходили из дому и теперь, когда сошел снег и солнце стало не только светить, но и греть, решили не нарушать традиции. В стороне от них сидел толстенький лысеющий виолончелист. Округлое лицо его, казавшееся на фотографиях добродушным, сейчас выглядело крайне недовольным. За их спинами маячил тощий парень с длинными невымытыми волосами и беспокойно бегающими глазами — басист.

Саша панибратски хлопнул пианиста по плечу, приглашающе подтолкнул вперед.

— Это... э-э...

— Игорь, — тихо подсказал парень смущаясь.

— ...наш новый пианист, — продолжил Саша как ни в чем не бывало. — Его зовут Игорь. Прошу любить и жаловать.

— До какой степени его можно любить? — жеманно поинтересовалась черноволосая девушка, и ее холодный взгляд вспыхнул задорными искрами. От этого фонтана задора виолончелист стал еще более угрюмым.

— Дмитрий, — резко представился он.

— Влад, — в тон ему отозвался басист.

— Игорь, — пробормотал пианист. — Очень приятно.

— Я Настя, а это — Кира, — кивнула рыжая на вторую девушку. — Расчет окончен. Вольно. Покурить, оправиться.

— Никаких перекуров, — улыбнулся Саша. — Сначала работаем, курим потом. Я думаю, сперва надо показать, что мы делаем, а после... э-э... Игорь включится в работу. Да, нет?.. Тогда поехали.

* * *

На концерте эта музыка выглядела несколько иначе. Сейчас, специально для Игоря, ее разложили на партии и каждый инструмент звучал отдельно. По частям это было и впрямь необычно. Еще более необычно, чем в законченном виде.

Скрипки не пели, скорее издавали какой-то скрип ссохшегося дерева. Гулко ухал бас. От звука виолончели веяло кладбищенским холодом. Игорь сперва слушал внимательно, потом взгляд его стал рассеянным.

Пианист зябко повел плечами. Не заметил, как инструменты заиграли тему вместе, с самого начала. Музыка стала более складной, поверх мелодии лег глубокий и приятный баритон Саши.

Игорь вздрогнул, приходя в себя. Дослушал мелодию уже внимательно. Саша вывел последний куплет, затем подождал, пока мелодия сойдет на нет, и поглядел на Игоря.

— Это новая композиция, — пояснил он. — Что скажешь?

Игорь помялся:

— Интересно, но мертво.

— Что значит — мертво?! — вскинулся Влад, отставляя бас в сторону.

Саша одним движением руки заставил басиста замолчать. Подхватил пачку листов, протянул Игорю:

— Твоя партия. Что сможешь сделать?

Игорь принял листы, всмотрелся в ноты. Медленно, не отрываясь от листа, шагнул к инструменту.

Крышка откинулась с легким стуком. Ноты легли на пюпитр. Пальцы сами нащупали нужные клавиши. Мелодия полилась сперва боязливо, потом все увереннее, наполняя комнату. Тема была та же, но музыка выходила другой. Яркой, теплой, полной жизни.

— Вот примерно так, — закончил Игорь.

— С остальными сможешь? — Саша хитро поглядел на пианиста. — Да, нет? Тогда поехали.

* * *

— Хорошо играет. — Влад запикивал бас в чехол, гитара не слушалась, и басист злился. — Но он другой.

— Другой? — Настя удивленно вскинула бровь.

— Не *наш*, — поправился басист. — Он живой, и музыка у него другая.

— Музыка у него замечательная, — прервал длинноволосого Саша. — Этот Игорь — находка, то, что нам надо.

Влад нервно отбросил чехол и поставил гитару к стене. Подошел Дима. Виолончель его легла в футляр безо всяких напрягов, хотя по всему было видно, что он разделяет недовольство Влада.

— Слушай, Ульянов, зачем тебе лишние геморрой? Опять нерво-трепка, опять куча проблем. Давай я его тяпну, и...

— И что? — Взгляд Саши стал холодным.

— И будет тебе *свой* пианист, — пожал плечами толстяк.

— У меня и так есть свой пианист. Прекрасный пианист, который делает то, что ни один из вас сделать не сможет.

— Что же это? — ревниво вскинулся Влад.

— Живую музыку. — Саша в упор посмотрел на басиста.

Тот отвел взгляд, пробормотал тихо, но отчетливо:

— Музыка вся одинаковая... Это люди бывают живыми, мертвыми и...

— Ошибаешься, — перебил Саша. — Музыка бывает разной. Мертвые не могут играть живую музыку. А абсолютно мертвая музыка никому не нужна. Живым — не нужна...

Игоря он догнал у перекрестка. Пианист стоял у ларька, покупал сигареты.

— Курить вредно, — улыбнулся Ульянов еще издали.

Игорь повернулся. Саша подошел ближе:

— Ты не обидишься, если я тебя пивом угощу?

Пианист пожал плечами. Саша сунулся в окошко чуть ли не по пояс, даже на мысочки приподнялся. Уже через секунду вынырнул обратно с двумя откупоренными бутылками «Францискайнера». Одну протянул Игорю.

— Держи! Ну как ощущения? Понравилось? Да, нет?

Игорь снова повел плечами:

— Мне кажется, я не понравился вашей группе.

— Неважно, — отмахнулся Саша. — Им просто надо привыкнуть. Главное, чтобы тебе нравилась работа. Пей.

Игорь пригубил. Пиво было холодным и на удивление приятным, хотя он никогда не думал, что бутылочное пиво может быть хорошим.

— Работа нравится.

— Ну вот и хорошо! — снова заулыбался Саша. — А остальное — неважно. Со временем привыкнут. Новые люди в группе — это всегда непросто.

Игорь сделал второй глоток, более уверенный. Выдохнул со вкусом, поглядел на Ульянова:

— А прошлый пианист... его что-то не устроило? Почему вы разошлись?

Саша быстро, оценивающе глянул на новичка. В глазах его метнулась гамма чувств, словно бы спешно соображал, что стоит рассказывать Игорю, а о чем лучше умолчать.

— Он ушел. Совсем. Навсегда покинул этот мир.

— Умер?

— Нет, — мотнул головой Ульянов. — В больницу попал. В психиатрическую.

* * *

Пальцы бегали по клавишам автоматически. Игорь прикрыл глаза, сливаясь с инструментом, рождая музыку. Баховскую «Шутку» он мог сыграть не только если бы его разбудили среди ночи, но даже если бы будить не стали. Танюшка очень любила эту вещь. Она всегда садилась

возле инструмента или вставала рядом, опираясь на черный бок фортепьяно. И слушала, слушала...

Игорь открыл глаза. Рядом с инструментом сидела Кира и с отстраненным видом изучала собственные ногти. За ее спиной у окна стоял виолончелист Дима. Влад нервно мерил комнату шагами.

— Хватит уже тренькать, — накинулся он на Игоря.

Музыка оборвалась. Игорь повернулся к басисту:

— Может быть, начнем без него?

— Без Саши здесь ничего не происходит, — усмехнулась Настя.

Дима оторвал от окна задумчивый взгляд, поглядел через плечо:

— Мальчик прав: завтра концерт, надо репетировать.

Влад нервно запустил пальцы в немытые волосы, растрепав их окончательно. Снова принялся метаться туда-обратно.

— Да успокойтесь вы, — подала голос Кира, не отвлекаясь от ногтей. — Придет сейчас ваш Ульянов.

— А то ты Ульянова не знаешь?! — взвился Влад. — Он как на час опоздал, так может и на три...

— Поэтому давайте начнем без него, — спокойно предложил Игорь.

— Ты, умник... — Голос басиста истончился и звенел, как перетянутая струна. — Ты не много себе позволяешь?!

Игорь пожал плечами и повернулся к инструменту. Спорить не хотелось. Где ж там Ульянов ходит, в самом деле?..

Пальцы легли на клавиши. Звуки Баха ринулись к потолку.

— Перестань тренькать! — истерично взвизгнул Влад.

Что-то сильно сжало плечо. Игорь замер. Руки распускать никому не дозволено. Главное — успеть ударить первым. Пианист выдохнул, готовясь двинуть патлатому с разворота, но сделать ничего не успел.

— Убери руки, Владик... — Голос прозвучал тихо, но с угрозой.

Игорь повернулся: в дверях стоял Саша. Хватка на плече ослабла.

— Убери руки... или я тебе их переломаю, — едва слышно повторил Ульянов.

Пальцы на плече перестали давить, став едва ощутимыми. Рука дрогнула, потом ощущение чужого присутствия пропало вовсе. Игорь повернул голову. Басист с видом побитой собаки сидел в дальнем углу.

Ульянов прикрыл дверь, улыбнулся:

— Так лучше. Работаем? Да, нет? Тогда поехали.

* * *

У Танюшки удивительно легкие шаги. Но он научился слышать, как она подходит. Или чувствовать? Игорь открыл глаза. Танюшка в самом деле стояла рядом с диваном и смотрела на него своими огромными карими глазами.

— Что с тобой?

— Устал... — тихо прошептал Игорь.

Она села на край дивана рядом, нежно провела рукой по щеке.

— Голова болит, — пожаловался Игорь.

— Хочешь таблетку?

— Нет.

Он снова закрыл глаза. Заговорил тихо — и сам поразился, насколько уставшим прозвучал его голос.

— Я хочу заниматься музыкой, а вместо этого... какие-то сплошные дразги, свары. Сегодня чуть с басистом до драки не дошло.

— Это нормально. — Танюшка погладила по волосам. Пальцы взъе- рошили волосы. Теплые, нежные пальцы. Захотелось податься вперед, прижаться к ее ладони. — У тебя завтра первое выступление, ты новичок. Вы притираетесь. Люди же должны привыкнуть друг к другу. Успокойся. Завтра отработаете и станете ближе.

Игорь сел на диване, обнял ее:

— Ты придешь?

— Приду, — улыбнулась она. — Обязательно приду.

* * *

В комнате было темно и тихо. Но оставшимся здесь музыкантам не нужен был свет: трое прекрасно видели в темноте. И слышали. Хотя шаги мечущегося из угла в угол Влада услышал бы кто угодно.

— Я не стану этого больше терпеть! — Голос басиста звучал напряженно и нервозно. — Что он себе позволяет? И потом... этот подход... Что он может такого, чего не могу я?

— Твои предложения? — Дима, как всегда, был спокоен.

— Ты и сам прекрасно знаешь.

Шаги замерли. Влад испытующе таращился сквозь темноту на Диму.

— Знаю, — кивнул тот, выдержав паузу.

— Ну и?.. Вы против?

— Я — за. — Глаза Киры влажно блеснули в темноте.

— Я — за, — кивнул Дима. — Кто это сделает?

— Если вы не против, это сделаю я.

В комнате без окон с выключенным освещением стояла крошечная тьма, но сквозь эту тьму Дима отчетливо увидел, как поднялась со стула девушка, как заблестели желанием ее глаза.

— Нет... — прошептал Дима. Или только хотел прошептать.

— Согласен, — неожиданно радостно выпалил Влад. — Значит, завтра, после концерта...

— С особым удовольствием, — жеманно закончила Кира.

Влад истерично хохотнул и вышел. Кира двинулась было следом. Дима почувствовал, как что-то больно сжалось в том месте, где у людей находится сердце.

— Стой!

Кира замерла у двери:

— Что тебе?

— Я против этого. — Дима сидел не двигаясь. Могло показаться, что он спит с открытыми глазами. — Я не хочу делить тебя еще и с этим мальчишкой.

Девушка запрокинула голову и звонко, обидно рассмеялась:

— А ты меня ни с кем и не делишь! Между нами вообще ничего нет.

— Но ведь было... — едва слышно произнес он.

— Считай, что не было, — пожала плечами она.

Ярость накатила непроницаемой слепящей волной. В голове стало жарко. Настолько жарко, что снова почувствовал себя почти как тогда, когда еще был человеком.

— Шлюха!

Ярость выплеснулась одним словом, не оставив внутри ничего, кроме опустошенности. Тут же захотелось извиниться, просить прощения, умолять, объяснить, что сказал не подумав, но он сдержался. Кира вздрогнула, словно от пощечины, подобралась резко, готовая в любой момент ответить на выпад выпадом. Потом плечи ее чуть расслабились, казалось, обида стекла с нее, как снежный пласт с теплой весенней крыши.

— Пошел к черту. — Голос девушки прозвучал с такой брезгливой жалостью, что, услышь кто, непременно поморщился бы.

Приоткрывшаяся дверь разрежала темноту прямоугольником света, закрылась с резким хлопком. Дима молча закрыл глаза.

— И пошел бы, только не пустят, — пробормотал ни для кого.

* * *

Собаки! Собачья свора. Скорпионы в банке излучают больше любви, чем эти... Саша зло зыркнул на стукача. Дима поежился под его взглядом.

На доклад пришел, стоит, доносит... Сам, небось, первым и предложил этот мелкий заговор, а потом пошло чего-то не так, и теперь мстит, тем и хочет передо мной беленьким выйти. Бедный мой пианистик, как бы тебя сохранить, уберечь от этого болота...

— И?.. — поторопил Ульянов.

— Завтра они его иницируют. — Толстяк потупился, устремив взгляд в пол.

— Завтра никто никого не... — Саша оборвал себя на полуслове.

Виолончелист стоял и ежился, словно трехлетка, обгадившийся в штаны и боящийся в этом сознаться. От нового сравнения стало еще противнее. Да, именно так. Это с остальными Дима всегда спокоен и уверен в себе, а с ним он всегда ежится. Всегда. Так было, есть и...

— Слушай, а зачем вы мне нужны? — спросил он у толстяка вдруг, сам того не ожидая.

— То есть?.. — Виолончелист заморгал часто-часто, уставился было на него, но споткнулся о пронзительный ульяновский взгляд и снова уткнулся в пол, промямлил: — Мы группа, мы музыку...

— Это он музыку играет! — Саша медленно поднялся с кресла. — Понимаешь?! Он играет музыку. А вы, скоты, интрижки играете! Мелкие, смешные, детские интрижки!

Голос Ульянова сорвался на крик, столь мощный, что задрожали стекла в окне. Дима съежился, сдулся, словно воздушный шарик.

— Я только одного не понимаю... — холодным, ровным голосом закончил Саша. — Не могу понять. У него жизнь — мгновение. И он тратит ее на вечное. Вы живете практически вечно и занимаетесь какими-то мелкими, сиюминутными дрызгами. Пшел вон отсюда! Понял? Да, нет?..

* * *

Саша пел мягко, но тоскливо. С такой мягкой тоской подвывает зимой в печной трубе. Поскрипывали виолончель и скрипки, словно старый паркет, по которому прошли в мягких тапочках к очагу.

Ульяновская четверка выкладывалась на совесть. Но эту музыку он слышал отдельно, отстраненно, словно она играла где-то в другом месте. Игорь работал сейчас сам. На зал, для зала. С самого начала решил, что будет вести, а не подстраиваться. Ульянов не единожды дал понять, что эта вещь — для фортепьяно. Значит, звучать должен он. Он, а не они! А вчерашние дрызги... Да шут с ними, вот сейчас он плеснет масла в огонь и посмотрит, как будет биться в истерике Владик, как будет молча скрежетать зубами Дима... Нашел мальчика!

Ульянов отступил на шаг от затихшего зала, взял паузу. Куплет, куплет, проигрыш... Нет, это не проигрыш, это выигрыш. Его выигрыш. И пусть они создают атмосферу старого уютного дома. Музыка в этом доме будет играть только его.

Куплет. Теперь главное — не перебивать Ульянова. Его время. Тише, ненавязчивее... Саша взял последнюю фразу и снова чуть отступил. Делать финал будет не он. Игорь почувствовал, как что-то вырывается изнутри, сплавляет пальцы с инструментом, превращая их в единое целое, вырывается наружу звуком. Одобрительного взгляда Саши он не видел.

Звук повис над залом, словно балансирующий на проволоке канатоходец, покачулся и легко упал вниз, растворившись в тишине. И тогда эту тишину разорвал гром аплодисментов.

* * *

Радость и гордость, ощущение того, что он что-то может и что-то значит в этом мире... Игоря буквально распирало. Помимо запланированной программы их трижды вызывали на бис.

Сперва он не видел ничего вокруг. Потом, когда возникло это удивительное ощущение легкости, будто он вот сейчас может оторваться от земли, как когда-то во сне в детстве, он увидел Танюшку. И дальше, глядя в зал, он смотрел на нее. Сейчас ему надо было туда, в зал. Надо поделиться этим чувством, надо...

Воспользовавшись случаем, Игорь юркнул за кулисы, пытаясь найти выход. Здесь было сумрачно и прохладно. Воздух пах чем-то химическим. Странная смесь хлора, нафталина и дыма, который запускают по сцене. Засвербило в носу. Игорь не удержался и чихнул.

— Будь здоров.

От неожиданности он вздрогнул, резко обернулся. Со стороны сцены к нему шла Кира. В ледяных глазах черноволосой скрипачки полыхало пламя, если лед вообще может полыхать.

— Спасибо, — кивнул Игорь. — А где выход, ты не помнишь?

Она не ответила. С грацией пантеры, мягко, вальяжно подошла к нему:

— Ты прекрасно работал.

Кира приблизилась настолько, что Игорь чувствовал ее прохладное дыхание.

— Спасибо.

Он попытался отстраниться, но скрипачка властно обвила его руками, прильнула. Игорь не успел сообразить или сделать хоть что-то, как губы обожгло холодом.

«Какой холодный поцелуй», — метнулось в голове.

— Нравится? — Кира улыбнулась, обнажив белоснежные зубы.

Клыки ее, кажется, чуть заострились, стали мощнее. Или Игорь просто раньше не обращал на зубы холодной красавицы внимания... «А там Танюшка», — мелькнуло где-то внутри и тут же вяло отошло на второй план.

Губы снова обожгло ледяным поцелуем.

— Нравится... — прошептала Кира. — Всем нравится, я знаю.

Надо идти... там... Игорь попытался повернуться, но скрипачка обвивала его так страстно, так... нет, не горячо — холодно. Но была в этом какая-то непостижимая магия, какое-то волшебство. Что-то, что приковывало его к ней, не давало отойти. Куда идти?.. Танюшка...

Игорь поднял глаза. Где-то там, в сумрачном, пахнущем хлором коридоре стояла Танюшка. Стояла и смотрела на него. На них. В глазах ее застыли слезы. Странно, он никогда не видел, как она плачет... Ей надо объяснить... Что — объяснить?..

Он хотел что-то сказать, даже потянул к ней руку, открыл было рот, но почувствовал касание губ и языка на шее. Вместо слов у него вырвался полустон.

Танюшка резко повернулась и пошла прочь.

Надо догнать... Или не надо... Губы... язык... холодно...

— Отойди от него сейчас же!

Голос прозвучал резко. Кира отшатнулась. В голове стало проясняться. Туман перед глазами рассеялся. Игорь тряхнул головой. В нескольких шагах от них стоял Ульянов и зло смотрел на скрипачку. Кира стояла рядом с ним. Рот девушки был полуоткрыт, оттуда выглядывали непомерно большие клыки. Взгляд скрипачки был пустым, словно ее в самый ответственный момент сдернули с любовника.

Игорь вздрогнул:

— Что это?

Скрипачка выглядела пугающе, особенно клыки и пустой взгляд. Игорь отшатнулся. Кира зашипела, словно разъяренная змея, которой наступили на хвост.

— Пошла прочь! — Голос Ульянова был тверд, хоть в нем и слышалось раздражение.

Кира пошатнулась. В фигуре ее что-то переломилось, будто выдернули стержень. Девушка медленно пошла по коридору.

— Она... она...

Игорь судорожно провел ладонью по шее. Реальность, казалось, дрогнула, изменив все представления о себе.

Саша подошел ближе.

— Она вампир, — тихо произнес он. — Они все такие.

Все!.. Игорь отшатнулся. Саша растекся в улыбке, достойной чеширского кота.

— А-а...

— И я тоже, — кивнул Ульянов.

«Не может быть! — забилась паническая мысль. — Нет... Бежать... Танюшка... Господи, она... что она подумала...»

Игорь дернулся в сторону.

— Стоять!

Голос вампира был тих, но настолько властен, что заставил остановиться.

— Я ухожу, — тихо произнес Игорь.

— Отсюда?

— Из группы! Совсем.

Игорь снова повернулся к выходу.

— Стоять! — все так же тихо повторил Ульянов.

Пианист замер.

— Повернись! — В голосе Саши добавилось шипящих звуков. — Посмотри на меня.

Ноги перестали повиноваться. Он медленно обернулся. Не смотреть в глаза. Только не смотреть ему в глаза. Глаза у Саши были похожи на два черных омота, в которых утонула вечность.

— Ты хочешь стать таким, как они? — прошелестел он одними губами.

Игорь вздрогнул. От одной мысли о подобной перспективе бросило в озноб. Захотелось бежать, но ноги по-прежнему не слушались.

— Вижу, что не хочешь, — произнес Ульянов. — Тогда слушай. Я спас тебя сегодня. Ведь так? Если ты уйдешь, тебя никто не спасет. Понимаешь? Ты в безопасности, пока рядом я. А я рядом, пока ты в группе. Понял меня? Да, нет?

Игорь кивнул. Ноги подкосились, и он сел прямо на пол. Танюшка!.. Как ей объяснить?

— Танюшка...

— Забудь, ее больше не существует для тебя.

Игорь поднял голову, безумно покосился на Ульянова и подскочил на ноги, словно только что не пережил нескольких серьезных потрясений. Молча метнулся к выходу.

— Стой.

На этот раз Игорь не остановился. Ульянов догнал в конце коридора, схватил за плечо:

— Стой, я тебя отвезу.

Татьяна сидела на кухне и плакала. Никогда не плакала, а сейчас... В дверь позвонили. Таня посмотрела на длинный и пустой коридор. Не открывать. Так и сидеть на кухне и смотреть. Смотреть на этот длинный и пустой коридор. Вся ее жизнь теперь — длинный и пустой коридор.

Снова позвонили. Хватит о коридорах. Таня вскрикнула и встала с табуретки. По дороге споткнулась о выпавшую паркетину. Звонок затрещал в третий раз. Пальцы дрожали, замок не слушался и открылся не сразу. На пороге стоял он.

— Танюш, почему ты не открывала?

Она отступила в сторону.

— Проходи, собирай вещи и исчезни, — произнесла твердо, даже сама испугалась собственной твердости.

— Я объясню, — заторопился он. — Я все объясню. Она — вампир, понимаешь?

Внутри дрогнуло что-то, больно сжалось. Снова захотелось заплакать. Прямо сейчас. Таня попыталась рассмеяться, но смех вышел натянутым и хриплым.

— Придумал бы что-нибудь поправдоподобнее. Зеленых человечков с Марса, например.

— Танюш, я не придумываю, я...

Его голос расплылся, как расплавленный асфальт, слова слились в звенящий гул. Сейчас она заплачет, а плакать нельзя.

— Проходи, собирай вещи и исчезни! — твердо повторила она. — Навсегда.

* * *

Ульянов стоял, прислонившись спиной к двери машины, и курил. Игорь появился спустя полчаса, растерянный, и прошел бы мимо, если б Саша не окликнул. Сейчас он смотрел на Ульянова совершенно потерянным взглядом.

— Отпусти меня... — тихо попросил пианист.

— Ты забыл, что я говорил тебе?

— Мне все равно.

— А мне — нет, — покачал головой Саша. — Мне нужна твоя музыка.

Игорь молча развернулся и пошел прочь.

— Она никому не нужна, — тихо произнес он, не оборачиваясь.

Ульянов не ответил. Он молча курил, глядя в удаляющуюся спину. Сволочи! Свора. Банка с гадуками. Если бы не они, все могло быть иначе. Сволочи! Вечные тупые ублюдки, не желающие делать что-то, творить что-то. Не желающие думать ни о чем, кроме своих мелких страстишек...

Саша зло отшвырнул окурок. Игоря он догнал быстро. Тот еле передвигал ноги и не успел далеко уйти.

— Мне нужна твоя музыка, — заговорил он на ходу. — Понимаешь? Мне нужна, людям нужна. Твоя живая музыка. Они мертвые, они не умеют так играть. Понимаешь?

Саша схватил его за руку.

— Оставьте меня! — Игорь отдернул руку.

— Тогда я превращу твою жизнь в кошмар, — угрожающе зашипел вампир. — И единственный шанс жить у тебя будет только тогда, когда ты будешь играть у меня. Понял?

Пианист остановился, повернулся, поглядел в глаза. На какое-то мгновение ему даже показалось, что человеку удалось невозможное — заглянуть внутрь. Взгляд Игоря налился ненавистью:

— Хорошо, я останусь в группе. Ты сам меня оттуда выгонишь.

— Посмотрим. — Вампир растекся в победной ухмылке. — Да, нет? Тогда поехали.

— Не надо, я пешком.

Игорь резко развернулся и пошел прочь не разбирая дороги.

* * *

Идею он вынашивал всю неделю, пока шли репетиции. Вампиры смотрели на него косо. Практически не разговаривали. Впрочем, это Игоря не трогало вовсе. Единственная цель, с которой он приходил сюда, — это сделать что-то такое, чтобы Ульянов вышвырнул его. Именно в Ульянове он видел виновника всех несчастий. Ненависть копилась, бурлила внутри, подгоняла.

Он уже знал, как это будет...

Пронесенного на сцену молотка никто не заметил. Игорь положил его на крышку фортепьяно и привалил сверху нотами. Мысль о молотке сливалась и переплеталась с музыкой, играл он сейчас скорее автоматически, но что-то, какой-то душевный настрой передавался залу. А может, это тяжесть молотка на крышке пианино изменяла звук инструмента.

Зал притих. Скрипки, виолончель, голос Ульянова... Общую напевность нарушал только всегда нервный бас и злое фортепьяно. Из-за этого лирическая песня звучала тихо и устрашающе. Так тихо и грозно выглядит небо перед бурей.

Первая часть композиции сменилась второй. Более резкой. Ульянов теперь пел о несчастной разбитой любви, и скрипки стали визжать, как истеричная девка. Когда-то давно, еще в той жизни, где была Танюшка, Ульянов пошутил на репетиции, что здесь вступают ударные. Игорь усмехнулся. Сейчас будут тебе ударные.

Ульянов допел. Как обычно, чуть шагнул назад, словно бы уступая место ему, но оставаясь на первом плане. Ничего, сейчас он выйдет на первый план... Сейчас... Пальцы яростно били по клавишам. Звуки дергались, искажались от боли и злости музыканта. Зал замер, словно присутствуя при немислимо жестоком шокирующем действе.

Сейчас будет вам... бал у Сатаны. Он сильнее ударил по клавишам, вскочил. Звук потянулся над залом эхом, отголоском. Игорь двумя руками с силой рванул вверх крышку, обнажая нутро фортепьяно. Молоток мгновенно оказался в руке. Вступают ударные!.. Не дав замереть звуку, Игорь с силой ударил молотком по струнам. Фортепьяно протестующе завизжало. Игорь ударил второй раз, третий, забил со всей силы, сохраняя какой-то свой внутренний ритм, слышимую только ему музыку. Пианино жалобно скулило. Замерший было Ульянов махнул рукой скрипачкам, и к вскрикам умирающего инструмента добавилась последняя скрипичная партия.

«Выкрутился, сволочь! — отчаянно забилося в голове. — Гадина кровососущая! Гадина!»

Игорь чуть не плача снова заколотил по еще уцелевшим струнам.

Гадина! Гадина! Гадина!

Молоток застрял внутри разбитого инструмента, скрипки взяли последний аккорд. Игорь отшатнулся, с грохотом уронив стул, поплелся за кулисы. В горле стоял ком. Когда за спиной взорвался аплодисментами зал, Игорь схватился за голову и побежал в гримерку.

* * *

— Я хочу выпить. — Саша поднял бокал.

После концерта он потащил всю группу к себе домой отмечать небывалый успех, и теперь был уже изрядно навеселе. Настя и Кира тоже были довольны, кажется, даже чуть порозовели, хотя вряд ли такое было возможно. Даже Влад перестал нервно тормошить волосы и перекиды-

вался шутками с Ульяновым. Только Дима кисло смотрел на окружающих через бокал сухого вина и Игорь был угрюм и потерян.

— Я хочу выпить за нашего пианиста. Сегодняшнее выступление сделал он.

Игорь мрачно зыркнул на вампира. То, что план провалился и из группы его не вытурят, он понял уже давно.

— Твой ход с молотком был гениален. Зрители на ушах стояли! Бесподобно.

Дима пригубил вино и демонстративно посмотрел на часы. Саша опрокинул бокал. Фыркнул довольно, словно морской котик.

— Теперь слушайте все! Видите этого человека? Никто, никогда не смеет его больше трогать. Я убью того, кто посмеет к нему прикоснуться. Ясно?

Настя весело кивнула. Кира покосилась на Сашу, повернулась к пианисту:

— Да я и сама понимаю, что была неправа. Теперь только оценила гениальность.

— Да, — хихикнул Влад, запуская руку в волосы. — Дурацкая была идея.

Саша встал и, пошатываясь, подошел к Игорю. Наклонился и зашептал ему в самое ухо:

— Надо будет взять этот ход на вооружение... На каждом концерте, конечно, это накладно, но на каждом и не надо, а то фишка потеряется...

Игорь посмотрел в нетрезвые вампирские глаза:

— Ты что же, прощаешь мне эту выходку?

— Прощаю? — Ульянов запрокинул голову. — Ха! Я преклоняюсь! А ну-ка, все посмотрите на этого человека...

Дима резко встал из-за стола:

— Ульянов, ты пьян, это пора завязывать.

Саша пьяно скосился на виолончелиста, кивнул:

— Прав. Только сперва выпьем. Все выпили за моего пианиста? Да, нет?

* * *

На улице было свежо. Вампиры разошлись в разные стороны. Ульянов остался дома. Игоря отпускать он не хотел, сообщив, что тот ночует у него. Пианист смог вырваться лишь «подышать воздухом». Пьяный Саша уступил, отпустив Игоря на улицу с условием, что тот непременно вернется, и оставил незапертой дверь, чтобы пианист мог беспрепятственно проникнуть в квартиру.

Игорь тихо плелся по улице. Страстей, что кипели в душе всю неделю, уже не было. То ли слишком много всего случилось в последние дни и организм просто устал реагировать на стрессы, то ли еще что... А может, сбежать? Прихватить Танюшку и сбежать... куда глаза глядят!

Нет, Танюшки больше не будет. Она не простит предательства, и не объяснить, что он не предавал. Она сама видела. Она видела четко и ясно. А та правда, которую предлагает ей он, похожа на выдумку.

Игорь оперся о дерево.

А они веселятся как ни в чем не бывало. Теперь они его приняли. Приняли таким, каков он есть. Неделю назад не принимали, а сейчас — разрушили его жизнь, счастье... и приняли. И этот гнус, Ульянов... Еще шантажировать его будет. Не отпустит. Вот бы пришибить его, чтоб не повадно было. Ведь с самого начала он все знал и врал ему. Если б рассказал с самого начала, тогда все по-другому могло бы быть. Тогда Игорь... Скорее всего, он бы просто не пошел работать в группу... или не поверил бы. И все было бы как прежде.

Игорь вспомнил холодное прикосновение языка и губ к шее, властный голос Саши, заставляющий безвольно замирать. Это он, он держит и его, и этих несчастных вампиров. Заставляет их делать что-то, корежит волю. Вот кого надо убить! Убить одного — и отпустить пятерых. Как убить вампира?..

Пианист посмотрел на трепещущую рядом осину, потом перевел взгляд дальше на дома, светящиеся ночные окна. Там, среди этих домов, светился супермаркет.

Не прошло и пяти минут, как Игорь стоял в зале супермаркета, выискивая хозяйственный отдел.

— Вам помочь? — мило улыбнулась неизвестно откуда материализовавшаяся девушка.

— Да, — кивнул Игорь. — Мне нужен топор. У вас есть?

— А вам зачем? — испуганно заморгала та.

— Дрова рубить, — недобро улыбнулся Игорь. — Осиновые.

* * *

Дверь, как и было обещано, оказалась незапертой. Пианист тихо шмыгнул в квартиру. Здесь было темно, только в комнате тускло горел ночник. Игорь сжал покрепче свежевывструганный кол, облизал пересохшие губы и шагнул в комнату.

Ульянов лежал на диване с закрытыми глазами. Казалось, он просто спит. Нужно ли вампиру спать?.. Полы домашнего халата распахнулись, обнажив поросшую черным волосом грудь. Плоть казалась живой. Игорь замер, отер мгновенно вспотевший лоб. В какой-то момент даже показалось, что вампир дышит.

Рука яростно стиснула осиновый кол, до леденящего холода, до боли в пальцах. Он должен! Сейчас. Другого выхода нет.

Пальцы дрожали, рука не слушалась, кол дергался. Игорь попытался успокоиться, глубоко вздохнул и, вцепившись в кол двумя руками, поднял его над головой. Лицо Ульянова оставалось спокойным, умиротворенным. Саша спал. Губы вампира растянулись в легкой улыбке.

А он его — колом... спящего. Кол снова задрожал в руках. Нет другого выхода! Пальцы стиснули осину. Удар был резким и страшным. Игорь вложил в него всю боль, все страхи, всю ярость, какая была. Грубо отесанное дерево с хрустом проломило ребра, глубоко вошло в тело. Игорь выпустил кол. Все... Сил не осталось. Внутри было пусто. Ни чувств, ни мыслей, одна лишь опустошенность. Игорь отступил в сторону, ноги подкосились, и он рухнул на пол. Сквозь шум в ушах прорвался голос Ульянова:

— Удовлетворен?

Игорь дернулся. Жаркой волной накатила паника. Не веря себе, чувствуя, что сходит с ума, повернул голову. Саша как ни в чем не бывало поднялся с дивана. Из груди его торчал осиновый кол.

— Не берет меня осина.

Ульянов легко ухватился рукой за кол, выдернул, оставив жуткую рваную рану в груди. Задумавшись на секунду, повертел осину в руке и с силой снова всадил себе в живот. Игорь вздрогнул, попытался подняться, но сил не было.

Саша выдернул кол, распахнул халат, демонстрируя жуткие окровавленные дыры, оставленные заточенным деревом. Потом слегка напрягся и прикрыл глаза. Раны, словно в кино, которое закрутили в обратную сторону, затянулись: какие-то считанные секунды — и их не стало. Об их существовании теперь напоминала только свежая розовая кожа и отсутствие волос на груди в том месте, куда вошел кол.

— И серебряные пули меня не берут. И чеснок я люблю. Особенно гренки с чесноком под пиво! — весело добавил вампир.

Он запахнул халат, подтянул пояс и протянул Игорю руку:

— Вставай.

Игорь с трудом поднялся, вяло соображая, позволил довести себя до кресла и усадить. Саша ушел куда-то. Игорь слышал шум воды, звон посуды, не осознавая, что слышит... Понимания вообще не было. Потом появился знакомый запах. Кофе!

Он опустил взгляд, понял, что сидит в кресле у журнального столика, а перед ним чашка с кофе. Пальцы на автомате подцепили фарфоровую чашечку.

— Как? — услышал он чей-то хриплый голос. Не сразу сообразил, что голос этот — его.

— Я — Высший, — спокойно отозвался Саша. — Значит, бессмертен. Вот Диму или Владика ты б этим колом похоронил. Меня — нет. Я вечен.

Вечен... Игорь ловил лишь какие-то обрывки слов. В голове по-прежнему было пусто. Лишь иногда там возникало что-то, подобно озарению, и тут же тухло.

— Теперь ты меня убьешь...

Саша пожал плечами:

— С чего вдруг?

— Как же... я...

Игорь снова замолчал, потеряв мысль. То, что секунду назад вспыхнуло истиной, сейчас уже не имело смысла.

— Не волнуйся, я не мстителен, — покачал головой Ульянов. — И потом, если б у тебя получилось меня убить, я был бы тебе признателен. К сожалению, это невозможно. Я пробовал. Разными способами пробовал. И сам, и другим позволял. Возможно, меня может похоронить ядерный взрыв... Не знаю.

Игорь тупо смотрел перед собой. Кофе в чашке закончился, а вместе с ним — и желание что-то говорить или понимать.

— Жить вечно — скучно и утомительно, — тихо произнес Саша. — Единственное, что меня утешает — музыка. А ты, нехороший человек, хочешь лишить меня последней радости.

Саша сидел грустный и уставший. Смотреть на него было неприятно, и Игорь молча закрыл глаза...

Ему снилась Танюшка. Ее туфельки под вешалкой, сумочка на тумбочке в прихожей, исходящий паром на кухне чистый заварочный чайник. И сама Танюшка на диванчике.

«Ты вернулась», — обрадовался Игорь.

«Считай, что и не уходила», — ответила она.

«Почему?»

Она поманила его, ласково, привычно. Он подался вперед, наклоняясь, чтобы услышать ее мягкий шепот. Но Танюшка не зашептала. Она быстрым движением лизнула его щеку. Игорь отпрянул, поглядел на ее лицо. Сердце заколотилось сильнее от предчувствия непоправимого.

«Мне нужна живая музыка», — обнажила клыки в улыбке Танюшка...

* * *

Он проснулся. Сердце билось в каком-то сумасшедшем ритме. Сон таял, уступая место реальности. А что в реальности?..

Игорь повернул голову, огляделся. Он сидел в кресле. Рядом на журнальном столике стояла пустая чашка с засохшей на доньшке кофейной гущей. Диван, шкаф, еще одно кресло...

На мгновение сердце замерло. Внутри все похолодело. Игорь с ужасом поднялся, медленно, словно во сне, двинулся к двери. Уже у выхода резко обернулся и окинул комнату взглядом. Возле шкафа стоял побуревший от засохшей крови осиновый кол.

Значит... все правда. И опять все снова?..

Игорь выбежал из комнаты, метнулся в кухню. Ульянов стоял там у плиты, придерживая джезvu за ручку.

— Проснулся? Сейчас будет завтрак...

Игорь, не дослушав, повернулся и побежал прочь из квартиры. Межквартирный холл, кафель, синюшные стены... Прочь отсюда! Лифт, подъезд, улица. Прочь!.. Он огляделся. Тетка с коляской ухмыляется во все зубы. В коляске ребенок, беззубый еще. Мужик с собачкой. Собачка

задрала ногу у забора, а мужик старый. Старик. Зубов уже нет. А вон помоложе идут, эти с зубами.

Господи, да они же все, все такие!.. Они все такие... и были такими всегда. Вампиры. Сосут кровь или нет, живут всегда или живут сейчас — неважно. Они все — вампиры. Вечные вампиры! Мыслящие своими сиюминутными страстишками, не любящие тех, кто на них не похож. Любящие их только тогда, когда переломают, когда доведут до черты, когда приблизят к себе. Приблизят, если собой не сделают. Признают. Ты, мол, гений, мы на тебя больше не покушаемся, но ты наш... И почему он раньше этого не видел? И куда от них бежать?

— Я не ваш, — пробормотал Игорь себе под нос. — Я не ваш, вампиры вы чертовы. Идите вы к дьяволу!

Прочь. Прочь от них. Прочь отсюда. Куда?

Он повернул голову. Ответ родился сам собой.

Игорь сместился к краю дороги, пошел по самому краю тротуара. Главное... сделать это резко и не рано, чтобы успел он, а не тот вампир, который попытается ему помешать.

Игорь шел, непрерывно оглядываясь назад. Главное, дождаться подходящего момента, главное... пианист резко метнулся в сторону. Завизжали тормоза, но никакая сила уже не могла предотвратить тупого удара.

Свет погас. Где-то на краю сознания завизжала дамочка с коляской.

* * *

Внутри все болело, словно выжгли огнем. К горлу подкатывал тошнотворный ком, а в голове вспышками пульсировала боль. Темнота и пульсирующие вспышки боли. Он попытался провалиться обратно в темноту, но ничего не вышло. Кто-то мягко провел ладонью по руке...

Танюшка!

Игорь медленно открыл глаза. Танюшки в комнате, вернее в больничной палате, не было. На краю его койки сидел бледный как смерть Саша Ульянов и довольно улыбался синюшными губами.

— Зачем ты?..

Голос не слушался. Игорь облизнул пересохшие губы. Саша по-прежнему молча улыбался. Лицо его было необыкновенно бледным, несмотря даже на белоснежный халат, накинутый на плечи.

— Дайте мне умереть, — тихо попросил Игорь.

— Ни за что! — покачал головой Саша. — Мир не переживет потери такого пианиста. Да что мир, хрен с ним, с миром. Я не переживу.

Игорь бессильно опустил веки. Снова навалилась темнота, прерываемая вспышками боли.

— Почему? — произнес он одними губами.

— Мне нужна живая музыка, — донесся тихий, вкрадчивый голос Саши. — Мне нужна твоя живая музыка. Только не сходи с ума, это плохо влияет на творчество.

Игорь ФЕДОРОВСКИЙ

С ЧЕРНОГО ХОДА

* * *

Ходили по дворам челночники
И подбирали нашу речь
В их лица темные чилийские
Глядел и начал мир ширеть

Из однокомнатной каморки
Он выпорхнул храпеть устав
Обклеил марками помарки
В моих диктантах и стихах

Челночники прочли печали
И не продав мне ничего
Оставили свое молчанье
Чтоб речь моя в нем началась

Жизнь

Обижают в трамваях возницы:
«Остановки на Ленина нет!»
Но уткнусь я в стекло, и мне снится,
Что трамвай повернул на проспект,

По расшатанным плиткам проехал,
Распугал тротуарную пыль...
Обижаясь от сонного смеха,
Мой возница меня позабыл.

Огороженный холод обидел —
Где высоток неправильный ряд,
Там во двор даже с черного хода
Можно только, когда отворят.

Где мои однокашники? Пашка...
Не живут здесь... и тут не живут.
«Уходи-ка отсюда, — мне скажут, —
Здесь чужих-то уж точно не ждут».

Обижают в собесах старухи:
Не стоял ты, и тут не стоял,
И лицо начинает стираться,
Словно осенью поздней листва,

Не дают мне ни справок, ни выплат,
Выгоняют из записей вон,
Будто был я в трамвае и выпал,
И чужим стал мой собственный двор.

Обижают... Растрепаны нервы,
Не собрать их, под ноль не подстричь,
Только я обижаю всех первый,
Разучившись подстраивать речь.

Но слова, что ко мне привязались,
Тоже в черном я теле держу,
Будто прошлую жизнь провожаю,
А выходит, что сам ухожу.

* * *

Зимою сломанный скворечник
В себя не впустит никого,
А я хотел бы сговориться
С пернатым сторожем его.

Я проса дам ему в дорогу,
Возьму щебечущую грусть...
Скворечник подновлю немного
И до весны там поселюсь.

Ко мне сегодня кошка приблудилась
На пустыре, озябшем и немом,
Дорога вдалеке куда-то делась,
И страшно мне, что не найду свой дом.

Но кошка, постаревшая, глухая,
С монетами нещадных лишаев,
Казалась лишней в сонных колыханьях
Осенних трав и стоптанных шагов.

Она хотела отыскать квартиру
И вывела меня в жилой район,
Ободранным хвостом она вертела:
Аптека, гастроном, объезд, ремонт...

— Всего лишь ночь в тепле у чашки с кашей...
Наутро отогреюсь — и назад.
— Соседи злые и не любят кошек.
Не слышит. Смотрит. Отвожу глаза.

Не вижу, как скрывалась в переулке,
Не замечаю на ресницах снег.
Жене скажу, что хлеба взял полбулки
И что она сегодня лучше всех.

А за окном слепое солнце меркнет
И падает на подоконник дня.

И с каждым днем я приближаюсь к смерти,
А может, кошку думаю догнать.

Путь

Ехать на верхней полке,
Руки сложив крестом.
Дымом людским наполнен
Мой на сегодня дом.

Сколько их, полок верхних,
Скрыто за дымом дня,
Сколько их, мыслей ветхих,
Рухнувших на меня.

Ряд философских споров:
«Стоит ли брать беляш?»
В поезде мысли спертые —
Выдохну рваный кашель.

Спать, просыпаясь нервно —
Мертв полустанок мой,
Только глядят ревниво
Звезды на мой покой.

Вроде бы две минуты
Поезду покурить,
Может, меня минует
Гулкое: «Пирог!»

Города очертанья
Смешаны и смешны.
Точка ли, запятая
Станет новой морщиной?

Линия на ладони
Ляжет в глухую степь,
Дальше... настолько больно —
Глаз не найти смотреть.

Черточки-человечки,
В каждой — своя печаль.
Поезд тяжелой речью
Вынудит замолчать.

Утром ворчлив спросонья:
«Господи, всё не зря?»
Тянется жизнь. Сплошная —
Глаз оторвать нельзя.

ПЕРЕПИСКА
Н. Н. ЯНОВСКОГО И В. П. АСТАФЬЕВА.
1980—1991*

* * *

(отв. 01.П.84 выслал кн<игу>.)

Дорогой Николай Николаевич!

Шлю Вам альманах и поздравляю с Новым годом. Мира всем нам на целый год, а Вам с Фаиной Васильевной здоровья хотя бы по летам Вашим, хорошего.

Был на Вашей Родине, в Барнауле, после Белокурихи, где меня так обиходили в современной «здравнице», что едва живой приехал. Я ж не могу ничего украсть для заправки местной медицины и достать не умею, а такие люди совсем не нужны и не интересны. Отравился еще под конец сильно, пневмонию подлечил свою. В обком съездил <нрзб> на курорт!..

От скуки, единственное благо — меня никто не знает и я никого! — благодать <нрзб> я набросал три рассказа о природе. Очень мне понравились ребята в Барнауле, в особенности главный редактор издательства — это ж надо было кончить Высшие лит. курсы, чтоб дойти до такой культуры — задумали издать буклетом — с одной стороны, «Дафнис и Хлоя» [1] — с другой — «Пастух и пастушка!» Нет, у нас жить все же забавно, порой и весело, а вообще, люди кончившие курсы наши, а их в Барнауле аж восемь человек, заметно отличаются от дикарей, нигде и ничему не учившихся, но потом попавших в Союз писателей.

О напечатании романа думать еще рано, точнее, совсем не надо пока думать — это по-прежнему на пользу. «Сиб. огни» по старой привычке не мои (? — В. Я.). «Затеси» зарубил Новосибирский главцензор и отправил их в Обком, но и в главный (? — В. Я.), откуда стучали кулаками на Красноярское издательство, требуя остановить книгу. Я читал, конечно, письма, посланные Никульковым в обком. Если б все редакторы решались так резко и прямо говорить с властями, глядишь, и литературе

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2016, № 3, 4. Подготовка к публикации и примечания Владимира Яранцева. Переписку Н. Яновского и В. Астафьева за предыдущие годы см. «Сибирские огни», 2014, № 8, 2015, № 8, 9, 10.

легче б было существовать, а пока вот «Зрячий посох» существует уже несколько лет в домашней обстановке, в рукописном виде.

Что касается Томска, то вероятно <нрзб> информирован кособоко. Есть там ученый муж, зам. разными кафедрами и по совместительству писатель Э. Бурмакин [2], человек толстый и трусливый. В 39-м году у него посадили папу, по той же статье, что и тебя садили и удавили там в числе многих, так мама еще в эмбриональном состоянии научила Эдика бояться всех и всего, начиная от кошки и кончая фонарным столбом и живым словом.

И вот он-то и «вел» мои выступления среди томского студенчества и совсем неглупой, судя по запискам-вопросам, интеллигенции. И она, или они, спросили меня: кого я считаю сейчас самыми выдающимися писателями в мире? И я ответил: «Маркеса и Солженицына». Тут же последовала злая реплика: «Он нас срамит, беженец проклятый, Родину чернит, а Вы его в гении производите». «Вы, наверное, себя гуманистом считаете?» — не менее резко спросил я. «Конечно!» — «Станный гуманизм!» — сказал я: «Барин, богатейший барин по фамилии Герцен сам рванул в Лондон и оттуда поливал Россию, как только ему хотелось, и он, значит, хороший, а человек, которого насильно лишили Родины, выдворили в шею на чужбину — плохой! И не думайте, что к Герцену все и всегда относились так же, как вы сейчас относитесь. Кто читал стихотворение Языкова “К ненашим”? Высоцкого больше хлопчете! А вы вот домой придете и Языкова [3] почитайте, ничего был поэт, лепил за Россию похлеще, чем некоторые...»

Вот тебе почти дословно, чтоб без кривотолков, то, что было. Сын вождя Черненко [4] на завтра попросил меня не говорить на встрече с журналистами и творческой интеллигенцией «об этом Солженицыне». И я не говорил, уважая просьбу хозяев, а телегу на меня все равно накатали, но Томск — город университетский, в нем и подлости потоньше, чем, скажем, в портовом темном городе — Владивостоке, откуда в доносе написали: «Астафьев сказал, что самые большие писатели в мире Солженицын и он», ну это уж донос на уровне заведующего отделом культуры Крайкома, не менее, это уж он наверняка был, думая, что укрепит свое положение номенклатурного работника и продвинется даже выше, и меня откуда-нибудь скинут, не понимая того, крашенная голова, что снять меня ниоткуда невозможно и Марья от меня, по причине моей дремучей политической отсталости, никуда не уйдет, хоть и партейная, а кроме Марьи, мне рядом никого не надо, она мне, как Ивану Тургеневу «во дни сомнений, во дни тягостных разлук, есть поддержка и опора»...

Дураков, дураков кругом! И ворья! Ворья даже больше стало и доносы ведь тоже вор пишет, чтобы с помощью такого вот «невинного» воровства попасть к отдельному корыту и ухватить там кость.

А-ах ты, Господи! А я-то, я-то два дня насовил весною и только от сознания, что необходим Марье, детям и внукам, еще раз победил смерть, но не ощутил того чувства радости и воскресенья, которое испытывал, возвращаясь даже из госпиталя, в ад окопов и в лапы дорогих отцов-ко-

мандиров, и долго не мог понять, отчего это я «не ощутил-то?» Теперь понятно — от усталости и сознания бессилия перед тупостью и мерзостью бытия.

Роман Трамбо в «Сиб. огнях» протаскивал я, ибо его никто не хотел печатать. Трудно было, но прорвались, и сейчас готовят новый, не менее блистательный американский роман. Исполать им!

Скоро выйдет юбилейная книжка В. Курбатова обо мне [5]. Скоро появятся два фильма — «Дважды рожденный» в кинотеатрах и «Ненаглядный мой» в телевизоре, говорят, неплохие. Я еще их не видел.

А вот переводы с немецкого в альманахе «Акцент» Фаины Васильевны видел. Молодец она, что не дает себе закиснуть!

Обнимаю, целую — Виктор.

Маня делает то же. Ваши преданные Астафьевы.

15 декабря 1983 г.

1. «Дафнис и Хлоя», роман Лонга.
2. Бурмакин Э. В. (р. 1928) — прозаик, ученый.
3. Языков Н. М. (1803—1846) — поэт.
4. Черненко К. У. (1911—1985) — Генеральный секретарь ЦК КПСС в 1984—1985 гг. Сын, А. К. Черненко (1935—2009) — зав. отделом пропаганды и агитации Томского обкома КПСС в 1983—1984 гг.
5. Курбатов В. Я. Миг и вечность. — Красноярск: Книжное издательство, 1983.

* * *

31.I.1984 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Я ждал том 6 «Лит. наследства», а его со дня на день обещали и выдали на продажу только-только — потому с письмом-ответом задержался, хотя письмо твое меня очень и очень взволновало, и я неделю, что называется, не мог очухаться. Надо же, какую бы сторону нашего житья-бытья ни взял, всюду что-нибудь да не так, что уже переходит к прямым «указаниям», как и о чем надо писать. И попробуй послушаться, не принять, оспорить — книгу или статью уже не увидишь в печати, а если она и появится, то в искаленном виде. Издательство трусит, да и дело перестраховывается. Шестой том ЛНС вышел [1], а седьмой на 1985 год не запланировало, опять что-то их остановило, кто-то что-то, видимо, сказал... Этот том, посвященный Г. Н. Потанину, посылаю тебе, может, что-то покажется интересным или нужным, ибо это наша история, лет десять-пятнадцать [назад] о таком томе и мечтать было трудно, потому что в 1918 году он выступил в печати против большевиков. Оказывается, одно такое выступление способно зачеркнуть всю жизнь ученого, путешественника, писателя-публициста, общественного деятеля. А про-

жил он 85 лет. Десятки «ученых» всю жизнь кормились его «охаиванием». Один из них даже произнес: «Дайте мне бульдозер, и я сотру с лица земли стоящий в Томске памятник». И это доктор исторических наук, который ничем другим в жизни не занимался, кроме критики «буржуазного деятеля» Потанина. А этот Потанин еще в 1918 году сказал, что принцип «демократического централизма» неизбежно порождает культ вождя партии. Вот этого ему долго-долго не могли простить.

Не знаю, чем порождены беспринципность и процветающее очковтирательство и воровство, но все это у нас, увы, существует, а Потанин на пожертвованные гроши совершал невиданные до него путешествия, делал открытия, жил абсолютным бессребреником. А «товарищ Рашидов» [2], к тому же еще и писатель, отравился, когда его миллиарды тонн хлопка оказались мифом. Да говорят, вскрылось многое и другое, что не назовешь приписками; в Ростове-на-Дону верхушка заворовалась (об этом я узнал в декабре), а у нас в газете подвал посвящен воровству работников, подвизающихся в отделах культуры («Вечерний Новосибирск» от 31 января 84 г.). На этом фоне ужесточение «праведников» из цензуры и других идеологических работников выглядит нелепым.

История в Томске весьма показательна. Года два-три назад там было собрано специальное заседание бюро Обкома по вопросу о воровстве самих членов партии — их набралось, говорят в «Лит. газете», около 1000 человек! Когда я прочитал об этом, был удивлен, как еще при Брежневеве это напечатали. Но там была названа смехотворно мелкая сумма растащенного — что-то около 11 тыс. руб. (это на тысячу человек!). Ах, как все это надоело!

Итак, наступил юбилейный год. Я слышал, что в Красноярске готовят «Конференцию по творчеству В. П. Астафьева» с последующей публикацией лучших докладов в специальном сборнике. Такому мероприятию я был бы рад.

Я сдал в набор юбилейную книгу под названием «Верность», в нее вошли некоторые страницы о твоих «Затесях», не пропущенные цензурой в Москве — что будет здесь, разумеется, не знаю — пока ушла книга в набор, пока все благополучно.

В этом юбилейном году желаю тебе здоровья — ах, как нам его не хватает! Ф. В. и я кланяемся Марии Семёновне и тебе, обнимаем Вас.

Твой Н. Яновский.

П. С. Был в Омске на юбилее (70!) Леонида Иванова — он молодцом, много работает и хорошо отдыхает... Это ведь тоже уметь надо.

Н. Я.

1. Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1983.
2. Рашидов Ш. Р. (1917—1983) — первый секретарь компартии Узбекистана, автор книг стихов и прозы (собрание сочинений в 5 т., 1979—1980 гг.).

(отв. 15.II.84 г.)

4 февраля 1984 г.

Красноярск

Дорогой Николай Николаевич!

Вышла книга Вали Курбатова, посылаю его Вам. И маленько о себе напишу.

Зима началась морозно и хорошо идет. Была Ирина с внуками на каникулах. Поле здесь исполнился год, такая девица подвижная и смышленная, вся в синяках явилась и еще тут добавила, лазаючи везде и всюду.

Мы их проводили до Москвы, купили маленько харчей и усадили в поезд. Поскольку в столице я не бывал полтора года, на меня обрушился шквал дел и визитов. Погода там была гнилая и через день я едва живой оттуда ноги унес. Приехав, занимался текучкой, а сейчас хочу доделать три небольших рассказика, написанных в Белокурихе, куда меня черти занесли в наказание за принадлежность к соцреализму — не иначе.

Подступает юбилей и к горлу уже подступают всякого рода посетители. Предлагали мне торжественный вечер в Колонном зале, я отказал, что-то подустал от торжеств и самолюбований братьев-писателей, в совсем не подходящее для торжеств время, да и силы для работы над романом сохранить хочется.

На весну мы с Марьей Семёновной отсюда уедем. Посетим Урал, могилкам родным поклонимся, навестим фронтовых друзей и к 1-му мая, буде живы будем <нрзб> к детям и внукам.

Я говорю «буде» не случайно, у Марьи Семёновны ухудшилось резко здоровье. Она когда-то лежала с туберкулезом коленного сустава, лечась, посадила сердце, но болеть некогда было, а стенать и жаловаться не в ее характере, и вот нога начала хромать, разрушается кость, предлагают ей операцию, а операцию ей не перенести после энцефалита, сдавшего сердца и недавней тяжелой операции перитонита, когда она, буквально, из могилы выкарабкалась.

Пока же она топчется по дому, трещит машинкой и строит какие-то планы на ближайшее время, хотя бы. А я тоже так думаю, может шевелиться, пусть и шевелится, а сляжет, ну что ж сделаешь — не она первая, не она последняя. Но на сердце у меня, конечно же, беспокойно, мы ведь изживаем 40 совместных лет, а это кое-что значит. Ну, никто как бог! На него и уповаем.

Поклон Фаине Васильевне от нас обоих.

Обнимаю и целую — Виктор.

16.II.1984 г.
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Спасибо, я получил книгу В. Курбатова. Из того, что я объявлен рецензентом книги, явствует, что я не возражал против ее публикации, хотя у меня и были серьезные замечания. Но не возражал я потому, что у нас различные методы исследования. Я ее сразу же прочитал и убедился, что в очень разных случаях он ко мне прислушался. И это закономерно: он зрелый и <нрзб> критик, отстаивающий свое право на осмысление явлений литературы. Об этом я и писал в рецензии. Сочетание его и моего отношения к такому явлению, как «Астафьев», лишь углубляет постижение этого явления. (Извини, что выражаюсь высокопарно.) И потому я рад, что появилась еще одна монография, которая в чем-то дополняет и Макарова, и меня, и других, писавших о тебе. А это — главное.

Итак, я понял, что в мае — в дни юбилея, ты будешь у детей и внуков. Куда прикажешь посылать тебе поздравления, т. к. я не могу тебя не поздравить с грустной датой 60-летия? Я-то мечтал заявиться в Красноярск... Ну, это несущественные детали, потому что люблю я тебя в 59 лет и в 60!

Я очень огорчен, что у Марии Семёновны какие-то серьезные заболевания. Мы с Ф. В. узнали об этом с душевным прискорбием. Да не может быть! Она всегда в нашем представлении бодрая, энергичная, здоровая. Но время идет — годы и нас осаждают. Я уже не работаю, как прежде, по 12 часов в день, тянет на лень, тянет в постель, почитать какой-нибудь «романчик» с закрученной интригой. Боже, до чего мы доходим!

Чем мне нравится В. Курбатов? Отвлеченными размышлениями о вечном. Он не анализирует твои произведения, он размышляет по поводу их. Это тоже надо уметь. Я вот этого делать не умею, потому что сосредоточен на настоящем, а не на будущем. У меня, так сказать, цели оперативные, а не стратегические. Вероятно, в этом моя беда.

Получил ли ты мой том ЛНС? О Потанине. Важная для меня тема. Но это тема не только для меня, а для всей России, если она думает о своем прошлом без оглядки — великие это люди или нет. В скромных воспоминаниях Г. Н. Потанина есть свое величие, поскольку жизнь <нрзб> рядовых людей имеет свое непреходящее значение. Свою историю мы должны знать, чтобы не делать ошибок, которые уже совершены.

Будьте здоровы. Обнимаю.
Ваш Н. Яновский.

Р. S. Книга В. Курбатова отлично издана. Хорошая обложка и твой портрет на ней. Но совершенно уникальны фотографии в конце. Почему «Сов. писатель» не пошел по этому пути! Странно, и это меня огорчает.

Н. Я.

* * *

(отв. III-84)
22.III.84 г.

Голубчик, Николай Николаевич!

Получил я том о Потанине и второе письмо о книге Курбатова, да написать-то ладом ничего не могу — опять валяюсь с воспалением легких. Как февраль-март, так оно меня и валит, и с каждым разом все тяжелее, не молоденок уж. Бывало и на ногах изнашивал обострения, а теперь — пластом, да еще грипп проклятый подсуетился, они мне дали пару.

Все же надеюсь к детям уехать. На всякий случай адрес дочери:

160001 — Вологда, ул. Кирова, дом 34, кв. 39.

Телефон — 3-43-55,

Астафьева Ирина Вик.

Поклон Фаине Васильевне.

Маня не очень здорова, подюжит, жалеет меня, а саму пожалеть некому уж.

Целую — Виктор Петрович.

* * *

3.IV.1984 г.

Дорогие мои Мария Семёновна и Виктор Петрович!

Очень беспокоюсь, что у Вас и как. Отступила ли болезнь, в рабочей ли форме, собираетесь ли в Вологду и когда? Недавно получил письмо из Кирова — и в нем тоже о Вашей болезни.

Я тоже в марте чувствовал себя не ахти как — грипп все-таки меня прихватил и сейчас еще не в полной форме.

Сижу, помаленьку копаюсь в бумагах Потанина, делаю том 7 ЛНС. Том в печати встречен хорошо, чему я очень радуюсь. Мои корреспонденты тоже пишут мне одобряющие отзывы. В Барнауле организована передача по радио.

Очень беспокоюсь — все ли у Вас хорошо. Ф. В. шлет Вам привет. Обнимаю. Ваш Н. Яновский.

* * *

12.VI.1984 г.
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Целую вечность не слышал Вашего голоса, хотя и читал Ваши статьи и статьи о Вас в связи с юбилеем. Теперь, надеюсь, Вы дома. И со здоровьем стало лучше.

Посылаю Вам книгу о Вяч. Шишкове [1]. Долго-долго я с нею возился и радуюсь, что она наконец-то вышла. Без лишней скромности могу сказать, что это новое прочтение произведений Вячеслава Яковлевича. Странно как-то получилось. После его смерти прошло уже 40 лет, его книги — и собрания сочинений — издают и переиздают, народ их читает и читит, а в критике, в литературоведении о них отзываются с большой оглядкой на прошлые, прижизненные оценки. И некоторые произведения до сих пор не включают в собрания сочинений — «Дикольче», «Ватага» и др. Между тем это, безусловно, значительные произведения, что я и постарался доказать в своей книге.

В издательство я принес рукопись в 25 п. листов. Попробовали с порогу сократить до 15 п. л. — вот и пришлось наступать «на горло собственной песне». Потерь много, но я не хотел отказываться от московского издания. Не так-то часто провинциальному критику удается напечатать свою книгу в Москве.

С интересом — и большим! — прочитал воспоминания Е. Городецкого [2]. Знать бы мне об этом раньше!

Марии Семёновне и тебе наш с Ф. В. общий поклон.

Обнимаю

Н. Яновский.

1. Яновский Н. Вячеслав Шишков. Очерк творчества. — М.: Художественная литература, 1984.
2. Городецкий Е. А. (1934—2005) — прозаик.

* * *

20.VIII.1984 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Посылаю юбилейную книгу — без юбилея она бы не появилась, в этом я уверен. В ней я впервые публично «ударился» в воспоминания [1]. Бог весть, что получилось, но я старался, чтоб не получилось показанному, «по-ученому». И если что-то было «не так», по высочайшему мнению изд-ва, то это незамедлительно убиралось. Как убрали невинную фразу из письма В. М. Шукшина (я ее вписал). Ах, нравственность нас одолела! Как бы общество наше не смутить! И мое предложение в тексте оказалось для читателя непонятным.

Статью о «Затесях» [2] даю лишь из-за того, что в книге был выброшен важный кусочек о рассказе «Падение листа». Выбросили на редакторском уровне. Кто-то на полях написал: «Не убедительно!» Я возмутился, но девочка-редакторша предупредила: бесполезно: это замечание «главной редакции». Итак, мои размышления о рассказе восстановлены, писать о «Затесях» шире, как я был намерен, и времени не было, но главное — «места»; просил я 25 п. л., Комитет потребовал 15!

Я же не Феликс Кузнецов [3], которого издают и переиздают, а последний раз в двухтомнике листов по 30—35 каждый. С грехом пополам издво (так оно само себя изобразило) «отстояло» 20 п. л. На этот раз я не рискнул сослаться на «Коммуниста» с его глупейшим отношением к рассказу. Мне этот рассказ дорог, он близок мне по идеям, настроениям, по чувству прежде всего. Все, о чем написано в нем, начинаешь понимать на склоне лет. Однако не каждый может так выразить это понимание — чувство. Тебе это удалось сделать именно поэтическими средствами, которые, по сути, необъяснимы. Я просто рационалистически попытался разъяснить его, коль появилось на свет не суждение о рассказе, а осуждение его. Осуждение с далеко идущими выводами. Это-то и возмутительно. И трибуна выбрана из числа «неприкасаемых». Цели своей я достиг, но не полностью, разумеется, следовало бы назвать журнал, ах, как следовало бы!

Обо всем, что есть в книге, я писал «с душой». Конечно, есть корявости и неточности, но фраз равнодушных нет.

Марии Семёновне наш с Ф. В. привет (да Ф. В., кажется, её уже писала). Книгу мы получили — передай ей наше спасибо. Книгу об Александре Даниловиче я искал (почему и не ответил сразу), но ее в городском магазине «Наука» нет, в Академгородке мне пообещали поискать.

Как со здоровьем и настроением? Слышал я, что вы с В. Г. Распутиным были в Сростках и что там все прошло «на хорошем уровне» (так было сказано читателем). Я тоже все собираюсь туда поехать, но не удается, мелочи заедают.

Автор предисловия к моей книге Ефим Беленький [4] умер 3.VII, замечательный человек и талантливый критик. Говорю не потому, что он написал обо мне, я его знаю с 1956 года, привлек к участию в «Сиб. огнях», и все последние 30 лет он в журнале выступал... Очень жаль, нас связывали с ним и дружеские чувства. Мне нелегко было пережить эту утрату, пережить... Такое не переживешь, просто на время отвлечешься...

Будь здоров и счастлив!

Твой Н. Яновский

1. В раздел III книги «Верность» включены воспоминания Н. Яновского о К. Урманове, Н. Анове, В. Шукшине.
2. «Что запало в душу...» (О «Затесях» В. Астафьева) в разделе II книги «Верность».
3. Кузнецов Ф. Ф. (р. 1931) — критик, литературовед.
4. Беленький Е. И. (1912—1984) — критик, литературовед.

* * *

Дорогой Николай Николаевич!

Нет, нету у меня выступления в Сростках, я ведь всегда выступал «из головы». Прелестный все же русский вопрос сочинителю: «Как Вы пишете? Просто так или из головы?»

Это выступление (и другие тоже) записал работник барнаульского радио, оно было расшифровано и даже где-то печаталось, но где? Я не знаю. Получил программу из Ленинграда и если ничего не стряется, мы там увидимся в октябре.

Марья Семёновна маленько поправилась, но все еще на лекарствах живет и не может отрываться от города, а я тороплюсь на выходные в Овсянку, чтоб хоть урывком поработать. Написал сказку про рыб, в духе Салтыкова — предания, очень современную, продолжаю писать «Затеси», в № 10 «Нашего современника» должен быть цикл. В ближайшее время начну работу над «Последним поклоном» — это надолго и серьезно.

Суета съела меня, как моль старую шубу, но моя суета, по сравнению с суетой Валентина Григорьевича, игрушки. Его совсем завертело, работать ему совсем не дают.

Я только что был в Иркутске на совместной японо-советской конференции по экологии и видел Валентина совсем подавленного, тоскливо-замкнутого. Беда!

Обнимаю Вас, кланяюсь Фаине Васильевне — здоровья Вам обоим!

Ваш — Виктор Петрович.

7 августа 1984 г.

* * *

6.XI.1984 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Только что дочитал повествование В. Карпова «Полководец» [1], очень и очень меня захватившее. Оторваться не мог до самого конца и не только потому, что каким-то краешком касалось это и меня — имею медаль «За освобождение Праги», — просто у В. Карпова все получилось человечно, искренно и с душой. Есть у него и такое местечко, тоже меня поразившее (в повествовании много поразительного, прежде всего судьба И. Е. Петрова). Так вот это место: «Бывая сейчас в просторных квартирах знакомых и приятелей, где много хорошей мебели, а на столах — обильное угощение, я часто вспоминаю ту тесную гостеприимную комнату и думаю: почему же теперь порой так мало бывает той же теплоты и сердечности?»

В самом деле: почему? Может быть, мы постарели и не воспринимаем людей с той же непосредственностью и открытостью, как раньше, особенно сразу после войны?

Но вспоминаю четыре дня, недавно проведенные у тебя, и думаю: как хорошо, что ты собрал нас, пусть не всех, кто тебя любит, под одной крышей, как душевно и открыто все состоялось! Я радовался, глядя на тебя, живущего теперь на родной земле, где все тебе дорого — от родных могил до величественной реки и... солнца, которое, по счастью, все дни сопровождало нас: видимо, не хотело омрачать наш праздник. Я радовал-

ся, видя, что ты работаешь и на столе у тебя книга о Соловьеве, отличная, кстати сказать, книга, что скоро мы будем читать у В. В. Карпова твои рассказы [2]. А я бы еще желал, чтобы ты окреп, набрался сил для завершения своего романа... Как говорили еще в наше время, бог тебе в помощь!

Все четыре дня я отдыхал душой и вернулся домой с зарядом бодрости и желанием трудиться... И я благодарен тебе. Целую, обнимаю. Твой Н. Яновский.

Р. С. Надо же думать, забыл: хотя и поздно, поздравляю Марию Семёновну и тебя с праздником! Будьте здоровы и счастливы! Никогда не забуду, как радушно встречали вы нас с Марией Семёновной, знаю, сколько забот и тревожений выпало на ее долю. Съездили ли вы, куда намечали? Все ли получилось благополучно?

А мы побывали в Москве у сына, у внуков — это всегда радость; купались и загорали на Черном море в Пицунде, словом, полтора месяца нас не было дома и сейчас расхлебываем запущенные дела.

Я несколько раз порывался тебе написать, Виктор Петрович, сразу, как прилетел из Красноярска, но что-то не получалось, и я не был уверен — дома ли ты. И вот, читая В. Карпова, вдруг все всколыхнулось — и война, и наши судьбы, и наши страдания... А были ли радости? Да, были, и самая большая из них — дружба, пронесенная через годы ничем не омраченной.

Еще раз обнимаю. Н. Я.

1. Карпов В. В. (1922—2010) — прозаик, общественный деятель, главный редактор «Нового мира» (1981—1986). Роман «Полководец» (1984).
2. То есть в журнале «Новый мир». В 1984 г. в журнале был напечатан рассказ «Медвежья кровь» (№ 8), в 1985-м — «Жизнь прожить» (№ 9).

* * *

1.XII.1984 г.
Новосибирск

Дорогие Мария Семёновна и Виктор Петрович!

Я еще ранее письма Марии Семёновны с огорчением узнал, что Виктор Петрович в больнице. Хочется верить, что это ненадолго, и все Ваши планы сбудутся. Пишу, зная, что Вас, б. м., нет дома.

«Звездопад» я по телевизору видел, и он мне, увы, не поглянулся. Мешало мне соединение нескольких произведений — зачем это сделано, я так и не понял. Истерика героини в конце не соответствует ни повести, ни реальному событию в душевном мире девушки, как мы ее по повести же представляем. Она-то ведь не знала, что растается навсегда; да и «взрыв» ее чувств попросту растянут, что в фильмах недопустимо. Неужели «киношники» этого не знают! Понимаю, что мое представление не совпадает с режиссерским. Искусство как раз в том, чтобы режиссер

убедил всякого читателя в естественности и правде его прочтения. А вот о фильме «Дважды рожденный» ничего не слышал, даже не знал, что такой существует.

Меня спрашивают, почему в обширном списке награжденных нет Виктора Петровича. Объясняю тем, что в этом же году, юбилейном, Виктор Петрович был награжден... И добавляю: «Ну, и что, если нет, хуже от этого произведения Виктора Петровича не стали!» Самая большая награда — признание читателя. А оно есть. Ну кто, к примеру, знает награжденного прозаика Холопова [1]? Никто, кроме тех, что печатаются в «Звезде».

У нас наступили обещанные холода. Брр! Рождественские они раньше назывались.

Обнимаю.

Ваш Н. Яновский.

1. Холопов Г. К. (1914—1990) — прозаик, главный редактор журнала «Звезда». Государственная премия РСФСР (1983) за книгу «Иванов день».

* * *

01.01.1985 г.

Новосибирск

Дорогие друзья Мария Семёновна и Виктор Петрович!

Вот и канул в Лету 1984 год, памятный для нас важными событиями. Вам, Виктор Петрович, исполнилось 60 лет, а мне 70! Боже, как коротка жизнь! В это время кратость (так! — В. Я.) ее я почувствовал с особенной остротой, потому что вслед за 6.XII, буквально через день умер мой старший брат — ему исполнилось 75 лет. Я знал, что он умирает, да и сам он говорил мне: «Вот встречу твой юбилей и — все». Так оно и случилось. Он словно только и ждал этого дня. А 7.XII свалился я. Начался злейший гипертонический криз. Хоронить его мне уже не пришлось, в тяжелом состоянии я только и смог приехать и навсегда попрощаться с ним. Старший брат — всегда любимый брат с детства, с юности, и таким он остался для меня до конца моих дней.

Врачи упорно лечат меня — я вот уже три недели на больничном, и сегодня впервые сел за стол, чтобы написать это письмо. Пришедшее наконец облегчение радует меня, ощущаю себя на седьмом небе только от одного прикосновения к чистому листу бумаги. Как, оказывается, мало надо человеку! Здоровья и ничего больше, остальное суета сует.

Итак, начался Новый год — что он нам принесет? Как хочется, чтобы наши планы осуществились. Да, осуществились. Жить надо до конца с поднятой головой и делать что должно, и пусть будет то, что будет, головы мы не опустим. Милый Виктор Петрович, надеюсь и верю, ты выкарабкался из своих недугов и по-прежнему деятелен и яростный в работе, как всегда.

Как только вспомню дни, проведенные у Вас, сердце мое наполняется радостью. 1984 год памятен для меня этой встречей — никогда, никогда мне ее не забыть! И солнце всюду сопутствовало нам, и Енисей нам улыбался, и земля в твоём родном селе была приветливой...

Счастливая мысль пришла тебе, Виктор Петрович, собрать нас к себе под одну крышу. Я вот ничего подобного сделать не сумел, да повторить такое уже невозможно. Прелесть ушедших дней в памятном 1984 году в их неповторимости.

Обнимаю Вас и целую.
Будьте здоровы!
Ваш Н. Яновский.

* * *

(отв. 1.V.85)
(телеграмма)

Милый Николай Николаевич.

Люблю тебя нежно братски. Пусть это придаст тебе сил здоровья на одоление годов и трудов твоих всем нужных. Обнимаю сердечно. Марья Семёновна кланяется Вам с Фаиной Васильевной. Вернулись благополучно занимаемся расширением квартиры. Приезжайте [на] новоселье. Целуем. Астафьевы.

* * *

9.IX.1985 г.
Пицунда

Дорогой Виктор Петрович!

Я был очень тронут твоим звонком. Значит, обо мне помнишь, в дни моей болезни — а я провалялся месяца три — добавляешь этим мне радости. А мы только-только собрались на юг, причем лечащий меня врач запретил эту поездку на Черное море, красочно описав, какие беды меня ожидают. Я было испугался, а потом махнул рукой — чему быть, того не миновать. И вот живу на Черном море уже полторы недели, купаюсь (не загораю, разумеется) и чувствую себя лучше, чем дома. Местный врач, у которого я побывал, говорит, что гипертоникам у нас лучше... Сижу, понемногу работаю (так как в самом деле стало лучше), Ф. В. загорает и прочее. Она шлет Вам с Марией Семёновной поклон и привет.

Мы надеемся, что у Вас в семье все благополучно, успешно и приятно съездили. Рассказ в «Новом мире» еще не видел и жду роман, давно обещанный. Набирайтесь для него сил и здоровья и — завершайте.

Я тужусь над очередным томом «Наследства», в этом году выходит том (в 35 листов) Вяч. Шишкова «Страшный кам» [1], мной составленный. Стал заправским «шишковистом» и не жалею об этом. Приеду домой (25.IX), буду им заниматься.

Мы попали в Пицунду в хорошие дни, и температура для меня подходящая. И море теплое. А какие здесь закаты — не оторвешься! В каждую новую секунду — новые, невиданные краски. И есть соотарищи по профессии, хорошие, душевные люди.

А говорят, что в июне-июле было и холодно и неудобно. Так что нам повезло. А Ф. В. море просто было необходимо. В последние месяцы она тоже неважно себя чувствовала.

Будь здоров и пиши, если окажется свободная минутка.

Твой Н. Яновский.

1. Шишков В. Я. Страшный кам. Повести, роман, рассказы, очерки. — Иркутск, 1985.

* * *

(без даты, начало 1986 г.)

Дорогой Виктор Петрович!

На днях получил отличный подарок — «Печальный детектив» [1]. Спасибо! Я его читал еще в журнале и порадовался: хорошо! Выразительно, как всегда. Эмоционально и — зло нередко. Кое-кого зло коробит. Ну и пусть! Есть события и люди, о которых нельзя писать спокойно да и не нужно. Было время, когда за публицистику в романе хвалили. А теперь вот и В. Распутина укоряют: «Пожар» [2] — сплошная публицистика! Господи, до каких пор мы будем навязывать художнику — талантливому художнику! — свой способ изображения и осмысления действительности! Он почувствовал, что сегодня он только так может выразить свое отношение к текущей жизни. И не следует ему мешать. Он по-своему отозвался на насущные потребности времени.

Я, конечно, знаю, как грузины отнеслись к рассказу о них [3]. Это проявление беспардонного национализма. Критикуйте кого угодно, но только их не трогайте. Я только не понимаю известного всем члена редколлегии журнала, который публично извинился за публикацию якобы порочного рассказа. Какое у него право извиняться за всех? Тот же В. Распутин, например, с ним не согласен. Зачем же ставить его в такое неловкое положение! И почему тогда промолчал С. Викулов [4]?

А что за нравы этим извинением насаждаются? Надо полагать, безнравственные. Правду-то, оказывается, сказать нельзя, от тебя сразу извинений потребуют. А задача состоит в том, чтобы проанализировать рассказ и показать, в чем его правда или неправда. Но этим никто заниматься не желает — ни автор письма в журнал, ни извиняющийся член редколлегии.

В этом году я в сущности был неработоспособен. Старческие болезни меня донимали. Вот только в сентябре решился поехать в Пицунду, хотя лечащий врач меня попросту не пускал (не давал справку). Но я поехал на свой риск, там ходил в больницу, и все обошлось.

Почти все 24 дня мы купались, хотя и погода была не жаркая. Мы с Ф. В. много гуляли, окрепли и вернулись бодрыми.

Марии Семёновне наш общий поклон и добрые пожелания.

Фаина Васильевна и я Вас обнимаем и желаем здоровья.

Твой Н. Яновский.

1. Роман В. Астафьева «Печальный детектив» впервые опубликован в журнале «Октябрь», 1986, № 1.
2. Повесть В. Распутина «Пожар» (1985).
3. Речь идет о полемике вокруг рассказа В. Астафьева «Ловля пескарёй в Грузии» (1984).
4. Викулов С. В. (1922—2006) — поэт, главный редактор журнала «Наш современник» (1969—1989).

* * *

19.IV.1986 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Поздравляю тебя и Марию Семёновну с Первомаем! Был у меня А. Е. Зябрев [1], передавал твой привет, чему я очень был рад.

Спасибо тебе за оценку моей работы, прозвучавшую в «Лит. обозрении» [2]. В этом же номере появилась и статья обо мне. Твое слово было весомым как подтверждение того, что сказал Е. Цейтлин. Статья его не лишена преувеличений, но, бог мой, о критиках так мало пишут, что преувеличения здесь оправданы. Оказывается, кое-что мы полезное делаем.

В «Октябре» я твой роман прочитал и — в восторге. Читал по кусочкам, наслаждаясь каждой фразой. А где твой «военный» роман? Жду его с нетерпением.

Сам я был все время занят ЛНС, т. 7 [3], посвященным Потанину (окончание «Воспоминаний» и плюс очерки и публицистика). Составил и отдал изд-ву том 8. Но главное — сделал том Азадовского [4] для Иркутска в связи с его столетием со дня рождения. Очень много сил это потребовало, а их у меня все меньше и меньше... Ничего не поделаешь — старость.

В «Лит. обзор.» я послал снимок, где мы втроем, но тебя они отрезали, т. к. портрет твой был впереди.

Очень соскучился. Повидаться бы!

Обнимаю. Твой Н. Яновский.

1. Зябрев А. Е. (р. 1926) — прозаик, очеркист.
2. В интервью Евг. Шкловскому («Это сложное время...» Беседа с Виктором Астафьевым // Литературное обозрение, 1986, № 3) В. Астафьев сказал: «Литературное наследие Сибири» издается стараниями критика и литературоведа Николая Николаевича Яновского. Он буквально воскресил многих почти забытых писателей, живших в Сибири». Там же: Цейт-

- лин Е. Л. Хранитель культуры. Из записок об учителе. Цейтлин Е. Л. (р. 1948) — критик, литературовед.
3. Потанин Г. Н. Воспоминания (окончание). Статьи, рецензии, очерки. Воспоминания о Г. Н. Потанине // Литературное наследство Сибири. Т. 7. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1986. К. Урманов. А. Новоселов. Л. Сейфуллина. М. Азадовский. К. Худяков. И. Ливертовский // Литературное наследство Сибири. Т. 8. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1986.
 4. Азадовский М. К. Сибирские страницы. Статьи, рецензии, письма. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988.

* * *

13 октября 1986 г.
с. Овсянка

Дорогой, милый Николай Николаевич!

Давно собираюсь Вам написать (чует мое сердце, что Вам что-то худо — может, одиноко? может, хвораете?), но лето было хорошее, осень дивная, ничего не хочется делать, а тут <нрзб> задавился, во связи с последними моими публикациями — от восторгов неудержимых и до угроз прикончить меня как врага грузинского народа.

Год был длинный и пестрый. Много ездил по краю, а Марья Семёновна едва жива, трое похорон за этот только год — схоронила всех близких — старшую сестру и брата, тетушку, которая была нам вместо матери. Я хорошо порыбачил в Эвенкии и Туве, ездил по грибы, а их было нынче очень много.

Весной, будучи в Болгарии, набросал новую главу в «Последний поклон» и вот завершил ее отделку, собираюсь послать Залыгину, в «Новый мир» [1]. Как погода зажмет, приступлю к работе над «Поклоном», теперь он будет состоять из трех книг — среднюю, вторую книгу составят главы юношеские, фэзэошные. Есть и еще планы, дай Бог здоровья, чтобы их осуществить.

Я до сих пор в Овсянке. Недавно здесь был Валентин Курбатов, заплывал Витя Конецкий [2]. Говорили о Вас. Валя Курбатов очень высоко ценит Вашу деятельность и подвиг Ваш, во имя сибирской литературы, говорит, что мы, обормоты, до конца этого и не понимаем. Наверное, так и есть. Но зато вот я нежно люблю тебя и всегда тепло помню, а что редко пишу, так ведь русский же человек, он о близких заботу проявляет <нрзб> Кланяюсь, целую обоих и Файну Васильевну.

1. Астафьев В. Заберега. Глава из книги «Последний поклон» // Новый мир. — 1987. — № 4.
2. Конецкий В. В. (1929—2002) — прозаик, киносценарист.

* * *

10.I.1987 г.
Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

С удовольствием посылаю очередной том «Наследства». В нем есть что почитать не без пользы. Завершена «моя эпопея» — Ядринцев два тома и Потанин — два. Теперь могу сказать, что возмечтал я ее совершить лет десять назад и радуюсь ныне, как будто я все это и «сочинил». Вот как гордыня меня заедает! Но убежден: предшественников надо не просто чтить, но изучать их труды, пропагандировать, сознавая, что и сегодня они не потеряли своей цены. Наша сибирская история — не мертвый капитал, а действенное оружие современности, как и всякая другая история, если к ней подходить творчески.

«Сиб. огни» опубликовали мою статью «Потанин — писатель» к 150-летию со дня рождения с сокращениями [1]. Теперь она увидела свет в полном виде. В сущности, я прочитал Потанина по-новому. Если что-то ценное будет найдено в книгах Ядринцева и Потанина (с моими пояснениями), я буду просто счастлив.

Читаю полемику вокруг «Печального детектива». Целного и разностороннего анализа с учетом состояния общества и текущего литературного процесса не нашел, да и сам все еще мучаюсь в раздумьях (а думать есть о чем!). Здоровье меня подводит, иначе вмешался бы...

Марии Семёновне и тебе наш с Ф. В. сердечный привет и добрые новогодние пожелания. Хотел послать в канун Нового года, но побоялся затеряться в потоке поздравлений.

Будь здоров и работоспособен — верю, что совершишь еще многое.

Обнимаю.

Твой Н. Яновский.

1. Яновский Н. Г. Н. Потанин — писатель, публицист и критик. К 150-летию со дня рождения // Сибирские огни. — 1985. — № 9.

* * *

(без даты, на открытке)

Милый Николай Николаевич!

Спасибо за 7-й том. Хоть у меня и зарез, полистал я его. Недавно в интервью, в Чехословакии, похвалил тебя за эту работу, наверное, первым в нашей литературе имел честь назвать тебя «подвижником», а это так и есть, и уже навсегда. Марья моя, Семёновна, все еще тяжело больна, поэтому пишу коротенько и желаю, чтоб Вы не хворали, поелику возможно, были бодры и работоспособны. Мои дела все стоят, даже с

евреями лаяться некогда. Даст Бог, все поправится, и мы в марте поедem в Чехословакию <нрзб>.

Обнимаю, целую — твой Виктор.

* * *

8 мая 1987 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

У меня был А. Е. Зябрев, с ним я передавал привет и поздравления со священным Днем Победы. Идут годы, а в душе живет боль тех лет и дней, и не только боль, но и ее, так сказать, результаты — война укоротила нашу жизнь. Погибших, безусловно, но и оставшихся в живых.

Докатилась до меня и переписка с Эйдельманом [1]. Виктор Петрович! Не отвечайте Вы на провокации подобного рода! Сейчас переписка услужливо распространяется в списках, и мне ее доставил «доброжелатель», один из них мне понятен, он просто меня информировал, но другие — явно с какой-то «задней мыслью» как монографисту — знайте, дескать, о ком монографии создаете! Вся эта возня меня возмущает, хотел было написать Эйдельману, но это только увеличит тетрадь умышленно распространяемых писем. А этого-то Эйдельманы и хотят.

Договориться до того, что Герцев [2] не случайно напоминает Герцена, может только злоумышленник, с которым всерьез нет необходимости полемизировать. Это продиктовано зоологической злобой. Хотя против евреев я ничего не имею, но разговаривать на таком уровне я с ним не желаю.

Я теперь доволен, что в книге ты раскрыл, как мне кажется, социальную природу таких типов, не имевших, в сущности, отношения к настоящей русской интеллигенции. Что же тут копия ломать?! Вас обвинят в том, что Вы с пренебрежением относитесь к другим народам Сибири — такая несусветная глупость и недобросовестность, что даже как-то теряешься... Нет, я прошу Вас, не отвечайте на такие выступления! Это как снежный ком — на одно недобросовестное суждение тут же наматывается другое, даже со ссылкой на авторитет Пушкина — им же никого не жалко, им же невдомек, что Пушкин говорил о другом и в других исторических условиях. Эти знатоки Пушкина попросту не знают его, если взять на проверку. Я сразу вспомнил, читая Эйдельмана, статью Пушкина «Джон Теннер» о «драгоценных Записках Джона Теннера». В ней Пушкин пишет: «С изумлением увидели демократию (в США) в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках...» и т. д. и т. п. Прочтите статью и возражения со ссылкой на Пушкина сразу отпадут. Ах, Грузию критикой трогать нельзя, поскольку это другое государство. Во-первых, она сейчас входит в состав Советского государства, во-вторых, тезис с критикой только «своих» порочен с самого основания. Я не понимаю, по-

чему Троепольский [3] взялся извиняться за всю редколлегию, и никто его не одернул, хотя бы тот же Викулов. У В. Распутина, например, другая точка зрения.

Я читаю «Новый мир» и опять погружаюсь в мир «Последнего поколения», я и не подозревал, что теперь уже и для меня станет своеобразным переживанием-воспоминанием с первого чтения. Я понимаю, почему возвращаетесь к этой же теме, и я не вижу здесь повторения. Душа, погруженная еще и еще раз в тот мир, обогащается, это и следует уловить в новых главах.

Марии Семёновне наш поклон и наши добрые пожелания. Как со здоровьем? Мы очень беспокоились.

Обнимаю.

Твой Н. Яновский.

1. Переписка Н. Эйдельмана с В. Астафьевым (два письма Н. Эйдельмана и одно письмо В. Астафьева) опубликована в журнале «Даугава» (1990, № 6).
2. Герцев — персонаж «Царь-рыбы» В. Астафьева.
3. Троепольский Г. Н. (1905—1995) — прозаик.

* * *

23.VII.1987 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Я не мог, разумеется, посмотреть пьесу, поставленную по роману «Печальный детектив» [1] и не могу сказать, насколько она «странная», но о романе-то я имею ясное представление, знаю, насколько он «странный», насколько он, несмотря на это, правдив. Статью-ответ в «Советской России» я прочитал с живейшим интересом, тем более что только что сделал «вытяжку» из своей книги о «Царь-рыбе» для «Библиотеки сибирского романа» [2]. Не спросясь, изд-во определило предисловие в объеме 0,7 п. л., запланировало, утвердило в инстанциях, а когда я запротестовал, сказало, что ничего поделывать уже не могут. Диктат действует, хотя все спешат перестроиться.

Статья у Вас получилась хорошая, я по немочи своей не смог выступить о романе, но надеюсь, что он от меня не уйдет, и о нем напишу, разберусь, «странный» он или какой-то другой.

Работаю я, увы, мало, силы восстанавливаются медленно и не верю уже, восстановятся ли. Как бы то ни было, понемногу работаю, пишу «Лит. портрет» для <нрзб> нашей о Шукшине. И вот какая у меня просьба. Вы выступили о В. М. Шукшине в Сростках на юбилее, по радио, но в печати я Вашего выступления не встречал. Если есть текст, — пришлите, пожалуйста, буду очень благодарен (возможно, я его пропустил).

Ваша переписка с Эйдельманом ходит и распространяется — я ее тоже получил. Считаю, что такой оборот дела, если это исходит от Эйдельмана, тоже провокационным, как и первое письмо его. Неймется им, потому и отвечать им не стоит.

Мы с Ф. В. шлем Вам с Марией Семёновной сердечные приветы и обнимаем дружески.

Н. Яновский.

1. Премьера спектакля по роману «Печальный детектив» состоялась 6 марта 1987 г. в Москве в Театре им. Моссовета (реж. Г. Тростянецкий, исполнитель гл. роли В. Соломин).
2. Астафьев В. Царь-рыба. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988 (серия «Библиотека сибирского романа»).

* * *

20.XII.1987 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Который уже раз Вы благожелательно говорите обо мне — теперь вот в статье о Сергее Максимове, которого я чту за его большой труд «Сибирь и каторга» [1]. Три книги, вышедшие почти одновременно, дороги мне — «Мертвый дом» Ф. Достоевского, «Русская община в тюрьме и ссылке» Н. Ядринцева и книга С. Максимова, я читал их с особенной тщательностью, хотя три тома С. Максимова — махина колоссальная и без надобности в нее не полезешь. Я возмечтал о них написать, показывая общее и различие. Не дошел я до этого, потому что книга С. Максимова есть только в крупных библиотеках (я ее читал в Ленинской-Румянцевской, в Москве).

В Иркутске обещали дать в «Памятниках» том Ядринцева, в него я включил большой раздел из его книги «Русская община в тюрьме и ссылке» (первое и единственное издание 1872 г.). Почему не всю книгу? Потому что состоит из разных по содержанию глав; одни — научное исследование о русской тюрьме, другие — живое изображение им самим в Омском остроге пережитого, примерно через пять лет после Достоевского, и многое потому совпадает по фактам, по песням. Разница в мере таланта. Но убежден, что и эту книгу, как и книгу С. Максимова, забывать нельзя.

Поздравляем мы с Ф. В. Марию Семёновну и Вас с наступающим Новым годом. Жаль, что в Ленинграде не пришлось повидаться. Но сведения об этой конференции, увы, печальные, мне рассказывали очевидцы.

Понемножку копаюсь над ЛНС, <т.> 8, который нужно сдать в производство к январю.

Обнимаю.

Твой Н. Яновский.

1. Максимов С. В. (1831—1901) — писатель, этнограф, автор труда «Сибирь и каторга» (тт. 1—3, 1871). Статья В. Астафьева о нем: «Радетель слова народного» (Собрание сочинений в 15 т., т. 12, Красноярск, Офсет, 1998).

* * *

6. II. 1988 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Из письма я понял, что Вы с Марией Семёновной понемногу «приходите в себя», хотя слова эти диковатые — случившееся пребудет вечно, знаю по себе. Марии Семёновне наш с Ф. В. поклон. 1987 г. наш, увы, ничего хорошего не принес. Едва выкарабкались из всяческих недугов и огорчений.

Посылаю «Ватагу» Вяч. Шишкова. Это уже третье издание и каждое по 100 тыс.: Воронеж, Иркутск, теперь вот Новосибирск, а я ведь предлагал Новосибирску лет пять назад, и равно и издательству в Кемерове, где события происходили (в их крае). А теперь вот в таком со-седстве: «Разгром» — проповедь сознательности, «Ватага» — проповедь стихийности, как уверяла вся критика [1]. Вообще, история о том, как я «пробил» роман в «Современнике», любопытна и поучительна, ну и, конечно, юмористична, не без того. Нет на них современного Шишкова-юмориста. Но сначала надо было сокрушить авторитет Д. Фурманова [2], авторитет одного из руководителей партизанского движения в Сибири, ставшего впоследствии руководителем нашего министерства сельского хозяйства. Никто не знает, как Шишков высмеял его в повести «Дикольче», а в книге у меня этот «кусочек» выбросили, как «несущественный». А один современный критик (критикесса) прямо заявила, прочитав мою статью о «Ватаге»: «Я все-таки более верю Д. Фурманову, чем Яновскому». И, разумеется, никаких доказательств.

Сейчас, когда печатается столько «исторических» произведений, пролежавших 10—20 лет в рукописях, мои усилия опубликовать «Ватагу» Шишкова, «Чураевых» Гребенщикова, «Общежитие» и «Щепку» Зазубрина кажутся «детским лепетом» (Зазубрин-то так и не опубликован). Но мне было не до шуток, особенно в условиях новосибирских хамелеонов. Никульков уже успел «перестройку» осуществить, заявив в «Сиб. огнях», что Сталин проводил в жизнь идеи Троцкого. Он всегда впереди всех, когда меняется в стране обстановка, всегда в роли «открывателя» и «поучателя», смотрящего вперед. Сейчас он усиленно толкает в печать и роман «В буче», и роман о Маяковском [3]. Он с покойным теперь Смердовым действовал дружно, и Зазубрина вкупе с Коптеловым унижали согласно.

Посылаю одновременно и книгу «Воспоминания о Вячеславе Шишкове» [4], которые даются в более полном составе, чем книга московская.

Она лучше уже потому, что открывается «Автобиографией» Вячеслава Яковлевича, нигде более не появлявшейся после 1929 года. В Москве ее отказались печатать дважды — в «Воспоминаниях» и в сборничке «Беседы о мастерстве» («Сов. Россия»). Находились благовидные предлоги, вообще 5 п. л. нового, по сравнению с московским изданием. Книгу издали прилично, хотя и продержали пять (!) лет. Есть уникальные снимки. Я рад, что мне удалось издать полдесятка его книг, скоро выйdet повесть «Прохиндей», изданная в таком виде лишь в 1942 году. Не могу только выбрать время для «доработки» своей книги о Шишкове, которую в изд-ве «Художест. лит-ра» изрядно «потрепали». А теперь боюсь и не успеть — так много еще надо сделать. Будьте здоровы! Роман жду.

Обнимаю.

Н. Яновский

1. Фадеев А. А. Разгром. Роман. Шишков В. Я. Ватага. Роман. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1987 (цикл «Гражданская война в Сибири»).
2. Фурманов Д. А. (1891—1926) — прозаик, военный и политический деятель.
3. Романы А. Никулькова «В буче» (1963), «На планете, мало оборудованной» (1967—1970).
4. Воспоминания о Вячеславе Шишкове. Сборник. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1987.

* * *

3. III. 1988 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Был у меня Анат. Зябров и привез альманах «Енисей», и я прочитал беседу Г. Сапронова с В. П. Астафьевым, беседу чрезвычайно интересную, где над многими «И» (в нашей истории) поставлена выразительная точка. Казалось бы, многое уже не новость (скоропалительность коллективизации, установление фактического «крепостного права» без свободы выезда из деревни и т. п.). Но тут важно, что это сказано тем Виктором Петровичем, который по-своему об этом же и писал ранее (режим жизни Игарки хотя бы). И я, пробираясь через частокол запретов, рвался написать о том же, когда писал книгу о Викторе Астафьеве. Но меня срочно разыскали в захудалом санатории и поставили перед вопросом — либо я соглашаюсь убрать что-то более пол-листа, либо книга будет снята с производства. Я рассмеялся, так как выбора здесь не могло быть.

Кстати, там я цитировал находящийся еще в рукописи — «Зрячий посох», и это особенно возмутило цензоров. Теперь я уже слышал, что «Зрячий посох» (целиком?) будет опубликован. Боже, какие «качели» переживает наше поколение! И каждый раз «освобождение» идет как бы

не снизу, а сверху, и этим обстоятельством кичатся — не больше, не меньше. Словом, беседой этой я очень доволен, снова, как всегда, пропущено все через душу...

Марии Семёновне шлем привет.
Обнимаю. Н. Яновский.

* * *

(без даты)

Дорогой Николай Николаевич!

Мне прислали из Новосибирска «Царь-рыбу» с Вашим предисловием — спасибо!

Посылаю новую книгу для счета и чтоб прочел «кончик» у «Бабушки».

И еще, у тебя идет молва, хранятся рукописи повестей Зазубрина «Щепка» и «Общежитие»? Наш альманах «Енисей» готов их напечатать и грозитя не <нрзб> и не править [1].

Нет ли у тебя экземплярчика? Если нет — закажи, оплатим машинистке все сполна. Где Вы сейчас? Мы замерзаем в июле. Я болею легкими.

Обнимаю, целую. В. П.

1. Зазубрин В. Щепка. Повесть о Ней и о Ней // Сибирские огни. — 1989. — № 2. Его же. Общежитие. Бледная правда // Сибирские огни. — 1989. — № 11. Его же. Щепка // Енисей. — 1989. — № 1.

* * *

(без даты, на открытке)

Дорогой Николай Николаевич!

Так идет жизнь, что не помню, поздравил ли Вас с Фаиной Васильевной с Новым годом?

Если нет, желаю уже в наступившем году подходящего здоровья и чтобы работалось к душе и жилось не хуже, чем в предыдущем году.

Мы живем помаленьку, тащим горе на плечах, не Вам объяснять, какая это тяжелая работа.

Детей — Полю и Витю пришлось отправить к сыну, в Вологду — не справились, домработницу не нашли, а М. С. очень сдала и лишь недавно помаленьку начала включаться в домашние дела и стала печатать на машинке.

Я отлежал в больнице и по приглашению издательства «Альбен Мишель» съездил во Францию, осуществил свою мечту, побывал на могиле Бунина и княжны Веры Оболенской, поклонился им и попросил за всех за нас, засранцев, прощения.

Она мне помогла и Господь не отвернулся — по возвращении возобновил работу, прерванную смертью дочери и все <нрзб>, сейчас уж нахожусь в конце ее, или в конце очередного захода на «Последний поклон» — книга теперь состоит из трех частей, в ней шесть новых глав, много кусков и кусочков, поправок, уточнений. Можете мной гордиться, может, и Родина моя — Сибирь, когда-нибудь <нрзб> погордится мною — это получается песнь-песней о Сибири и о ее почти уже исчезнувшем народе, даже не исчезнувшем, а растворившемся в каком-то чужом интернациональном сброде, который из Америки сделал передовую страну, ибо в Бога веровал и люди там правили с головой, а у нас пламенные революционеры братоубийство устроили, насаждая передовые идеи во все души, людей истребили и ждут, чего на пустом месте взрастить.

2-го февраля я должен везти в Москву «Поклон» и там залягу в больницу, с легкими стало совсем плохо, надо лежать основательно, а я все подлеживался.

Кроме «Поклона» написал предезкую статью к юбилею Гоголя [1], предисловие к книге Трамбо «Джонни получил винтовку» в «Худ. лит-е» и других всяких мелких работ кучу провернул. В работе я забылся маленько.

Марья Семёновна со 2-го марта поедет в санаторий имени Горького, под Москву, так там, наверное, и встретимся. Весной хочу отдохнуть, а там снова за работу. Планов много. Времени и сил не так уж много. «Печальный детектив», против моих ожиданий, гремит и идет по свету — издается в 20 уже странах, англичане добиваются сделать совместный советско-английский пятисерийный фильм (теле), а белорусы двухсерийный, экранный, ни там, ни там я участия не принимал, жалея силы и время.

Отпишу «Затеси» (много покоилось в башке) и продолжу работу над романом, может быть, и пьесу напишу, набросок которой сделал еще в Вологде. С № 1 в журнале «Москва» начинается мой «Зрячий посох» [2] — Карамзин и я рядом. Это закономерность или совпадение? Шуму-гаму будет много. Кланяюсь, обнимаю.

Виктор.

П. С. Читал, что вышла «Ватага», если сможешь, достань для меня экземпляр, я ее даже не читал.

1. Астафьев В. Во что верил Гоголь // Москва. — 1989. — № 4.

2. Астафьев В. Зрячий посох // Москва. — 1988. — № 1, 2, 3.

* * *

23.VII.1988 г.

Новосибирск

Книгу — изданную хорошо — получил. Спасибо! Все искал, какие рассказы я еще не читал, но увлекся и с удовольствием перечитывал известные. Хорошо, что и целый раздел и всю книгу назвал «Падение листа». Помню, как «ругался» «Коммунист» и как у меня изымали полемiku с этим высокопартийным журналом, на полях писали: «Не убедил»

тельно», «автор (т. е. я) ничего в рассказе не понял». «Коммунист» прав! И я теперь радуюсь, что ты вынес рассказ на целую книгу.

По поводу «Общежития» и «Щепки» В. Зазубрина мне звонил А. Е. Зябров. Я сразу же сообщил Карпунину [1], у которого все это лежит. Через Преловского [2] он жаждал получить разрешение из Москвы. Но кому там все это надо? Сейчас же, узнав, что «Енисей» готов печатать и рассказ и повесть, сдали (или сдают!) в набор для очередных номеров С<ибирских> О<гней>. Карпунин сам взялся писать предисловие, как мне сообщили, хотя я сделал бы это лучше. Тут великолепно продемонстрирована трусость. Поживем — увидим, чем все это закончится.

Наш с Ф. В. большой привет Марии Семёновне, а тебя обнимаю.

Твой Н. Яновский.

1. Карпунин Г. Ф. (1939—1997) — поэт, главный редактор «Сибирских огней» (1987—1997).
2. Преловский А. В. (1934—2008) — поэт, переводчик, сценарист.

* * *

Авг. 1988 г.

Новосибирск

Дорогой Виктор Петрович!

Посылаю итоговую (далеко не полностью) книгу [1]. Хорошо, что и такая вышла. Это же как подарок судьбы. Критика да еще провинциального такими книгами не балуют.

Присоединяю к сему «Щепку» Зазубрина. Мне звонил работник «Енисея», я записал его адрес и тут же его утерял (слепнуть стал — катаракта!) и найти не смог.

Кстати, в книге есть и о «Щепке» (глава о Зазубрине). Если надо, из нее можно взять кратенькую характеристику повести — или хотя бы оттолкнуться от этой характеристики (моей и Правдухина). Я бы рекомендовал предварительно напечатать «Заметки о ремесле» («Сиб. огни», 1928, № 2), они еще хороши и тем, что в них даны портреты наших партвождей на съезде, за что Зазубрин был оклеветан в статье «Мещанин на партсъезде» («Сов. Сибирь») [2].

Вообще-то, смотрите. Карпунин не отказался ее печатать, но ждет «решение» Москвы.

Марии Семёновне от нас с Ф. В. большой привет, тебе желаем здоровья и успеха. Мы видели тебя по телевизору. Хорошо, дельно выступал от журнала «Наш современник».

Обнимаю.

Твой Н. Яновский.

1. Яновский Н. Писатели Сибири. Избранные статьи. — М.: Современник, 1988.
2. Мещанин на партсъезде // Советская Сибирь. — 1928. — 26 апреля.

* * *

Дорогая Фаина Васильевна!

Рад был Вашему письму и его горькому, но не безысходному тону. Жизнь есть жизнь и в ней, к сожалению, бывает и конец. Думаю, что уход мужчины [1] первым узаконен от Бога и, как говорил мой покойный дядя, а я это не раз повторил своими каракулями: «Ты меня снарядишь и оплачешь», и «в один день и в один час бывает только в сказке со счастливым концом, или в кратком бедствии, вроде войны».

Я закончил первую часть военного романа [2] и сожалею, что Николай Николаевич уже не может это прочесть. Горькое и чудовищное действие романа происходит в Новосибирске, точнее под Новосибирском, возле Бердска, в Запасном полку 42-го года. На том месте сейчас пляжи Академгородка и грязный остаток нами оплаканной и обиженной земли, видный вроде острова, если его еще не размыло мутной водой рукотворного моря.

Писал и самому было страшно, как это все мы могли терпеть, а главное зачем? Ради сегодняшнего счастья? Не лучше ль нам было погибнуть с верой, что за нами Царствие Божье?

Вторая книга еще страшней первой и третья, хотя и называется «Веселый солдат», ничего в себе веселого не содержит [3].

Хватит ли моих сил? Не знаю. Вот уже и после первой книги приболел, нахожусь в тяжелейшей душевной депрессии, безысходность на душе и думы беспросветны.

Живем только ребятишками, их без нас поднимать и доглядывать некому.

Ну, никто, как Бог! Будем уповать и надеяться на него, больше не на кого и не на чего.

Ждем весны, тепла, а они к нам ныне не торопятся.

Прощаясь с вами, передаю поклон от Марьи Семёновны и еще раз напоминаю, что Вы всегда можете рассчитывать на нашу посильную помощь и поддержку.

Кланяюсь, целую Вас — Ваш Виктор Петрович.

19 марта 1991 г.

Красноярск

1. Н. Н. Яновский умер 24 сентября 1990 г. в Новосибирске.
2. 1-я часть романа «Прокляты и убиты» — «Чертова яма».
3. 2-я часть («книга») романа «Прокляты и убиты» — «Плацдарм». «Веселый солдат» — повесть.

Константин ГОЛОДЯЕВ

ВЛАСТЬ ПРОТИВ НАРОДОВЛАСТИЯ

От вече к Думе

До возникновения в конце XIX в. поселка строителей Транссиба первыми ростками народовластия на территории будущего Новониколаевска следует считать избрание правления и головы Кривошековской волости (с центром в с. Кривошеково). Этот вопрос решался мужской частью населения на волостном сходе, на котором обязательно присутствовали представители губернской власти и священничества. Обычно головами становились «примерные хозяева». История оставила нам имена кривошековских голов — Андрея сына Михайлова Шмакова, Гаврило сына Иванова Погадаева, Ивана Мельникова. Также сельские сходы выбирали из своего числа и доверенных лиц, на которых возлагались определенные функции. Например, в 1892 г. в Кривошекове доверенным был избран Пётр Васильевич Каренкин, который вел переписку с управлением округа о переселении селян на новые места. Из доверительного приговора:

...Постановили настоящий приговор избрать из среды своего Общества доверенного. И избрать крестьянина Петра Васильева Каренкина, который повидения хорошего под судом и следствием не состоял и — уполномочиваем его настоящим приговором просим его Каренкина ходатайствовать во всех наших делах... что он Каренкин по этому законно сделает, мы спорить и прекословить не будем*.

В первые годы поселка власть по-прежнему принадлежала сельскому сходу. Так, 3 декабря 1895 г. сход жителей Новониколаевского поселка принял ходатайство о преобразовании его «в посад или город». Приговор подписали 1076 человек. Для вручения прошения томскому губернатору была избрана специальная делегация — купец-часовщик С. М. Яренский, мещанин Е. Г. Шапкин и крестьянин М. В. Попов, которым сход поручил «явиться пред всеми должностными лицами и правительственными учреждениями, где то потребуется»**.

* Государственный архив Алтайского края, ф. 3, оп. 1, д. 879, л. 5.

** Поселок Новониколаевский // Новосибирск. 100 лет. События. Люди: 1893—1993 / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. — Новосибирск: Наука, 1993, с. 27—28.

Следующим летом, 12 августа 1896 г., в поселке состоялся очередной сход, на котором специально приехавший губернский окружной исправник предложил жителям выбрать старосту «поименным голосованием». Несмотря на навязываемые исправником кандидатуры купца Яренского или домовладельца Попова, общество (более полутора тысяч человек) простым демократическим большинством выбрало отставного военного писаря Илью Григорьевича Титлянова — «как человека хорошо им известного и также крестьянина, всем весьма доступного», а также в заместители ему крестьянина Дмитрия Налимова. «Приговор избирательного собрания был покрыт подписями 677 квалифицированных избирателей — домохозяев»*. Так крестьянин стал первым всенародно избранным старостой поселка и получил от исправника печать и знак старосты. Илья Григорьевич успел совершить немало добрых дел — обставил «канцелярию», переписал население, урегулировал деятельность извозчиков, обложил питейные заведения налогом на содержание пожарной команды, школ и больницы, организовал ночные сторожевые обходы, преследовал содержателей притонов и даже построил «анатомический театр» — поселковый морг.

Но уже 12 октября в поселке прошел еще один сход, инициированный окружным исправником, который «избрал гласных как от крестьян, так и от торгового класса в ограждении от самоуправства старосты». Первое собрание гласных прошло 14 октября и показало, что они «с намерениями и с хорошей головой». Но приговор о выборных гласных где-то затерялся и до утверждения губернатора не дошел.

Титлянов пробыл старостой только четыре месяца, до 24 декабря (по другим данным, до 13 января 1897 г.), поскольку после долгой волокиты губернское правление Томска его кандидатуру так и не утвердило. Губернский «Томский листок» обвинил старосту в незаконных действиях, вымогательстве, помощи разбойникам, «пьяном бюджете». После потока обличений некто Ново-Никольский поэтично возопил на страницах газеты: «Велика наша земля и обильна, а порядка в ней нет, придите же княжить... Неужели так-таки и нельзя завести порядок у нас в Ново-Николаевске?»** Старосту от дел отстранили, и власть в поселке была передана полицейскому приставу Ржевскому. Самовольные сходы были запрещены, а Титлянов даже был подкараулен стражником Лежнинным и сброшен с моста через Каменку. Сам Илья Григорьевич заявлял, что «перед народом был честен, и сейчас все общество может подтвердить».

Н. П. Литвинов в историческом очерке о Новониколаевске приводит обширную челобитную жителей поселка, поданную губернатору, в которой они защищали бывшего старосту, заявляли, что не желают подчиняться полицейскому чиновнику, и просили восстановить старосту или «выбрать нового на тех же правах».

Бывший староста тяжело заболел, к тому же разорился, поскольку успел вложить в поселок много личных средств, и тоже писал жалобу о произволе военному министру, а жители писали императору о своем бедственном положении, о равнодушии властей и просили дать им управление, а поселку статус посада или города. В ответ на жалобу император в мае 1897-го повелел «отнести

* Город Новониколаевск. Исторический очерк // Адресно-справочная книга «Весь Новониколаевск». — Новониколаевск, 1924, с. 7.

** Томский листок, № 265, 12 декабря 1896 г., с. 3.

расходы на первоначальное благоустройство <поселка> и содержание полиции на средства Кабинета Е. И. В.», что уже было прорывом, поскольку являлось не только официальным признанием нового поселка, но и подтверждало его полицейское управление.

Принимая во внимание сделанное Титляновым, стабильный рост доходов с аренды за землю, получаемых Кабинетом, двусмысленную докладную записку губернатора А. А. Ломачевского, написанную в ответ на запрос МВД по ситуации со старостой, можно предположить, что деятельность первого новониколаевского старосты была все-таки скорее положительной и просто шла вразрез с интересами некоторой зажиточной и влиятельной части его жителей.

В начале века, несмотря на запрет, народные сходы все же собирались. Они касались выбора уполномоченных для передачи ходатайств. Так, 13 и 22 февраля 1901 г. сходом была избрана депутация к томскому губернатору С. А. Вяземскому о передаче земель. 21 ноября 1902 г. в присутствии поселкового полицейского пристава общим приговором была избрана депутация для поездки в столицу и передачи Кабинету ходатайства о выкупе земель: Н. П. Литвинов, И. М. Луканин и А. И. Горлов. Эта депутация имела успех — 13 февраля Николай II удовлетворил ходатайство. Машина была запущена, и уже в конце того же года поселение Новониколаевск при станции Левая Обь было возведено «на степень безуездного города того же наименования». В поселке вводилось «общественное управление по Городовому Положению 1892 года в упрощенном виде на основаниях, указанных в приложении к статье 22 сего положения...». Уведомление об этом в губернском Томске получили лишь 21 января 1904 г.

Новым органом власти теперь выступал всесословный орган местного самоуправления — собрание городских уполномоченных (гласных). Число членов Совета допускалось Положением от 12 до 15 лиц на усмотрение местного губернатора, избирался он на четырехлетний срок сходом местных домохозяев. В его состав допускались и представители нехристианской веры — не более пятой части от общего числа уполномоченных.

Выборная кампания длилась до осени. Сначала на общем сходе горожане «имели суждение о выборах оценщиков усадебных мест». Была создана оценочная комиссия, определяющая лиц, имеющих право голосовать. Сама эта комиссия состояла из двадцати владельцев недвижимости. Кандидатами на пост председателя комиссии сход определил врача, издателя и книготорговца пензенского мещанина Николая Павловича Литвинова и колыванского купца А. И. Рукина. После рассмотрения сведений о политической благонадежности кандидатов губернатор назначил председателем комиссии Н. П. Литвинова «как лицо хорошо осведомленное с нуждами вновь образуемого города и постоянно ходатайствующее за жителей Ново-Николаевска, в качестве их поверенного»*. В июле, после призыва Николая Павловича на войну с Японией, председателем стал колыванский мещанин Лев Иванович Лапшин, представитель торгового дома Жернакова.

В обязанности этой утверждаемой губернатором комиссии входила оценка недвижимого имущества для определения прав их владельцев на участие в из-

* Государственный архив Новосибирской области, ф. Д-97, оп. 1, д. 5, лл. 6, 11, 11об.

бирательном сходе. К голосованию допускались лица мужского пола, достигшие 25-летнего возраста. Кроме того, необходимо было состоять в русском подданстве и не менее года владеть в пределах города недвижимым имуществом, обложенным оценочным сбором в пользу города. Имущественный ценз, дающий право на участие в выборах, был определен по низшей допустимой законом сумме в 100 рублей. Сколько людей могли позволить себе иметь недвижимость такой стоимости, можно судить по тому, что право выбора получили лишь около 830 человек, что составляло менее 25 % домохозяев города. Женщины в выборах не участвовали, но имевшие имущество могли уполномочивать для голосования своих родственников мужского пола. Также избирательное право было у обществ, товариществ и компаний, учрежденных по законам Российской империи, не менее года содержащих в пределах города свои предприятия и требующих выборки (оплаты) промысловых свидетельств.

Первоначальные списки избирателей за 3 месяца до выборов публиковались в губернской прессе, потом давалось две недели на их уточнение и списки публиковались вторично, но в срок не позднее чем за месяц до начала выборов. «Список лиц, имеющих право... на 1904 год» был опубликован в 16-м номере «Томских губернских ведомостей». В нем было 730 мужчин, 84 женщины и семь представительств от учреждений и торгово-промышленных фирм. Список был значительно уточнен по составу и по имуществу.

Первые официальные выборы (сход) состоялись в воскресный день 12 сентября 1904 г. и продолжались с двух часов дня до восьми вечера. Курировал их лично томский губернатор генерал-майор Константин Сократович Старынкевич. Явка выборщиков составила менее 19 % — 160 человек. То есть в выборах приняло участие менее 5 % от общего числа домохозяев.

Выборы производились тайным голосованием. Проходили те, кто имел большее количество голосов. После утверждения избранных губернатором и принятия присяги уполномоченные могли приступать к своим обязанностям. Если кто-то из них вдруг лишался имущественного избирательного ценза или отказывался от дальнейшей работы, его заменял следующий в списке по количеству голосов кандидат из непрошедших. Жалоб не поступило.

В выборном листе 1904 г. было 46 кандидатур. Пятнадцать из них в итоге составили Совет, еще семеро стали кандидатами. Самый лучший результат был у Л. И. Лапшина. Также из самых известных людей в первый Совет вошли Суриков, Луканин, Литвинов, Горохов и, что интересно, бывший староста Титлянов. Среди кандидатов: Маштаков, Ковнацкий, Крюков, Карелин. Списки были опубликованы в «Томских губернских ведомостях».

Восьмого ноября председателем Новониколаевского Собрания уполномоченных единогласно избрали Л. И. Лапшина, а еще через две недели Совет выбрал городского старосту и двух его помощников. Старостой единогласно был избран купец Иван Тимофеевич Суриков, а помощниками Иван Андреевич Карелин (зав. городской казной) и Александр Михайлович Луканин (зав. хозяйственной частью). 27 ноября все трое прошли утверждение губернатором. В этот же день Лапшин передал полномочия старосте. А 13 декабря губернский представитель торжественно вручил И. Т. Сурикову первую городскую печать.

Городское управление арендовало пять комнат второго этажа в одном из домов самого нового старосты. Стоило это городу 480 рублей в год, а общий бюджет города в 1905 г. составлял почти 83 тысячи рублей. Выборные должности в то время были хлопотными, но малооплачиваемыми — старосте полагалось 1200 рублей в год, его помощникам по 600. Остальные работали безвозмездно. И текучка уполномоченных была делом обыденным. Уже через полгода Совет лишился шести уполномоченных и одного кандидата (Самойлович выбыл «за смертью», Горохов «за непроживанием в Новониколаевске», а Яков Крюков, Луканин, Кривцов и Ковнацкий «согласно прошению»).

И купец Суриков с помощниками у власти были недолго, все они вскоре ушли в отставку. Уже осенью 1905 г. городским старостой «на текущее четырехлетие» был избран зажиточный крестьянин Захарий Григорьевич Крюков, но через полтора года, в феврале 1907-го и он уходит с поста. На место старосты Советом избирается издатель Николай Павлович Литвинов, но из-за неблагонадежности (увлечение социал-демократией) в этот раз он не проходит утверждение томского губернатора генерал-майора барона Карла Станиславовича фон Нолькена. Губернатор тогда мог приостановить или даже отменить любое решение горожан, в том числе итоги выборов. В июле 1907 г. новониколаевским старостой становится крупный домовладелец Алексей Григорьевич Беседин.

В 1907 г. Л. И. Лапшин, будучи председателем Избирательного Собрания, начинает предвыборную кампанию по избранию в городское самоуправление на новое четырехлетие. В апреле в газете «Томские губернские ведомости» публикуются списки избирателей. Новониколаевская газета «Объ» пишет:

Все избиратели города должны в воскресенье 17 июня 1907 г. в 12 часа дня явиться в здание Городского Общественного Управления для подачи голоса за достойнейшего кандидата в уполномоченное лицо. Выставляемые кандидатами должны быть в избирательном собрании, чтобы лично подтвердить свои желания баллотироваться в уполномоченные.

Но выборы уполномоченных в Городское Управление 1908—1911 гг. так и не состоялись из-за длительных переговоров с Кабинетом по выкупу земель в пользу города и прошений о введении в Новониколаевске полного объема городского управления.

11 ноября 1908 г. Николай II разрешает с 1 января 1909 г. поменять статус города, население которого за период 1893—1908 гг. выросло в 64 раза. Новониколаевск получает это известие лишь через месяц — 11 декабря губернатор Гондатти присылает старосте Беседину телеграмму: «Государь император высочайше соизволил согласиться на применение к Ново-Николаевску городского положения в полном объеме». Согласно 21-й статье Положения теперь «городское общественное управление состояло из Городской думы и Городской управы» и городу полагалась печать с собственным городским гербом.

19 декабря Собрание уполномоченных приняло решение о проведении выборов в состав первой Городской думы. Вновь оперативно составляются списки домохозяев. Минимальный «оценочный сбор» недвижимого имущества на новое четырехлетие составлял уже 300 руб. Избирательных прав не имели представители иностранных компаний, евреи, священнослужители, судимые, чины

прокурорского надзора, полиции, ряд городских чиновников, а также содержатели и сидельцы питейных заведений низшего разряда. «Томские губернские ведомости» вновь публикуют список новониколаевских избирателей.

Уже 28 декабря в доме Понганского по ул. Кузнецкой* в помещении Городского Общественного Управления состоялось предварительное избирательное совещание, куда через газету «Объ» приглашались все лица, имеющие избирательное право, «для ознакомления с законоположениями о выборах и намечения кандидатов в гласные». Совещание это, насколько известно, прошло бестолково, а чтобы избиратели прониклись важностью момента, в газете была опубликована памятка, в которой рекомендовалось выбирать людей:

Городское дело знающих,
 Делать его умеющих,
 Благо народное понимающих,
 Лицеприятия не знающих,
 Жизнь общественную и ее деловые пути уразумеющих...
 В дугу совесть не сгибающих.

Первые выборы гласных на четырехлетие (1909—1913), прошедшие с разрешения губернатора 18 января 1909 г., были признаны несостоявшимися, поскольку вместо 60 человек (40 гласных и 20 кандидатов) удалось выбрать только 37. Повторное голосование прошло через полтора месяца — 1 марта 1909-го. В выборном листе 196 кандидатов. Из них на общем избирательном собрании избрали 40 гласных заседателей и двух кандидатов. Через две недели довыбрали еще 14 кандидатов. В состав гласных думы вошли состоятельные люди — 24 купца, 2 владельца промышленных предприятий, 5 домовладельцев, 2 врача, 2 подрядчика, присяжный поверенный, полковник действительной службы, управляющий торговым предприятием, биржевой маклер и машинист паровоза.

Обязанности гласных исполнялись безвозмездно. По закону оплачивался лишь труд городского головы и его помощников, а размер этого вознаграждения определяла Городская дума. Жалованье городского головы в 1909 г. составляло уже 3600 рублей в год.

Городской голова, его секретарь и три помощника составляли исполнительный орган власти — Городскую управу, члены которой избирались думой из числа ее гласных тоже на четыре года. Сотрудники Городской управы считались чиновниками, состоящими на госслужбе. Десятого апреля гласные из своего состава выбрали городского голову — Николая Павловича Литвинова, членов управы Е. М. Захарова, Г. М. Кузнецова, а также к ним кандидата Р. С. Шалля. Собрание городских уполномоченных и староста А. Г. Беседин передали власть избранной Городской думе. Но кандидатура Литвинова вновь не прошла утверждение томского губернатора — на этот раз Николая Львовича Гондатти. Вероятно, именно по предложению Гондатти 29 апреля 1909 г. и был избран городским головой известный купец Владимир Ипполитович Жернаков (25 избирательных шаров против 10).

* Ныне «Универсам» на ул. Ленина.

Заступающим на место городского головы 20 сентября 1911 г. был избран мещанин лютеранин Рудольф Самуилович Шалль, который исполнял обязанности градоначальника во время командировок и болезни В. И. Жернакова в период зимы и весны 1913—1914 гг.

Владимир Ипполитович вступил в должность городского головы как раз накануне трагически известного пожара, оставившего без крова тысячи горожан. Он отлично справился с его последствиями и в целом очень продуктивно прошел весь выборный срок, снискав на этом посту благодарность горожан и лавры почетного гражданина города.

За время управления Жернакова Новониколаевск получил значительный задел в развитии городской инфраструктуры. В 1912 г. бюджет города вырос до 1 миллиона рублей. Он складывается из налогов на промышленные заведения, торговлю, домовладения, платы за аренду земли, городских помещений и т. д.

Если все предшествовавшие выборы проводились на одном избирательном участке, то выборы гласных на следующее четырехлетие (1913—1917) проходили уже на трех участках: Центральном, Вокзальном и Закаменском. Выбирали (согласно числу избирателей) соответственно 23, 12 и 5 гласных на участке. В результате выборов в Городскую думу второго созыва, проведенных в феврале 1913 г., в ее состав вошли 21 купец, 5 домовладельцев, 4 врача, 2 промышленника, 2 подрядчика, 2 биржевых маклера, присяжный поверенный, войсковой полковник, машинист и служащий железной дороги. Городским головой на второй срок с жалованьем 5000 рублей в год был переизбран В. И. Жернаков, но вскоре он из-за слабости здоровья подал в отставку.

И 1 апреля 1914 г. городским головой избрали А. Г. Беседина, уже бывшего в 1907—1909 гг. городским старостой. Заступающим на место головы был избран П. Е. Майлов.

Во время Первой мировой войны из-за малолюдности избирательных собраний и отсутствия надлежащих кандидатов выборы на следующее четырехлетие (1917—1921) планировалось провести опять на едином избирательном участке. Решение о перевыборах было принято на заседании Городской думы 16 декабря 1916 г. Намечались они на весну 1917-го...

Выборная карусель

Но год государственных переворотов изменил все. Утром 3 марта в Новониколаевск пришло известие об отречении императора Николая II. На власть в городе сразу же стали претендовать несколько самостоятельных структур разных политических толков. В тот же день на первом общегородском митинге, затянувшемся за полночь, был создан проправительственный Комитет общественного порядка и безопасности, председателем которого был избран эсер Николай Евграфович Жернаков, двоюродный брат бывшего городского головы.

4 марта прошли выборы новониколаевского Совета рабочих и военных депутатов. Он формировался не по территориальному принципу. От каждого предприятия избирались депутаты (1 от 50 человек), от гарнизона квота была 4 человека с полка и по 1 человеку с отдельных частей. В первый состав Совета вошли 112 депутатов, представлявших около 8 000 рабочих и 40 тысяч солдат. На первом его заседании был избран исполнительный комитет из 15 человек

(11 рабочих и 4 солдата). Председателем исполкома стал социал-демократ Владислав Исаевич Герман-Каменский. Надо отметить, что первые Советы поначалу вовсе не претендовали на политическую власть, а в своих решениях выступали с думой и Комитетом то сообща, то порознь.

На заседании думы было решено, что «до созыва городского народного собрания... работа Городской думы должна протекать в соподчинении местному Комитету общественного порядка и безопасности, как единственному представителю Временного правительства в Новониколаевске»*.

3 (16) апреля по инициативе томского губернского Комитета проходят выборы в новый орган власти — городское народное собрание, в которых приняли участие почти 38 500 избирателей (почти половина жителей). Выборы эти были всеобщими, прямыми, равными и тайными. Из 80 мест в собрании 67 заняли эсеры (32 288 голосов — 84 %), 7 — социал-демократы, 2 — домовладельцы и мелкие торгово-промышленники, по одному — список газеты «Свободная Сибирь», мусульманская и еврейская общины и республиканцы-демократы. Домовладельцы вокзальной части не получили ни одного места. Главой исполкома собрания 25 апреля избирается председатель правления общества «Обской кооператор» эсер Александр Кесаревич Скворцов.

27 апреля городской голова А. Г. Беседин окончательно складывает свои полномочия. Два месяца ранее он уже подавал прошение об отставке. После того как 2 марта на заседание думы ворвалась толпа «революционеров» во главе с В. И. Герман-Каменским, Беседин снял с себя знак городского головы и вышел из зала. Тогда его все-таки уговорили остаться в должности до проведения новых выборов в думу, а для контроля над деятельностью городского самоуправления решено было избрать комиссара, которым стал Л. А. Викар.

В апреле Временное правительство утверждает новые правила выборов гласных городских дум. В них декларируется прямое, всеобщее, равное и тайное избирательное право. Избирательные права получают и военнослужащие. Кроме того, разделяются должности городского головы и председателя Городской думы. Таким образом, городское народное собрание признано нелегитимным, но самораспуститься оно отказалось, подавляющим большинством (37 «за», 5 «против» и 6 воздержавшихся) приняв следующую резолюцию, предложенную эсером Борисом Дмитриевичем Марковым:

Народное собрание находит, что утверждение выборных органов местного самоуправления центральным правительством или его административными органами в настоящее время после переворота является достоянием прошлого. Возможна лишь отмена судебными властями в кассационном порядке**.

В середине июня, согласно постановлению правительства о введении земства в Сибири, новониколаевское уездное народное собрание принимает решение о преобразовании в уездное земское собрание.

В середине сентября происходит раскол у социал-демократов. РСДРП разбивается на две самостоятельные партии, и большевики призывают к перевыборам новониколаевского Совета рабочих и солдатских депутатов. Экстренное

* Десять лет на службе городу: Новониколаевская Городская дума в документах и материалах. 1909—1919. — Новосибирск, 2008, с. 446 сл.

** Государственный архив Новосибирской области, ф. Д-97, оп. 1, д. 242, л. 1, 2.

заседание Совета состоялось 21 сентября. На новых выборах в исполнительный комитет было избрано 17 эсеров и 15 большевиков. Председателем Совета абсолютным большинством (125 «за», 1 «против» и 8 воздержавшихся) был избран эсер М. Ф. Омельков.

Ситуация меняется стремительно. В сентябре и октябре 1917-го в Городской думе проходят перевыборы. Они происходят на фоне резкого обострения ситуации во всех сферах жизни города: экономической, транспортной, жилищной, продовольственной. На этом спекулировали все партии. После развернутой предвыборной агитации в выборах приняло участие более 22 тысяч человек. Состав думы огромен. Из 103 мест больше всего голосов получают большевики (список № 4) — 34 места (7 613 голосов), затем эсеры (№ 3) — 24 места, партия народной свободы (№ 5) — 17 мест, союз домовладельцев (№ 10) — 10 мест, меньшевики (№ 12) — 6 мест, мусульмане (№ 1) — 4 места, народные социалисты (№ 6) — 3 места, союз служащих правительственных и общественных учреждений (№ 8) — 2 места, еврейская община (№ 9) — 2 места, союз квартиранIMATEЛЕЙ (№ 7) — 1 место. Кандидаты по спискам № 11 (союз солдаток) и № 2 (домовладельцы Вокзального района) не смогли получить ни одного места.

А уже 5 ноября 1917-го на основе новых правил снова проходят выборы в Городскую думу. Участие в них приняли 15 150 человек (44,5 % избирателей). На 80 мест гласных думы претендовало 272 кандидата от шести блоков. В результате подавляющее большинство мест в думе вновь у эсеров (список № 1) — 42 места (8 032 голоса), 14 у общественных организаций города (№ 5), 12 у большевиков (№ 3), 7 у меньшевиков (№ 2), 2 у оборонцев (№ 6) и 1 у республиканцев-демократов (№ 4). Были разделены должности председателя думы и городского головы. Первое заседание думы, состоявшееся 28 ноября, избрало своим председателем В. П. Ляпунова, а городским головой — председателя народного собрания А. К. Скворцова.

Совет рабочих и солдатских депутатов не согласился с итогом выборов в думу и 16 ноября заявил о создании «социалистического министерства» и передаче власти в городе и уезде Комитету охраны революции. Однако уже 27 ноября комитет этот был распущен.

В тот же день 16 ноября состоялись выборы нового исполкома Совета. Он избирался «по принципу пропорционального представительства», и здесь тоже больше всего голосов получили эсеры — 10 мест, 7 мест — большевики и 3 — меньшевики. Председателем Совета выбрали левого эсера прапорщика Игнатия Павловича Ботко.

12 (25) ноября 1917 г. на большей части территории страны начались выборы во Всероссийское учредительное собрание. Положение о выборах было принято еще в марте и подразумевало всеобщие равные права избирателей без имущественного и национального ценза, участие женщин и военнослужащих. Эти прямые выборы с тайным голосованием были не просто демократичными, а прогрессивными для своего времени даже по нормам международного права.

В Новониколаевском уезде выборы членов учредительного собрания проходили с 12 по 18 ноября. И в этом случае результатом выборов стала победа партии социалистов-революционеров (эсеров), которые согласно официальным

данным получили по стране 40 % голосов (у большевиков — 16 %), в Новониколаевске 66,4 % (против 11,7 % за большевиков и 10,5 % за кадетов). А во всем Новониколаевском уезде эсерам отдали голоса более 165 тысяч человек (92,5 %).

Первыми депутатами всероссийского представительного органа от новониколаевцев стали бывший политический ссыльный, председатель губернского комитета ПСР Борис Дмитриевич Марков (он же Ф. А. Доронин), член партийного комитета новониколаевской организации ПСР, председатель новониколаевского Совета рабочих и солдатских депутатов Михаил Фёдорович Омельков и редактор газеты «Земля и воля» С. С. Мичурин.

5 (18) января 1918 г. в Петрограде Учредительное собрание открыло свое первое заседание и в ночь на 6-е даже успело принять несколько документов Российской Демократической Федеративной Республики, но утром прозвучала знаменитая фраза начальника охраны Таврического дворца анархиста Железняк — «Каравул устал» и «учредилка» была разогнана большевистским ВЦИК.

Тем временем на III Западно-Сибирском съезде Советов, прошедшем в Омске 2—10 (15—23) декабря 1917 г., было принято решение об установлении советской власти. В Сибири началось «триумфальное шествие Советской власти». 9 (22) декабря было принято решение о создании в Новониколаевске отрядов Красной гвардии и пулеметной команды, которым из гарнизона было передано 400 винтовок, 19 пулеметов и несколько тысяч патронов. В ночь с 13 на 14 (с 26 на 27) декабря в большом зале Городского торгового корпуса было объявлено о взятии власти новониколаевским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Всенародно избранная Городская дума еще некоторое время продолжала работать, но только в отношении хозяйствования и под контролем Совета депутатов. А 25 января исполком новониколаевского Совдепа под руководством нового председателя В. Р. Романова принимает решение о ее упразднении на основании резолюции III съезда крестьянских депутатов Новониколаевского уезда.

29 января в 12 часов 30 минут постановление предъявляется городскому голове. История эта напоминает сценарий роспуска Учредительного собрания в Петрограде. Происходит она при волнении собравшейся толпы, под выкрики «захватчики, насильники, держиморды, угнетатели». Здание торгового корпуса заняли силы Красной гвардии, руководимой председателем ревтрибунала А. И. Петуховым. «Подчиняясь грубой силе, члены управы удалились из корпуса, составив о происшедшем насилии акт»*. Функции Городской думы и управы переходят к новониколаевскому Совету городского хозяйства, бюро которого возглавил А. А. Черепанов. Через два дня была распущена и земская управа.

Но на следующий день состоялось конспиративное совещание Городской думы, на котором было признано необходимым обратиться к населению с воззванием высказать свое отношения к захвату власти Советом. Особо в резолюции говорилось об отказе в сложении полномочий «до предъявления требования со стороны самих избирателей».

* Насилие над городским самоуправлением // Свободный голос Сибири, 31 января 1918 г., с. 2.

После свержения советской власти 14 июня 1918 г. Городская дума возобновляет свою работу во главе с теми же Ляпуновым и Скворцовым.

Последние в истории нашего города выборы гласных Городской думы состоялись в 1919 г. Они проходили по новому закону, принятому правительством Колчака в декабре 1918-го. На них было зарегистрировано только два кандидатских блока: № 1 «Деловой и внепартийный» и № 2 «Демократический». Город был разделен на пять избирательных округов по два участка в каждом. Предстояло избрать 54 человека — десять по первому округу и по одиннадцать в остальных, а также по два кандидата в каждом.

Выборы несколько раз переносились. Они состоялись 29 июня, и в них приняли участие 5 354 человека (22 % избирателей), но из-за многочисленных жалоб и «затери» документов по дороге в губернский Томск были отменены. К следующему сроку — 12 октября — управа не успела подготовить документы. И все-таки 16 ноября 1919 г. выборы состоялись — за месяц до прихода Красной армии. В них победили кандидаты списка № 1 (среди них был и бывший голова В. И. Жернаков). 27 ноября в помещении Городской думы в присутствии священничества четырех вероисповеданий вновь избранные были приведены к соответствующей присяге. 3 декабря был избран последний городской голова Рудольф Самуилович Шалль, уже имевший опыт работы «заступающим на место». Членами Городской управы были избраны Потанин и Федотов.

Последним протоколом новониколаевской Городской думы от 11 декабря 1919 г. стала спешно записанная простым карандашом и датированная уже следующим днем (видимо, заседание проходило в ночь) запись о «взятии огня на себя»: «Ввиду боевого приказа об эвакуации гражданских и военных учреждений и ввиду того, что город остается без охраны, — взять заботу об охране города в ведение городского самоуправления, организовать комиссию по охране в городе порядка и спокойствия под председательством городского головы <...> обратиться к Военному Ведомству с просьбой о выдаче оружия». До окончательной ликвидации Городской думы оставалось менее двух недель.

14 декабря в Новониколаевск вошли части 27-й стрелковой дивизии красных, и 17 декабря вся власть в городе перешла к чрезвычайному органу советской власти — Революционному комитету во главе с В. Ф. Дружицким.

Началась новая эпоха в истории нашего города — советская.

Алексей ГОРШЕНИН

**«ДРУГАЯ ЖИЗНЬ»
АЛЕКСАНДРА ЗАВОЛОКИНА**

Герой этого очерка широкой публике известен в основном как музыкант, композитор, исполнитель частушек и народных песен, как, наконец, один из знаменитых братьев Заволокиных, еще при жизни ставших легендой современной русской культуры. Но это только одна сторона его творческой сущности. Была и другая, пусть менее заметная на фоне музыкальной и артистической деятельности, однако же не менее интересная и важная.

Вот об этой грани творческого дарования Александра Дмитриевича, до сих пор остающейся как бы в тени его с братом музыкальной славы, и хотелось бы сегодня поговорить.

Когда мы в конце 1987 г. с А. Заволокиным познакомились, они с Геннадием были уже необыкновенно популярны. Знакомство наше состоялось в редакции «Сибирских огней». Я работал тогда заведующим отделом прозы. В один из октябрьских дней на пороге моего кабинета возник наш главный редактор Г. Карпунин с незнакомым мне крупным мужчиной.

— Вот, познакомься, — сказал Карпунин, подталкивая гостя к моему столу, — Александр Дмитриевич Заволо-

кин. — И, наверное, чтобы снять мои последние сомнения, добавил: — Старший из дуэта Заволокиных.

Я пожал гостю руку, недоумевая, каким ветром его, представителя совсем другой культурной сферы, занесло в литературный журнал.

Словно читая мои мысли, Карпунин пояснил:

— Александр Дмитриевич не только музыкант, но и в слове себя пробует. — Сделал паузу и добавил: — Да он тебе сам все покажет и расскажет. Разберешься. — И вышел, оставляя меня один на один с именитым артистом.

Несколько позже я узнал, что сам Карпунин с Александром познакомился тремя годами ранее в селе Бергуль на севере Новосибирской области, где они пересеклись на открытии дома-музея П. П. Бажова. В рассказе «Слух поплыл без паруса, без весел...» А. Заволокин так описал эту встречу:

«В тот вечер мне посчастливилось познакомиться с заместителем главного редактора (через три года он станет главным. — А. Г.) журнала “Сибирские огни” известным поэтом Геннадием Фёдоровичем Карпуниным. О многом тогда мы с ним переговорили. Я рассказал

о первых своих литературных опытах и получил приглашение к творческому сотрудничеству...»*

И вот, созрев, видимо, за три года для такого сотрудничества, или набравшись смелости, А. Заволокин пришел в редакцию.

Присев на краешек стула по другую сторону моего стола, гость нервно порылся в небольшом портфельчике, извлек оттуда канцелярскую папку с тетрадками, развязал их, подвинул папку мне.

— Вот... — сказал он, явно робея и чувствуя себя очень неуверенно. — Тут наброски кое-какие, зарисовки. Не посмотрите?

Первым моим желанием было отфутболить посетителя, сказав, что всякие там «зарисовки», «наброски» и «черновики» мы не принимаем, а дело имеем с законченными произведениями. И был бы, придерживаясь буквы редакционных регламентов, совершенно прав. Но напротив меня сидел известный всей стране артист и привел его не кто-нибудь, а сам главный редактор, поэтому... Да и, сказать честно, меня заело любопытство: что же такого интересного мог написать пусть хоть и широко известный в своей области, но все же далекий, как мне тогда казалось, от литературного ремесла человек?

Когда мы распрощались, я начал читать. В папочке с машинописными листками, что передал мне А. Заволокин, было десятка три новелл, лирических эссе и миниатюр о родной сибирской земле, ее природе, людях, о детстве в деревне послевоенной поры...

Были они, как я и предполагал, очень сырые, над ними надо было еще работать и работать, но вызвали неподдельный интерес. В них билась, пульсировала

живая, непридуманная жизнь русского народа, сибирской глубинки, с которой, чувствовалось, у автора кровная связь. Теплая и светлая любовь к родной земле и людям, на ней живущим, пронизывала нехитрые истории, рассказанные А. Заволокиным.

Да, автору явно не хватало литературного мастерства. Но это было делом поправимым и наживным. Было бы что поправлять. И я стал работать.

Дело оказалось непростым. С одной стороны, иногда приходилось чуть ли не переписывать исходный текст, чтобы сделать его удобоваримым, литературно грамотным, прояснить авторскую мысль, а с другой — надо было и автору не навредить, сохранить его самобытность и своеобразие. И, наверное, мне это удалось. Во всяком случае, когда, отредактировав рассказы, я вызвал Александра Дмитриевича посмотреть на плоды моего труда и согласовать правку, он долго всматривался в предложенный мною вариант текста, а потом удивленно воскликнул:

— Надо же! Весь смысл тот же остался, все, что хотел сказать, вроде бы на месте и мое, а звук другой — чище, полнее, красивее. Словно на простор вырвался! Да и красками новыми оброс, вариациями. Это, знаете, как с песней: создается мелодия на какую-то тему или слова, но пока она еще только «рыба», грубая основа. А вот уж после обработки, аранжировки песня и получается... От аранжировщика и зависит в основном, какими красками она в конце концов заиграет... — Александр Дмитриевич бережно сложил листки с моим вариантом текста и, как бы подводя итог, сказал: — Вот и у нас с вами: я — мелодист, вы — аранжировщик. И спасибо за то, что вы с ними, — Заволокин показал на миниатюры, — сделали.

* Заволокин А. Вот так они и жили. Рассказы, очерки, эссе, миниатюры. — Новосибирск, 2010, с. 20.

В августовском номере 1988 г. «Сибирские огни» опубликовали цикл лирических новелл и миниатюр А. Заволокина под общим заголовком «Нужна земля человеку». Литературный дебют известного музыканта состоялся. Вспоминая о нем, Александр Дмитриевич в зарисовке «Перепутали» позже напишет:

Радости моей от появления на страницах популярнейшего тогда сибирского литературно-художественного периодического издания не было предела. Журнал выходил большим тиражом, распространялся по всему Советскому Союзу, имел широкого и устойчивого читателя. Публикация не осталась незамеченной. Через какое-то время я получил почтовый конверт из «Политиздата», в котором обнаружил гранки с моими рассказами и письмо с просьбой напечатать их в отрывном календаре на ближайший год. Тиражи таких календарей («чисельников», как их в народе называли) доходили до семи миллионов экземпляров. Это было для меня настолько неожиданно, что я заволновался и позвонил главному редактору «Сибирских огней» Карпунину.

— Что делать? — спросил.

— А ничего, — невозмутимо ответил Геннадий Фёдорович. — Напиши на гранках в левом верхнем углу «сверил, автор», поставь подпись и верни обратно. Рад за тебя.

Потом печатали меня и в больших иллюстрированных настенных календарях. А мои друзья-гармонисты и поклонники нашего с братом творчества присылали мне вырванные из календарей листочки с моими рассказами и миниатюрами. И я был бесконечно счастлив оттого, что они, разлетевшись по городам и весям, обрели читателей в различных уголках нашей огромной родины...*

Но пройдет еще добрый десяток лет, прежде чем та первая литературно-художественная публикация А. Заволокина

получит свое продолжение и развитие в новых журнальных подборках и книгах, которые на рубеже веков одна за другой будут выходить в Новосибирске.

А на заре туманной юности ничто не предвещало, что начинающий тогда музыкант А. Заволокин станет в будущем еще и интересным литератором, оригинальным прозаиком.

Родился Александр Дмитриевич Заволокин 25 марта 1946 г. в селе Коровине Парабельского района Томской области. Сюда, в Нарымский край, в начале 1930-х гг. из алтайского села Мезенцева были вывезены его деды Захар Фёдорович Заволокин (по отцу) и Елизар Егорович Колмогоров (по матери). Здесь же, в ссылке, поженились их дети Дмитрий Захарович и Степанида Елизаровна. В августе 1938 г. родился у них первенец Анатолий. А в 1942-м Дмитрия Захаровича забрали на фронт. Ему повезло. Хотя и раненый (левая рука перебита, в голове осколки), но все же живой вернулся. Остаток Великой Отечественной войны он проработал бригадиром полевых доз. В первый послевоенный год у Заволокиных появился еще один сын — Саша, за ним, через два года — Гена.

В 1953 г. после смерти Сталина всем «лишенцам» и «спецпереселенцам» было разрешено покинуть места ссылки, и семья Заволокиных навсегда рассталась с Парабелью, отправившись в поисках подходящего места жительства вверх по Оби. В дороге добрые люди подсказали, что едва ли не самое подходящее место — это поселок Сузун с благоприятным для здоровья климатом и прекрасным бором. Здесь и обосновались. А в 1954 г. родилась у Заволокиных дочь Валентина.

* Заволокин А. Вот так они и жили. Рассказы, очерки, эссе, миниатюры. — Новосибирск, 2010, с. 22.

В Сузуне проходили школьные годы братьев Заволокиных. После седьмого класса Александр пришел устраиваться в районный Дом культуры на работу баянистом. Должность эта была уже занята. «Что ты еще умеешь делать?» — спросил его директор ДК. «Плясать!» Кроме «Яблочка», Александр плясать ничего практически не умел, но директор его взял, написав в приказе: «Принять на работу в Сузунский ДК в качестве руководителя танцевального кружка». Так в июне 1961 г. началась трудовая деятельность А. Заволокина.

«Чем только не приходилось заниматься в мое первое трудовое лето! — вспоминал впоследствии Александр Дмитриевич. — Вечерами “крутил танцы” на танцплощадке — как-никак, а это соответствовало моей штатной должности, играл на баяне, ездил с агитбригадой, плясал и даже иногда подменял контролера на киносеансах...»*

Потом было заочное обучение на оркестровом отделении в Новосибирской культпросветшколе, а в 1964 г. Александр с Геннадием поступают на первый курс народного отделения в Новосибирское музыкальное училище (Александр — по классу балалайки, Геннадий — домры). Александр к этому времени успел еще окончить сузунскую вечернюю среднюю школу и получить аттестат зрелости.

Правда, проучиться Александру в музыкальном училище пришлось только год. После первого курса, осенью 1965 г., его призвали в армию. Но ему повезло. Он опять оказался в музыкальном коллективе — служил в Новосибирском ансамбле песни и пляски войск МВД. С ним Александр впервые попал в Мо-

скову, где в 1967 г. участвовал в сводных концертах в Кремлевском Дворце съездов, посвященных 50-летию Советской власти. Демобилизовавшись в 1968 г., А. Заволокин восстанавливается в училище и завершает музыкальное образование.

На этом, собственно, и заканчивается сузунская пора жизни братьев Заволокиных. О ней много позже Александр расскажет в автобиографической «повести-воспоминании» «Речка-судьба». Расскажет увлекательно, ярко, поэтично, с колоритными сочными деталями и неподражаемым народным юмором. А еще — с любовью и нежностью к дорогим и близким людям, своим землякам, к родным привольным местам.

После окончания в 1971 г. музыкального училища А. Заволокина направили по распределению руководителем ансамбля русской песни и танца в Кольванский сельскохозяйственный техникум. Попал он туда не случайно. Его очень хотел заполучить директор техникума В. А. Титарев — страстный любитель народных песен, танцев, музыки.

В Кольвани Александр получил не только работу, но и, поскольку к этому времени успел жениться, двухкомнатную квартиру. Жена его, тоже музыкант, устроилась в местную музыкальную школу.

Отношения между Александром и его будущей супругой завязались еще в музыкальном училище. В лирическом этюде «Зимние настроения» Заволокин вспоминает, как все тогда начиналось.

После службы в армии меня, как старшего по возрасту (среди студентов училища. — А. Г.), назначили инспектором оркестра... Однажды я организовывал погрузку музыкальных инструментов в автобус, а молодежь позанимала все места, и мне при-

* Заволокин А. Речка-судьба. Повесть-воспоминание. — Новосибирск, 2000, с. 60.

шлось ехать стоя. Вот здесь-то и произошла приятная неожиданность.

— Саша, иди сюда, есть место, — услышал я.

Я протиснулся по заставленному инструментами проходу и увидел однокурсницу, совсем еще молодую девчонку — домристку по имени Рая.

— Садись! — пригласила она, показав место рядом с собой...

После концерта я уже сам попросил Раю занять в автобусе для меня место, поскольку опять занимался погрузкой реквизита.

Потом мы часто ходили в кино, вместе занимались музыкой... И я с неудержимым желанием бежал в училище, чтобы увидеть Раю... Так я встретил свою любовь...*

Забегая вперед, скажу, что любовь эта продолжалась более сорока лет их совместной жизни, до тех пор, пока не стало Александра Дмитриевича.

Из Кольвани Александр и Раиса Заволокины перебираются весной 1973 г. в Новосибирск. Работал Александр сначала в новосибирском Доме культуры им. Клары Цеткин хормейстером народного хора, которым руководил брат Геннадий. А в 1974 г. братья становятся артистами Новосибирской государственной филармонии, выступают с программой «Частушка на эстраде» (позже просто «Частушка»).

И начинается их концертная жизнь с бесконечными разъездами. Выступают они как в простых сельских клубах, так и на лучших концертных площадках страны — Большой зал Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, Колонный зал Дома Союзов, Большая концертная студия «Останкино»... Заволокины снимаются в программах Центрального телевидения «Шире

* Заволокин А. Родное и близкое. Миниатюры, эссе. Сибирские побасенки. — Новосибирск, 2007, с. 52—53.

круг!», «Споемте, друзья!», «Утренняя почта», участвуют в передачах Всесоюзного радио «Доброе утро», «Это звонкое чудо — частушка». А в 1985 г. создают и собственную телепередачу «Играй, гармонь!», которая собирает многомиллионную аудиторию любителей и ценителей русской народной музыки, а их самих делает знаменитыми. Еще через год Заволокины получают звания заслуженных артистов РСФСР...

Как видим, стопроцентно музыкальная биография. Были ли в ней время и место занятиям литературным? Оказывается, были.

А началось все с увлечения сибирским фольклором. Частушками в первую очередь. О том, как это было, А. Заволокин расскажет сорок лет спустя в книге «Госпожа Частушка». Однажды его однокурсница подарила ему на день рождения книгу «1000 частушек Ленинградской области». Александр раскрыл ее и безоговорочно влюбился в чудодейственные частушечные четверостишия. А книга эта, по его признанию, «стала самым лучшим и дорогим в жизни подарком». И подумалось тогда, «а не собрать ли мне свою тысячу частушек — только уже Новосибирской родной области»**. И довольно скоро появились первые «ласточки». А самые первые частушки А. Заволокин записал со слов одной из студенток, когда работал в Кольванском сельскохозяйственном техникуме. Потом после каникул частушки ему стали привозить и другие студенты, жившие в различных деревнях и селах Новосибирской области.

Бывая с концертами в деревнях и селах, братья Заволокины и сами попутно

** Заволокин А. Госпожа Частушка. — Новосибирск, 2003, с. 104.

записывали частушки, побасенки, былички, пословицы, поговорки этих мест. Впрочем, фольклорная работа велась не только параллельно с концертно-исполнительской деятельностью. Ездили братья по деревням и селам и специально с целью сбора частушек.

Первым результатом их собирательской работы стала вышедшая в 1977 г. в Новосибирске книжка «Сибирские частушки». Потом появятся сборники «Частушки Западной Сибири», «Сибирские побасенки».

Несколько особняком стоит в этом ряду книга, ставшая результатом специальной фольклорной экспедиции по шукшинским местам, предпринятой А. Заволокиным осенью 1979 г.

Случилось так, что братья Заволокины одновременно прочитали роман Василия Шукшина «Любавины» и, по признанию Александра, «были очарованы правдиво описанными сценами вечеров, где так душевно говорилось о гармонии, балалайке, песне и частушке». Тогда-то и возникла идея проехать по местам знаменитого земляка и записать «частушки, говор земляков Василия Макаровича». Мечту Александр реализовал, и десять лет потом они с братом пели на своих концертах «Частушки родины Шукшина». А в 1986 г. одноименную книгу выпустило Алтайское книжное издательство.

Еще одна встреча с творчеством Шукшина состоялась у братьев на съемках фильма «Праздники детства» по мотивам его рассказов. Обо всем этом А. Заволокин расскажет в большом очерке «В том краю, где красная калина...».

Шукшин был не единственным литератором, повлиявшим на творческую деятельность братьев Заволокиных. Надо сказать, что оба они были большими книголюбями и вкусы их во многом сходились. Так, оба очень любили Есенина. Алек-

сандр же Заволокин в эссе «Слово о песне» признается: «Лирика Есенина меня всегда радует, будоражит воображение, держит “на плаву”, придает мне жизненные и творческие силы»*. И каждый из братьев Заволокиных писал песни на есенинские слова.

А с некоторыми известными русскими поэтами-современниками Заволокины были знакомы лично и находились с ними в теплых дружеских отношениях. В частности, с Виктором Боковым, знатоком и страстным почитателем русской частушки и народной музыки. Однажды, будучи в Новосибирске, точнее в селе Соколове Кольванского района, куда приехал для съемок телепередачи «Русская речь», автором и ведущим которой он являлся, Виктор Фёдорович подарил братьям свой поэтический двухтомник, на титуле которого, как вспоминает А. Заволокин в очерке «У частушки — лицо гармонии», на одном дыхании, без единой остановки начертил автограф в стихах:

Геннадий и Саша,

Сибирь ваша!

Когда вы под балалайку и баян

Волнуете по середке и краям,

Залезаете в душу людскую —

Я строго взыскую —

и по самой высшей шкале

Оцениваю вас в Соколове-селе!

Дай-то вам Бог

*счастливых дорог!***

Общим для братьев творческим соотарищем был и известный новосибирский поэт Александр Плитченко, на стихи которого Г. Заволокин написал несколько песен.

* Заволокин А. Родное и близкое. Миниатюры, эссе. Сибирские побасенки. — Новосибирск, 2007, с. 11.

** Заволокин А. Госпожа Частушка. — Новосибирск, 2003, с. 147—148.

Многие годы поставщиком текстов для песен братьев, и прежде всего Александра, был и другой стихотворец из Новосибирска — самодеятельный поэт из литературного объединения «Молодость» при ДК им. Клары Цеткин Пётр Панасюк.

Упомянутое литобъединение, кстати, стало местом рождения звездного дуэта. Вот как вспоминает об этом А. Заволокин:

В 1973 г. ему (объединению «Молодость». — А. Г.) исполнилось четверть века, и мы с Геннадием были приглашены на юбилейный вечер. Естественно, пришли мы с балалайкой и баяном. Мы исполнили песню на стихи Петра Панасюка <...>, а затем спели частушки «Сир-бирь-бирь». Такого успеха мы не ожидали. И оригинальные тексты, и мелодия, и, очевидно, братское наше исполнение под баян с балалайкой пришлись литературной братии по душе. Так состоялось наше «крещение», так родился дуэт братьев Заволокиных*.

Так что, как видим, литературно-музыкальная «смычка» в творческом «теле» братьев Заволокиных существовала всегда. При безусловном лидерстве музыкальной составляющей. Однако рано или поздно должна была ощути-мо проявиться и сторона литературная, должен был дать о себе знать вирус сочинительства. И это действительно случилось. Сначала у Геннадия. Время от времени он прищипывает Пегаса — создает тексты к собственным песням, пишет, кроме того, публицистические статьи и очерки о народном творчестве, которые публикует в центральной печати, в журнале «Сибирские огни». А в 1986 г. в Москве выходит книга Геннадия Заволокина «Частушка на эстраде». Пройдет время,

* Заволокин А. Госпожа Частушка. — Новосибирск, 2003, с. 113.

и Геннадий примерит на себя роль издателя — несколько лет он будет выпускать под своей редакцией иллюстрированный журнал «Играй, гармонь!».

Что касается Александра, то литературная грань его творческой природы проявится несколько позже. У него обнаружится тяга к лирическому рассказу, короткой, но емкой новелле, миниатюре, или же малоформатному, за редким исключением, очерку, где он стремится показать либо человека с его судьбой и характером, либо передать какое-то поразившее, запавшее в душу впечатление, нарисовать картину природы.

Но все это, так сказать, предпосылки. Что же касается конкретного толчка, импульса, приведшего в действие сочинительский механизм и побудившего взяться за перо, то по этому поводу А. Заволокин в одной из главок «Госпожи Частушки» пишет:

Иду однажды по сузунской улице, догоняю двух средних лет женщин. Те «беспрестачи» о чем-то судачат. Не говорят, а тарабанят... Решил я этих тарабанщиц обогнать. А когда обогнал, решил на них взглянуть. Раз оглянулся, другой... Симпатичные женщины. И вдруг слышу от одной из них:

— Ну, чего крутишься?

— Здравствуйте! — вздрагиваю от неожиданности.

— Здравствуйте, здравствуйте, — отвечает женщина. — Ты прям как наша бабка Алёна. Та тоже со всеми подряд здороваётся. Привезли ее в город к дочке, она вышла на улицу — и давай по привычке со всеми, кто встретится, здороваться. Наконец, надоело ей поклоны каждому по отдельности отпускать, она тогда начала: «Здравствуйте всем! Здравствуйте всем!» Строгого склада и поведения бабулька была. Я как-то спросила у нее: «Как вы раньше жили?» А она: «Кто как. Кто так и сяк, ни с чем пирог ел. А некоторые уважительно жили к людям. И меня матушка уважительности учила. Ты людей

уважаешь — они тебя тоже. Почему в войну, как ни голодно-холодно было, жили лучше, чем сейчас? Потому что беду в каждом доме ждали. Оттого и уважение было...»

Меня так тронула эта встреча со случайными моими собеседниками, что я записал эту историю на бумагу. С тех пор вот и записываю все, что кажется интересным, что поразило воображение. Записей этих становится все больше и больше. Но именно та встреча побудила меня на доброе, я надеюсь, дело*.

Все вроде бы очень просто: услышал нечто заслуживающее внимания, зафиксировал на бумаге. Но записать — полдела. Важно ведь еще и понять-почувствовать, что увиденное или услышанное будет интересно не одному тебе, но и другим, что и других оно заставит сопереживать. А для этого понимания-предвидения и слух особый нужен, и зрение, и интуиция. А ими А. Заволокин обделен не был.

Сказался тут, конечно, и опыт собирателя-фольклориста. По признанию Александра Дмитриевича, после записи уже первых тысяч частушек он стал реагировать буквально на любое живое и меткое народное слово, сказанное вовремя и в лад. Да и тяготение к малоформатным жанровым формам, в которых на ограниченном словесном пространстве можно достигать значительной глубины, тоже шло у А. Заволокина от частушки, которую он воспринимал как маленькую поэму. Частушка, утверждал он, это «поэма в четыре строки. Поэма о жизни: тяжелой и чудесной. Поэма о любви: ранящей и возвышающей. Поэма об эпохе: сложной и вселяющей надежду. Поэма народа о себе самом»**.

* Заволокин А. Госпожа Частушка. — Новосибирск, 2003, с. 153.

** Там же, с. 176.

Своего рода микропоэмами о жизни вокруг, о жизни такой, какая она есть, являются по большей части и литературные произведения А. Заволокина. Обычно они лишены какого-то стройного сюжета. Само естественное течение земного существования становится бесконечно многообразным в своих проявлениях сюжетом. Сценка за сценкой, эпизод за эпизодом, одна житейская история за другой — тклет Заволокин «живую паутинку» жизни (так назвал он одну из миниатюр и книг своих, которые очень точно и выразительно это подчеркивают) русского народа, сибирской глубинки.

Внешняя бессюжетность многих заволокинских произведений не мешает оставаться им внутри себя прочно спаянными и цельными, ибо в каждом из них есть четкий смысловой стержень, ключевая мысль.

Вот зарисовка «Отцовская карьера». Герой ее вспоминает о прошлой жизни, о лошадях, которых всегда любил он и понимал, с которыми имел дело большую часть своей жизни. А жизнь к закату сложилась так, что лошадей теперь, живя в городской квартире, приходится видеть лишь по телевизору. А ему это — нож по сердцу:

— Жалко мне, ох жалко...

Отец содрогнулся весь, нервно сжал губы и замолчал. Потом нараспев каким-то чужим голосом, с трудом вымолвил: — Карьера моя кончилась... Все, что знал, умел, применить сейчас некуда. До-ожил... Кто я теперь — никто. Гайки, машины — это не мое, да я их и не любил никогда. Лошадей вижу — плачу. Дело мое любимое было... Ох, любимое дело...***

*** Заволокин А. Живая паутинка. Рассказы. Очерки, миниатюры. Изд. 2-е. — Новосибирск, 2005, с. 92.

Налицо, как видим, драма человека, лишившегося главного дела своей жизни.

Ключевая мысль в произведениях А. Заволокина искусственно не выплывает, не формулируется, а вырисовывается по ходу повествования. Как происходит это, например, в лирической зарисовке «За облепихой».

Мать с сыном отправляются собирать дикую облепиху. Мать впервые за весну и лето вырвалась из круга бесконечных домашних забот. На пути пшеничное поле. При виде его у матери наворачиваются слезы. Встав на колени, «она трогала руками колосья, обнимала их, гладила и чуть слышно приговаривала: — Хлебушко! Батюшко!..» А когда позже сын спросил, почему она плакала, мать ответила: «Как увидела поле, колосья, сердце мое зашло. Я ведь с детских лет хлеб на Алтае убирала... Тут заплачешь... С детства я к нему приучена была...»*

За весьма расхожей, в общем-то, мыслью, что «хлеб всему голова», что он основа основ сельского бытия, просматривается здесь еще и глубинная суть характера крестьянина-хлебороба.

О близких и дорогих сердцу людях у А. Заволокина написано немало. В книге «Живая паутинка», например, им посвящен целый раздел из нескольких десятков новелл и миниатюр под названием «Дорогие мои земляки». И к ним он каждый раз возвращался снова и снова.

Чем особенно богаты и интересны литературные произведения А. Заволокина, так это как раз человеческими характерами. Но персонажей своих он специально не ищет. Они либо всплывают из памяти, воскрешая далекое детство («Дед», «Пастух»,

* Заволокин А. Живая паутинка. Рассказы. Очерки, миниатюры. Изд. 2-е. — Новосибирск, 2005, с. 25.

«В то далекое время», «У меня есть гармошка»), либо встречаются в гастрольных поездках, деревнях и селах, где приходится бывать с концертами («Федя Добренских из Каревки», «Репочка», «На земле и под водой»), или же просто оказываются случайными попутчиками в поездах, электричках, соседями по дому или даче... Но все они, так или иначе, олицетворяют народную жизнь, простого русского человека.

Простого, но, заметим, не примитивного. Каждый заволокинский персонаж по-своему самобытен и оригинален, в каждом есть своя особенная и изюминка.

Нелишне отметить и своеобразный их юмор: с хитроватым прищуром, намеком, а подчас и мудрой назидательностью в подтексте. Как, например, в миниатюре «С душою сажил».

Сажали два соседа картошку. Один все делал добросовестно, любовно и собрал хороший урожай, другой работал спустя рукава и поимел соответствующий результат.

— А как ты, Иван, такую картошку вырастил? — удивляется сосед.

— С душою сажил.

— Вот как?.. А я один сажил... — погоревал сосед**.

Во многих своих произведениях А. Заволокин проявляет завидное умение ограниченными художественными средствами показать в человеке самое существенное. А то и вовсе с помощью какого-либо штришка или характерного слова удается ему высветить человека, что называется, до доньшка. Как происходит это в миниатюре «Легко».

Легко — любимое словечко ее героя Мишки Кругликова. Ему все «легко», за что бы ни взялся. И живет он так же легко, не задумываясь ни о чем всерьез, скользя по поверхности, не пуская корней.

** Там же, с. 112.

И невольно вспоминаются рассказы Василия Шукшина. Ощущается у А. Заволокина духовная с ним близость, слышна переключка — в характерах персонажей (один как-никак пласт народной жизни сибирской глубинки разрабатывали), в манере изображения.

Впрочем, слышны отголоски не только шукшинской прозы. В очерке «Река жизни» Обь под пером А. Заволокина предстает в образе поражающего воображение космогонического родового дерева всех «земляков-сибиряков», живущих на ее стволе-русле и ветвях-притоках. Подобного же рода гиперболический образ возникал ранее в одном из стихотворений А. Плитченко («Обь — великое древо Азии...»).

И такие переключки и влияния с точки зрения процесса творческого роста и становления любого автора вполне естественны.

В мире заволокинских произведений живут люди самые разные — хорошие и не очень, со своими достоинствами и недостатками. Нет среди них только злых и жестоких. Не потому, что таких вообще не существует на земле. Просто в рассказах и миниатюрах А. Заволокина им не находится места. Ибо очень верит автор в доброту людскую. Как верит и в то, что превыше всего на свете — любовь. Потому книги его насквозь пронизаны светлой и теплой любовью к жизни, к человеку и, конечно же, родной земле. Нерасторжимую с нею связь А. Заволокин подчеркивает во многих своих произведениях.

Радовался я и восхищался краями южными, краями северными, но только ты, родная сторона, всех ближе мне и дороже. Твои частушки, говор, песни и души людские — все это крепко-накрепко сидит в моем сердце, волнует его и трогает до боли. Не разлюбить

мне тебя никогда, край мой отчий, земля, у которой такое строгое и нежное, как подснежник, красивое имя — Сибирь. Родная сторона! Ты для меня все: надежда, радость, мечты...*

Этим насколько взволнованным, поэтичным, настолько и страстно-патетическим признанием завершается миниатюра «Родная сторона». Она, кстати, открывала ту дебютную подборку в журнале «Сибирские огни». И со временем окажется — совершенно не случайно. Ибо задавала тональность и направление всему дальнейшему литературному творчеству А. Заволокина. Патриотическому по сути и лирическому по форме выражения.

Но далеко не всегда (и даже достаточно редко) восхищение «родной стороной» передано А. Заволокиным в таких вот возвышенных тонах. Обычно голос его негромок, мягок и задушевен. В неброских, но запоминающихся красках и деталях запечатлевает он, как правило, и увиденное вокруг. Лучше всего, пожалуй, видно это в зарисовках и миниатюрах А. Заволокина, посвященных родной природе.

В миниатюре «Старая береза» он пишет:

Мне показалось: сухая, старая замшелая береза вдруг зимой ожила. Опушил, обнял ее ветки мягкий, липкий снежок, а скупое зимнее солнце на закате бросило на нее теплый сиреневый свет, и береза зардела, расцвела. Загорелся, засветился ее вечерний наряд. Единственный и последний в жизни наряд**.

Уже по одному этому своего рода «стихотворению в прозе» видно, что

* Заволокин А. Живая паутинка Рассказы. Очерки, миниатюры. Изд. 2-е. — Новосибирск, 2005, с. 13.

** Там же, с. 36.

А. Заволокин красоту родной земли ценит не меньше остальных ее достоинств. Именно через нее, красоту, в первую очередь и начинается духовное единение с родиной.

Немалое место в прозе А. Заволокина составляют рассказы, очерки, зарисовки о музыкантах, гармонистах, исполнителях частушек, превратностях артистической жизни — то есть о том, что было до последних его дней неотъемлемой частью судьбы самого Александра Дмитриевича. В основе своей, по фактуре они чаще всего документальны, отражают ту или иную реальную ситуацию, конкретный случай. Рассказывают, например, как рождалась знаменитая песня Г. Заволокина «Я — деревня, я — село...», как проходили съемки телепередачи «Играй, гармонь!» («Снежный вальс», «Съемка на Шаболовке») или же о каких-то забавных случаях из концертной практики («Песенная поляна», «Зеленый концерт», «Кунчурукский пирог»). Вместе с тем и по форме, и по авторскому мироощущению это самые настоящие лирические новеллы. Органично дополняя произведения А. Заволокина о родной земле, природе, о встречах на жизненных дорогах, они составляют с ними как бы единое художественное целое, отображающее мощный пласт народного бытия и культуры.

Значительное место в литературном творчестве А. Заволокина занимает тот период их братского дуэта, что связан был с телепередачей «Играй, гармонь!» и ансамблем «Частушка». О рождении и истории этого музыкального коллектива, появившегося в 1987 г., его артистах А. Заволокин подробно расскажет в книге «Госпожа Частушка» в цикле очерков «Золотая десятка». Детали же и подробности предельно насыщенных, очень не легких, но и удивительно плодотворных

творческих будней самих братьев Заволокиных, не щадя сил трудившихся много лет в одной связке, читатель может найти во многих других произведениях Александра Дмитриевича, разбросанных по его книгам.

Однако в 1998 г. в семейном дуэте произошел давно назревавший разрыв. Александр расстается с братом и уходит из «Частушки». А в 1999 г. создает свой ансамбль под названием «Вечерка» из молодых музыкантов, в числе которых и его сын Антон.

Фактически с этого же времени резко активизируется и литературная деятельность А. Заволокина. В «нулевые» годы выходит шесть его книг. Собственно, самое интересное и значительное было написано и явлено А. Заволокиным читателю именно в это время.

Молодой ансамбль колесил по российским городам и весям, радуя своим искусством и обретая все больше поклонников. А его художественный руководитель помимо привычных балалайки и баяна не расставался теперь с ручкой и карандашом, фиксируя все новые примечательные эпизоды и сюжеты бурлящей вокруг жизни, которые становились кирпичиками будущих книг.

И все-таки братья оставались братьями. Помнили друг о друге, следили за творческими делами и даже сходились, хоть и крайне редко теперь, на одной сцене. Как случилось это весной 2001 г. на юбилейном концерте А. Заволокина в Новосибирской филармонии, посвященном его 55-летию. Собственно, по инициативе Геннадия тот концерт и состоялся и организован им был. Он же его и вел. И выступал, как в прежние добрые времена, в паре с братом. И сыновья их, Антон с Захаром, братья двоюродные, певшие, как их отцы, дуэтом, тоже прекрасно звучали и смотрелись и заставляли

думать, что эти крепнущие молодые по- беги достойно продолжают начатое За- волокиными грандиозное дело поддержания и сохранения народной культуры.

Но, увы, это будет последним со- вместным выступлением легендарных братьев. Через несколько месяцев, в июле 2001 г., Геннадий Заволокин погиб- нет в автокатастрофе под селом Шарап в Ордынском районе Новосибирской об- ласти.

Несколькими годами ранее в под- московном Звенигороде при исполне- нии служебных обязанностей погиб их старший брат Анатолий, майор милиции. В одной из миниатюр А. Заволокина («Сибирский кедр») он позже предста- нет в образе могучего кедра богатырской стати, которого однажды «свалила... под корень злая бандитская рука». И вот но- вая невосполнимая потеря...

О том, насколько сильно и глубоко пе- реживал Александр Дмитриевич смерть Геннадия, красноречиво свидетельствует целый ряд посвященных этому горестно- му событию его произведений, лейтмоти- вом которых может служить фраза, кото- рой заканчивается одно из них: «Плачу, терплю, люблю, помню!..»

Ни при жизни Геннадия, ни после его ухода Александр, даже при упомина- нии случившегося между ними разлада, никогда не отзывался о брате негативно. И не потому, что о мертвых плохо гово- рить не принято. Просто он всем серд- цем, несмотря ни на какие их разногла- сия, любил Геннадия и, наверное, как никто более, понимал истинный масштаб его дарования, его творческой и духовной личности. В эссе «Две березы» Алек- сандр Дмитриевич пишет:

То, что делал Геннадий Заволокин своим творчеством, — это, конечно, подвиг, высо- кое подвижничество. Через телепрограмму

«Играй, гармонь!» он сумел огромное число россиян приобщить к народной культуре, а через нее — и к православной христианской вере. <...> Через частушки и песни, через народную песенную культуру Геннадий За- волокин нашел твердый и надежный путь к душе человека, сам сумев при этом подняться к горным высотам Духа. Своим творчеством он мощно противостоял разрушительному масскульту с его аморальными и полностью безнравственными «окнами», «домами-2» и прочей телевизионно-попсовой зловонной гнилью. Теперь, когда его нет, с особой остро- той чувствуешь, какого богатыря русской духовности, радетеля и защитника народной культуры потеряла в лице Геннадия Заволо- кина Россия*.

Хочу добавить, что слова эти в пол- ной мере относятся и к самому Алексан- дру Дмитриевичу, ибо многие годы Ген- надий опирался на его надежное плечо, вместе с ним «через народную песенную культуру» прокладывал «путь к душе человека» и противостоял масскульту. И не один только Геннадий, а оба брата Заволокины были и, надеюсь, останутся навсегда в нашей памяти истинными «бо- гатырями русской духовности».

А жизнь продолжалась. В начале 2000-х «Вечерку» трудно было застать дома. Ансамбль не вылезал из поездок. «Последние поездки по стране показыва- ют, — утверждал А. Заволокин, — что интерес к живой музыке, песне и частуш- ке все больше растет»**.

И не только, как оказалось, в самой России. По приглашению немецкой сто- роны, в марте-апреле 2006 г. ансамбль «Вечерка» целый месяц гастролировал по югу Германии. Выступали в Мюнхене и еще целом ряде баварских городов. И вез- де имели большой успех. Впечатлениями

* Заволокин А. Вот так они и жили. Рассказы, очерки, эссе, миниатюры. — Новосибирск, 2010, с. 15–16.

** Там же.

об этой замечательной поездке Александр Дмитриевич поделится с читателями в путевом очерке «Из дальних странствий...», написанном очень живо, непосредственно, наблюдательно. Общаясь с жителями Германии, он приходит к выводу, что «очень любят немцы живую инструментальную музыку, в частности баян, гармонь». А завершается очерк признанием: «“Богатства” никакого мы отсюда не привезли, а душевная радость от концертных выступлений в этой стране и встреч с немецкими друзьями живет до сих пор»*.

К 2000 г. у него вышло две книги — «Золотые планки» (1997) и «Речка-судьба» (2000), а в последующее десятилетие еще пять — «Живая паутинка» в двух изданиях (2001, 2005), «Госпожа Частушка» (2003), «Родное и близкое» (2007) и «Вот так они и жили» (2010). Кроме того, вышли в эти же годы несколько сборников, в которых А. Заволокин был составителем.

И, надо заметить, он не испытывал проблем с распространением своей книжной продукции. В отличие от подавляющего большинства нынешней пишущей братии. Напротив, книги его расходились с завидной быстротой. Хотя тираж их — 3000 экземпляров — по сегодняшним меркам был немалым. Более того, приходилось иной раз допечатывать, а «Живую паутинку» и «Речку-судьбу» еще и переиздавать. Тут, конечно, надо принимать во внимание, что главным читателем Александра Дмитриевича был его же зритель. На концертах Заволокина — перед их началом, в антрактах — книги его расходились влет — как горячие пирожки. К автору выстраивались очереди, а он и тут, как несколько минут назад на

сцене, трудился в поте лица, до третьего звонка раздавая автографы.

К автографам Александр Дмитриевич относился серьезно, творчески, а не отделялся просто росписью. Для каждого, кто просил подписать его книгу, он пытался найти свои слова. На последней странице обложки последней книги Александра Заволокина «Вот так они и жили» как раз и запечатлен момент, когда Александр Дмитриевич, раскрыв книгу на титульном листе, думает над очередным автографом читателю (в данном случае — читательнице). Не берусь гадать, какой автограф он ей оставил, но наверняка знаю, что кроме теплых слов пририсовал Александр Дмитриевич традиционный цветочек, которым одаривал читательниц.

Есть и у меня несколько его книг с теплыми дружескими пожеланиями, начертанными размашистым, но аккуратным и разборчивым почерком.

«Ну, брат, спасибо тебе за все! Алексею Горшенину — духа, побед тебе и благоденствия!» — написал он на титульном листе «Речки-судьбы».

«Как всегда, с благодарностью. Спасибо, спасибо, спасибо! Всех тебе земных благ!» — расписался на книге «Живая паутинка».

«С особой благодарностью, да и еще будем-пребудем!» — начертал он на титуле «Госпожи Частушки».

А на книге «Вот так они и жили», подаренной мне с некоторым запозданием (не вылезал из гастролей), написал: «Дорогому Алексею Валериевичу! Моему “годку” (мы родились с Александром Дмитриевичем в один год, только я на два месяца позже). Спасибо за понимание, за все доброе, светлое! Дружески».

Книга эта станет у музыканта и писателя А. Заволокина последней. Да и сама жизнь его через два с небольшим года после ее выхода преждевременно оборвется...

* Заволокин А. Вот так они и жили. Рассказы, очерки, эссе, миниатюры. — Новосибирск, 2010, с. 107.

Их общее братское дело, которое они начинали, выпуская совместные книги, Александр Дмитриевич продолжил и в своей собственной литературной деятельности. Выше я уже упоминал о книге Геннадия Заволокина «Частушка на эстраде». Через семнадцать лет Александр Дмитриевич в продолжение темы выпустит книгу «Госпожа Частушка», где поделится с читателями своими размышлениями об этом уникальном жанре. Но если книга Геннадия больше музыковедческая и публицистическая, то «Госпожа Частушка» скорее тяготеет к художественному воплощению темы, в котором А. Заволокин весьма, надо сказать, разнообразен и изобретателен.

Книга «Госпожа Частушка» — это достаточно органичный сплав добротной прозы, живой публицистики, воспоминаний о ярких моментах артистической жизни, размышлений о жанре, которому отдана была вся музыкальная жизнь ее автора. Причем не только он сам ведет разговор с читателем, но и ему дает слово. В завершающем книгу разделе «Обратная связь» воспроизведены многочисленные частушки, рождавшиеся прямо на заволокинских концертах, авторами которых были зрители. Многие из них были посвящены самим братьям.

...Частушки о нас... сыпались со всех сторон: от гармонистов, самодеятельных артистов и даже профессиональных литераторов, поэтов. Они шли нам по почте, десятками в записках попадали на сцену из зрительных залов во время концертов. Зрители писали частушки на билетах, на медицинских рецептах, водительских путевках, салфетках... Кто подписывался полностью, с фамилией, именем и отчеством, кто просто писал свое имя, чаще всего указывали лишь ряд и место свое в зрительном зале. Приезжая домой с гастролей, мы порой привозили по полному целлофановому мешку, набитому такими вот,

на чем попало записанными, частушечными текстами. <...> Иной раз на концертах возникали целые частушечные перепалки, в которых и коллизии свои были, и даже нечто подобное любовным интригам...*

Как и сами братья Заволокины, разные по характеру, их книги отличаются по авторской манере, подходу к одной и той же теме, общему для них материалу. Но, безусловно, роднит их поистине благоговейное отношение к «госпоже Частушке» как к уникальному музыкально-поэтическому жанру и одной из важнейших основ народной культуры.

Продолжил А. Заволокин еще одно «литературное» дело, которое они начинали когда-то вместе с братом, связанное с собиранием жемчужин народного творчества. Кроме частушек это сибирские побасенки, байки, различного рода «шутки, усмешки, прибаутки» и прочая «всякая всячина» и «собируха» народно-фольклорного происхождения, которая органично дополняет в книгах А. Заволокина его оригинальные произведения. Собирацию Александр Дмитриевич отдавал много времени и сил. Один из его бывших коллег по ансамблю «Частушка» Олег Иванченко вспоминает:

Куда бы ни приводили его гастрольные дороги, он за кулисами, в антракте или во время концерта, «на натуре» съемок передачи «Играй, гармонь!» всегда чутко прислушивается к происходящему вокруг, подмечает каждую мелочь, каждое заинтересовавшее слово, а по вечерам в гостиничном номере, в автобусе или на вокзале аккуратно записывает удивительные по разнообразию и богатству фантазии присказки, частушки. Так происходило всегда в разных районах нашей необъятной России...**

* Заволокин А. Госпожа Частушка. — Новосибирск, 2003, с. 218.

** Иванченко О. Для радости душевной // Частушки от братушки. Выпуск второй. — Новосибирск, 2004, с. 3—4.

Сам же Александр Дмитриевич к нескончаемой этой работе относился как к важной для себя творческой задаче и культурно-патриотической миссии. Предваряя публикацию юмористического цикла «Собируха про Гвоздя», он пишет:

Живое народное слово, говор — это богатейший мир разнообразных чувств, житейских образов, сказочных персонажей и ощущений. Через этот мир человек еще раз открывает себя и определяет свое предназначение на земле. Насколько ему удастся понять слово, проникнуть в глубину его и тайну, настолько человек — патриот своей Родины, своего народа, настолько он причастен к окружающей его жизни, делам, людям. Через живое народное слово по-новому слышим мы и воспринимаем такие слова, как земля, дед, мать, Отчизна*.

Что касается выпуска частушечных сборников, которые когда-то они взялись издавать с братом, то А. Заволокин задумал в продолжение целую их серию под общим названием «Частушки от братушки». В 2003 г. увидел свет первый выпуск. Всего же Александр Дмитриевич успел издать шесть. И я думаю, что их, проживи он дольше, могло бы быть гораздо больше, потому что его и без того огромная коллекция частушек постоянно пополнялась.

В одной из своих «затесей» «Последняя радостная симфония России» (отрывок из нее Александр Заволокин включил в книгу «Вот так они и жили») Виктор Астафьев писал:

...Когда смотрю и слушаю по телевидению дивное действо под названием «Играй, гармонь!», меня всегда душат слезы. А душат меня слезы не только от восторга, но и горестного сознания того, что братья Заволокины

вместе с остатками нашего замороченного народа творят последнюю радостную симфонию России. «А Русь в сиреновом дыму и плачет, и поет...» — не раз про себя повторял я, слушая русскую гармонию, а она переборы льет-заливается, а из груди стон: «Да куда же? Зачем? Почему все уходит?» И братья крепыши-сибиряки, и подвиг их творчества ужели напрасны? Где, из чего взять веру в завтрашний день, ведь она без народной музыки, без пляски, песни и радости невозможна. Сброд и шпана рождают сбродное, злобное искусство, народ — народное, ликующее. Где же наш народ? Куда он улетел? Куда уехал? Убыл надолго ли и песни с собой унес?..**

Однако же всей своей творческой практикой (и музыкально-артистической, и литературно-фольклорной) А. Заволокин утверждал, что не «улетел», не «уехал», не «убыл» никуда народ русский со своей музыкально-песенной и словесно-языковой культурой. Несмотря ни на что, культура народная пробивается сквозь асфальт и бетон сбродного попсового масскульта, коробит и рушит его. И убедительно иллюстрирует это Александр Дмитриевич в своих книгах многочисленными красноречивыми примерами, почерпнутыми из самой гущи народной жизни.

И «веры в завтрашний день» А. Заволокину тоже было не занимать. И не только из-за зрительской благодарности, вдохновлявшей его на новые творческие усилия. Он ведь и сам творил «завтрашний день», создавая и пестуя ансамбль «Вечерка». Александр Дмитриевич видел за молодым поколением «народников» будущее и был убежден, что именно им, этим замечательно одаренным и прекрасно музыкально образованным ребятам предназначено дальше сохранять

* Заволокин А. Родное и близкое. Миниатюры, эссе. Сибирские побасенки. — Новосибирск, 2007, с. 182.

** Заволокин А. Вот так они и жили. Рассказы, очерки, эссе, миниатюры. — Новосибирск, 2010, с. 268—269.

основы народной культуры, продолжать ее традиции. Потому и желает артистам «Вечерки» «счастья на долгие годы и творческих удач». И дает им свое «родительское» напутствие: «Да будет благоденственен ваш труд!»*

«Песня — моя жизнь. <...> Я считаю себя счастливым человеком. И в первую очередь потому, что мне довелось душой и сердцем прикоснуться к жемчужинам народной русской песни», — признается А. Заволокин в эссе «Богатство народной песни»**. Но и к самоцветному русскому слову — фольклорному ли, литературному, без которых и песня не может существовать, — тоже. Так что жизнь в музыке и жизнь в слове, в том числе и слове литературном, становятся для А. Заволокина со временем органично взаимосвязанными сторонами его творческого бытия.

От книги к книге росло литературное мастерство А. Заволокина. Он и здесь все увереннее переходил на профессиональные рельсы. В 2011 г. собрание Новосибирской писательской организации рекомендовало Александра Дмитриевича для приема в Союз писателей России. Я был одним из его рекомендателей. Довольно быстро решение собрания утвердила Москва. Осталось получить членский билет. Передавались писательские удостоверения в местные отделения либо с оказией, либо, если кому из новоиспеченных членов удавалось самим вырваться в столицу, получали их непосредственно на Комсомольской, 13.

Александр Дмитриевич тоже рассчитывал на последний вариант. Из-за плотного гастрольного графика попасть

в Москву никак не получалось. А потом случилась трагедия...

Только что вернувшись из очередной поездки в Кузбасс, Александр Дмитриевич позвонил мне:

— Валериевич, дорогой, — сказал, — надо бы встретиться. Давно не виделись.

Не пересекались мы действительно давненько.

— Я тут кое-что насобирал и набросал для новой книжки. Когда увидимся, заодно и покажу.

Мы договорились сойтись у него дома через два дня, в ближайшую субботу.

А в субботу позвонила Раиса Васильевна и сообщила...

Проблемы с сердцем были у Александра Дмитриевича не первый год. Даже операцию на коронарных сосудах ему в клинике Мешалкина делали. Но ненадолго она его уберегла. Изматывающий ритм (а скорее аритмия) и темп разъездной артистической жизни, не слишком здоровый образ жизни, я думаю, и довели его окончательно. Сердце не выдержало...

22 сентября 2012 г. Александра Дмитриевича Заволокина не стало. Случилось это шокирующе неожиданно. Словно бы на полном ходу упал он как подкошенный и больше не поднялся. Шел ему 67-й год. На одиннадцать лет пережил младшего брата, но так же, как и Геннадий, много чего не успел сделать, осуществить из задуманного.

...И снова возвращаюсь я к эссе «Две березы».

Начинается оно с воспоминания о березах во дворе родительского дома, что в Новом поселке под Новосибирском. Приезжая сюда в гости, Александр с Геннадием «летними звездными вечерами не раз простаивали допоздна под “божественной чистоты и белизны” березами,

* Заволокин А. Вот так они и жили. Рассказы, очерки, эссе, миниатюры. — Новосибирск, 2010, с. 182.

** Там же, с. 30—31.

привалившись к ним спинами. Говорили о песне, частушках, работе на эстраде, телевидении, о делах больших и малых, размышляли, мечтали. Мы и сами тогда, — говорит автор, — были сродни родительским тем березам: два брата — две березы»*. А в финале эссе эти же березы предстают в образе грустных подружек, скорбящих об ушедшем. И для автора они «как вечная память» о младшем брате.

Сегодня, когда не стало уже и брата старшего, несколько по-другому видятся те заволокинские березы. Не покидает ощущение, что по закону реинкарнации души братьев переселились в них, перевоплотились в этот белоствольный «березовый» дуэт, который, в свою очередь, стал символом вечной памяти о них самих, братьях Заволокиных, и их подвижничестве на трудной стезе возрождения и сбережения народной культуры.

От редакции. Автору этого очерка исполняется 70 лет (родился 18 мая 1946 года). И четыре десятилетия он самым тесным образом связан с «Сибирскими огнями» — и как работник журнала, в котором в разные годы возглавлял отделы прозы, поэзии, критики, был долгое время членом редколлегии, и как постоянный автор, публиковавший здесь многочисленные произведения разных жанров.

Поздравляя Алексея Валериевича Горшенина с юбилеем и желая ему новых произведений, хороших и разных, редакция надеется на дальнейшую творческую дружбу.

* Заволокин А. Вот так они и жили. Рассказы, очерки, эссе, миниатюры. — Новосибирск, 2010, с. 15.

ИЗДАНО В СИБИРИ

— Алтайский край —

История границы — история страны. Алтай — земля пограничная: [сб. очерков / ред. А. Муравлёв]. — Барнаул: Алтапресс, 2015. — 255 с.

Более чем девяностолетняя история пограничных войск вобрала в себя судьбы сотен воинов — от солдата до генерала. Нынешнее поколение алтайских пограничников помнит о своих предшественниках, дорожит их памятью и достойно продолжает славные пограничные традиции.

Сборник очерков является попыткой кратко описать историю становления и развития пограничной охраны с древних времен до наших дней на южносибирских рубежах нашей Родины на примерах безупречной службы по охране государственной границы СССР и Российской Федерации наших земляков, жителей Алтайского края.

Издание включает в себя очерки о казачьем периоде охраны границы на Алтае; об Алтайском пограничном отряде, на протяжении девяноста лет стоящем на страже государственной границы; о подвиге пограничников — уроженцев Алтайского края, принявших неравный бой в первый день Великой Отечественной войны; об участниках вооруженных конфликтов у озера Хасан, на острове Даманский и у озера Жаланашколь, а также на реке Халхин-Гол; о тех, кто выполнял интернациональный долг в Афганистане, кто защищал внешние границы СНГ в Республике Таджикистан, принимал уча-

стие в контртеррористических операциях в Чеченской Республике.

Издание включает в себя Книгу памяти пограничников, призванных военкоматами Алтайского края и погибших (пропавших без вести, умерших) в период прохождения воинской службы в Пограничных войсках СССР (Российской Федерации) в 1923—2004 гг., пограничников — уроженцев Алтайского края, удостоенных звания Героя Советского Союза (Героя Российской Федерации) в период прохождения службы в погранвойсках, а также пограничников — уроженцев Алтайского края, чьи имена были присвоены пограничным заставам.

*Подготовила Елена Ширина,
ведущий библиотекарь отдела
обслуживания пользователей
Алтайской краевой универсальной
научной библиотеки им. В. Я. Шишкова*

Дариус, Е. И. Художник Алексей Борисов. Жизнь во имя искусства / Е. И. Дариус; Гос. художеств. музей Алт. края. — Барнаул: РИО Алт. ГАУ, 2015. — 205 с.: ил., портр.

Имя художника Алексея Николаевича Борисова является знаковым для искусства Алтая 1920—1930-х гг. Живописец, график, декоратор, педагог, член Союза советских художников, А. Н. Борисов стоял у истоков формирования и развития профессионального изобрази-

тельного искусства и художественного образования на Алтае, и в частности в Барнауле, в первые годы становления советской власти.

Наиболее полная информация обо всех известных на сегодняшний день произведениях художника, в том числе утраченных, содержится в книге «Художник Алексей Борисов. Жизнь во имя искусства». В издание вошли уникальные материалы (воспоминания родственников, коллег, учеников), рассказывающие о творческой и педагогической деятельности художника. Многие из этих материалов публикуются впервые и позволяют непредвзято судить о личности А. Н. Борисова и его месте в истории изобразительного искусства сибирского региона. Основными источниками для книги стали работы Борисова, находящиеся в собрании Государственного художественного музея Алтайского края (ГХМАК), а также материалы научного архива музея, опираясь на которые можно проследить весь жизненный путь художника — интеллигентного, мужественного, целеустремленного, бескорыстного, с высокими нравственными идеалами, безгранично преданного своему делу.

Глава «Каталог произведений А. Н. Борисова» содержит сведения о 565 работах. В книге приведен список литературы о жизни и творчестве художника. Издание иллюстрировано архивными фотографиями А. Н. Борисова и фоторепродукциями его произведений, находящихся в собрании ГХМАК.

*Подготовила Галина Гончаренко,
библиограф отдела краеведения
Алтайской краевой универсальной
научной библиотеки им. В. Я. Шишкова*

Мызников, Д. В. По дороге домой: повесть / Д. Мызников; [авт. предисл. А. Кирилин; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова]. — Барнаул: Алт. дом печати, 2015. — 181, [2] с.: портр. — (Победители

краевого конкурса на издание литературных произведений).

Книга Дмитрия Мызникова «По дороге домой» издана в 2015 г. в Барнауле в серии «Победители краевого конкурса на издание литературных произведений» в номинации «Первая книга». Это — дебют молодого прозаика.

Главный герой повести Всеволод Норов осознает беспочвенность своих юношеских иллюзий о жизни в мегаполисе и решает вернуться домой — в небольшой сибирский городок. Тем самым он подводит черту под большей частью своей жизни. Можно ли пересечь эту границу так, чтобы новый шаг не стал движением вспять? Существует ли жизнь там, где она давно завершилась? Произведение отличает богатая художественная палитра и тонкое чувство языка. Книга адресована широкому кругу читателей.

*Подготовила Юлия Нифонтова,
заведующая отделом литературных и
издательских проектов
Алтайской краевой универсальной на-
учной библиотеки им. В. Я. Шишкова*

Тепляков, С. А. 550 дней Михаила Евдокимова: полит. биограф. / С. Тепляков. — Барнаул: Алтай, 2015. — 367 с.: ил.

«Когда началась эта история, мы знаем точно. Ровно в 9 утра 4 февраля 2004 года информационное агентство “Банфакс” опубликовало заметку с заголовком “Михаил Евдокимов вступает в борьбу за пост губернатора Алтайского края”. И так же точно известно, когда это все кончилось — в 12:20 7 августа 2005 года на трассе Барнаул — Бийск кофейного цвета “мерседес” губернатора Михаила Евдокимова вылетел с трассы и врезался в пригорок» (из книги «550 дней Михаила Евдокимова: политическая биография»).

Книг о Михаиле Евдокимове за годы после его гибели написано много, но все

рассказывают о нем в основном как об артисте, а период его губернаторства на Алтае описывается мельком. В книге же Сергея Теплякова, известного журналиста и писателя, обладателя звания «Золотое перо России», рассказывается о политической биографии Михаила Евдокимова. Впервые подробно и в деталях показана история выборов, которые привели Михаила Евдокимова к власти, и его короткое — пятнадцать месяцев — руководство краем. Евдокимов шел на выборы как «народный» губернатор и остался им несмотря ни на что. Основой политической биографии «550 дней Михаила Евдокимова» послужили материалы сайтов, газет, личные наблюдения автора, а также более шести десятков интервью с участниками и очевидцами событий — от сотрудников предвыборного штаба Михаила Евдокимова до его соратников и противников. Информацию автор собирал долгие годы и выпустить книгу решил к

десятилетию со дня гибели М. С. Евдокимова.

«Михаила Сергеевича не надо “полюлировать”». Он был интересным: именно таким, каким он был. Поэтому в книге описаны разные ситуации в регионе во время его губернаторства: и проблемы с отопительным сезоном, и кадровая ситуация в регионе, и неработающие школы. Если сейчас оглянуться назад, то определенно видно: Михаил Евдокимов был губернатором в переломное время. Этот человек совершил поступок. Можно по-разному оценивать, но был настоящий поступок: он сказал и сделал», — говорит Сергей Тепляков.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

*Подготовила Алла Чадаева,
главный библиотекарь отдела
обслуживания пользователей
Алтайской краевой универсальной
научной библиотеки им. В. Я. Шишкова*

— Красноярский край —

«Экология слова» Галины Шлёнской: науч. наследие и воспоминания современников / авт.-сост. Н. А. Редько. — Красноярск: Ситалл, 2015. — 352 с.

Книга посвящена памяти профессора Галины Максимовны Шлёнской — ученого, педагога, просветителя, известного не только в Красноярском крае, в России, но и за ее пределами. В книге несколько разделов: избранные статьи самой Галины Максимовны по разным вопросам литературы, интервью, переписка, а также воспоминания тех, в чьей судьбе профессор Шлёнская оставила заметный след. А таких немало! Ведь с именем Галины Максимовны связано создание

факультета филологии и журналистики Красноярского государственного университета (ныне — СФУ), становление кафедры истории литературы и поэтики, проведение всевозможных культурно-образовательных проектов, акций, которые остались в истории культурной жизни Красноярья. Своим современникам она запомнилась как неутомимый просветитель, мудрый педагог, в личности которого органично сочетались живость взглядов, непосредственность и благородство. В своих работах и интервью Галина Максимовна поднимала широкий круг вопросов, актуальных и сегодня. Издание вышло при поддержке краевой грантовой программы «Книжное Красноярье».

Тинигин, В. Следы, тропами, путями Виктора Астафьева: фотоальбом: [в 2 т.] / В. Тинигин. — Екатеринбург; Красноярск: Поликор, 2015.

Издание представляет собой своеобразный фотоальбом-путеводитель, который ведет читателя по местам, связанным с жизнью и творчеством Виктора Петровича Астафьева. Это родные ему в разное время Чусовой и Пермь, Вологда и Красноярск, Сибла и Овсянка и многие другие места нашего Отечества. При работе над альбомом автор лично прошел, проехал, проплыл и пролетел бесчисленные километры, сделал огромное количество фотографий. Их хватило на два тома, в одном из которых почти двести страниц, в другом — около трехсот. Заново прочитав все, что написано Виктором Петровичем и Марией Семёновной Астафьевой-Корякиной, а также критиками и исследователями творчества писателя, Виктор Адамович Тинигин бережно отобрал из этих произведений и переписки самые сокровенные и важные слова и сделал из них комментарии к фотографиям. Так получилось, что книга пришла к своему читателю непростым путем. Она была подготовлена к изданию и напечатана очень небольшим тиражом (всего в 50 экземпляров) в Екатеринбурге и лишь спустя месяцы, благодаря финансовой поддержке красноярского бизнесмена, двухтомник удалось издать в Красноярске уже тиражом 1000 экземпляров. Презентация фотоальбома прошла в нескольких городах России, книга получила высокую оценку читателей и литературных критиков.

Орлов, Д. От Сибири до Победы. Красноярская воздушная трасса Аляска — Сибирь / Д. Орлов, К. Орлов, В. Филиппов. — Красноярск: Поликор, 2015. — 240 с.

В годы Великой Отечественной войны Красноярск был конечным пунктом секретной авиатрассы по перегонке американских самолетов Аляска — Сибирь (АЛСИБ, «воздушная трасса Красноярск — Уэлькаль», «Красноярская воздушная трасса»). Именно здесь завершался перегон боевых, транспортных, учебных самолетов, шедших по ленд-лизу из Америки, и начинался их путь в боевые части. Эта тема долгое время оставалась в ряду малоизученных, и лишь в последние годы благодаря энтузиазму и упорству исследователей восстановлены значимые факты героической летописи воздушных перегонов. Данную книгу можно назвать документальным исследованием, на ее страницах впервые в столь полном объеме рассказано об особенностях воздушного моста, о людях, создававших и поддерживавших работу трассы ценой невероятных усилий, а порой и жизнью, описан парк авиатехники, поставлявшейся по договору о ленд-лизе на передовую, изложены ее технические характеристики. Дополнительный интерес для читателей представляют дневники участника создания трассы — начальника ее политотдела Константина Васильевича Орлова. Эти уникальные исторические документы были обнаружены в личных архивах сыном ветерана и переданы к публикации. Книга содержит большое число фотографий, карт, схем и планов. Издание вышло при поддержке краевой грантовой программы «Книжное Красноярье».

*Подготовила Ксения Похабова,
заведующая сектором отдела
краеведческой информации
Государственной универсальной научной
библиотеки Красноярского края*

Между: альм. сиб. актуал. поэзии: вып. 1 / [сост., ред. О. Полежаев, С. Шуба, авт. вступ. ст. В. В. Мароши]. — Новосибирск: iZZdat, 2015. — 248 с. — На обл. в подзаг.: Абакан, Барнаул, Кемерово, Красноярск, Междуреченск, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Томск.

Настоящий выпуск альманаха знакомит читателя с творчеством нового поколения современных поэтов Западной Сибири.

Сибирские поэты мастерски владеют всеми жанрами современной поэзии — от саркастической реплики до философского монолога.

Впечатляет поэзия ранее неизвестного автора из Томска Андрея Верхова. Творчество Ольги Дмитриевой (Лели Серебряной) из Абакана овеяно осязаемым ароматом степи. Творчество Ариавы Сицуно (Дарьи Сильченко) из Кемерово поражает своеобразным монументальным размахом формы и необычными образами.

В поэтическом сборнике представлены стихи новосибирцев Бориса Гринберга, Александра Дурасова, Андрея Жданова, Кристины Кармалиты, Екатерины Климаковой, Олега Копылова, Дмитрия Королёва, Виталия Красного, Глеба Манжалея, Антона Метелькова, Михаила Моисеева, Михаила Немцева, Олега Полежаева, Ивана Полторацкого, Юрия Татаренко, Сергея Шубы. Надо отметить, новосибирцы стали менее лиричны: за последние годы образовалась своего рода сибирская «поэтическая Москва», с ее иронией, парафрастичностью, осторожным эпатажем, эффектным вулгаризмом или уместным обсценом, философствованием, приматом «речи» над смыслом.

Поэты сибирских городов явно меньше тяготеют к эмоциональной открытости и тематике поэзии, продолжающей традиции русского и советского лирического мейнстрима. Что симпатичнее и за кем будущее? Это предстоит решать читателям альманаха.

Свет Родины: сб. стихов поэтов Кышт. р-на / [авт. вступ. ст. Н. В. Кузнецов]. — Новосибирск: Совет. Сибирь, 2015. — 216 с.: портр.

Книга издана к 90-летию Кыштовского района и 285-летию села Кыштовка.

В сборник вошли стихи кыштовских поэтов, в том числе и молодых, о природе, о людях, о войне, о жизни района. Приводятся краткие биографические сведения об авторах.

Издание подготовлено к печати в соответствии с планом работы оргкомитета «Победа» при финансовой поддержке Правительства Новосибирской области.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Мартышев, Е. Ф. Невиданный цвет: стихи / Е. Ф. Мартышев. — Новосибирск: Ред.-изд. центр «Новосибирск» НПО СП России, 2015. — 320 с.

Евгений Фёдорович Мартышев — поэт, журналист, руководитель областного литературного объединения «Молодость», член Союза писателей России.

В новый лирический сборник Е. Ф. Мартышева вошли стихи о поэзии, любви к Родине, женщине, матери и природе. Автор предстает тонким проникновенным художником с собственным видением мира и самобытным поэтическим словом.

Новосибирск. Полвека задач и решений / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории; сост. Л. Харитонова, А. Никитин; [предисл. В. Г. Беженаря]. — Новосибирск: Гарамонд, 2015. — 252, [1] с.: портр.

В книге представлены воспоминания выдающихся людей Новосибирска и Новосибирской области, связанные с их деятельностью во второй половине XX — начале XXI в. Это ученые, руководители районного, городского и областного управ-

ней. Основой текстов стали выступления, записанные на видео для хранения в Институте истории СО РАН. В качестве иллюстраций использованы кадры кинохроники из архивов Западно-Сибирской киностудии.

Сборник представляет интерес для историков, социологов и широкого круга читателей.

*Подготовила Елена Войтушенко,
главный библиограф отдела краеведения
Новосибирской государственной
областной научной библиотеки*

== Республика Хакасия ==

Ахпашева, Н. М. Зеркала в зеркалах: стихи / Н. Ахпашева; [худож. В. Кызласов; автор вступ. ст. А. Г. Грибков]. — Абакан: [Дом литераторов], 2015. — 119, [1] с.: ил.

Эта книга — новая яркая страница в поэтическом творчестве Натальи Ахпашевой. Несомненно зрелый, выношенный результат многолетней работы и настоящий подарок для почитателей ее дарования.

Шестой сборник Натальи Ахпашевой составляют стихи, написанные после 2000 г. и ранее опубликованные в российской литературной периодике, в том числе в центральных еженедельных изданиях «Литературная газета» и «Литературная Россия», журналах «Сибирские огни», «День и Ночь», «Байкал» и др. «Зеркала в зеркалах» — это размышления о любви и судьбе, о человеке и космосе, о счастье и долге...

Тугарин, А. Д. Седой камень: [автобиогр. очерки участника Великой Отечеств. войны] / А. Тугарин; М-во культуры Респ. Хакасия, Дом литера-

торов Хакасии. — Абакан: [Дом литераторов Хакасии], 2015. — 85, [1] с.

Участник Великой Отечественной войны Антон Давыдович Тугарин описывает свой боевой путь, битву за Кёнигсберг, Берлин и другие эпизоды сражений.

Очерки подкупают искренностью и полнотой описания событий, происходивших на фронте. Они интересны с точки зрения переживаний рядового солдата — участника тех великих событий. Для подрастающего поколения они несут большой воспитательный потенциал, пробуждая чувство патриотизма и гордости за своих земляков-героев.

Для широкого круга читателей.

Архивные документы в системе объективного научного знания об истории Сибири: материалы II Межрегион. науч.-практ. конф. по теме: «Социокультур. пространство: арх. наследие и перспективы развития» / [ред. совет: В. М. Райс, О. И. Окольников и др.]; М-во культуры Респ. Хакасия, Гос. казен. учреждение Респ. Хакасия «Нац. архив». — Абакан:

Бригантина, 2014. — 273 с.: ил., табл., карта.

В сборнике представлены материалы II Межрегиональной научно-практической конференции «Архивные документы в системе объективного научного знания об истории Сибири» по теме «Социокультурное пространство: архивное наследие и перспективы развития», прошедшей 16 октября 2014 г. в Абакане. В них отражены результаты научных и краеведческих исследований по проблемам современного состояния и динамики развития социокультурных пространств регионов Сибири. Статьи опубликованы в авторской редакции.

Сборник представляет интерес для историков, архивистов, культурологов, аспирантов, студентов, краеведов и других специалистов, интересующихся исто-

рией, культурой, историко-документальным наследием Сибири.

Шоева, М. П. Корни и ветви рода Чудогашевых: (по док. из архивов и воспоминаниям родственников) / М. Шоева; Респ. Совет старейшин хакас. народа. — Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2015. — 196, [4] с., [23] л. ил.: ил., портр., факс. — (Да, мы оттуда — из глубин веков).

Откуда идут корни родового древа, как появлялись и ветвились по столетиям многочисленные веточки, кто наши родственные души? Что мы переняли у них, похожи ли мы на них, чего достигли в своей жизни наши родичи, чем занимались? И наконец, где же упокоен их прах? Ответы на эти и другие вопросы пытается найти автор.

*Подготовила Светлана Ходякова,
заведующая отделом государственной
библиографии Национальной библиотеки
им. Н. Г. Державина*

Павел МУРАТОВ

ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИХ. НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ХОМКОВ

Николай Хомков прибыл в Новосибирск летом 1932 г. Он успел окончить Казанский художественный техникум, где был отмечен педагогическим советом как подающий надежды художник, побывал с группой учащихся в Москве и Ленинграде на так называемой музейной практике, изучал подлинники великих живописцев. До нас дошли его копии произведений В. А. Серова, К. А. Коровина, Франса Хальса, Рубенса, Сезанна. Хомков становился грамотным, даровитым живописцем.

Но условия жизни мало способствовали развитию таланта Николая Петровича. Сразу после техникума пришлось идти в армию. После недолгой службы в армии возникли семейные трудности. И вот он в Новосибирске.

Год прибытия Хомкова в Новосибирск — особенный. 23 апреля вышло постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», давшее ход Союзу художников СССР. Пришло время планируемой в партийных структурах художественной жизни и системы периодических выставок в ней. Большие выставки по мере сил их организаторов превращались в наглядный пример торжества идей социализма, малые выставки практически не устраивались.

Но если представительные планируемые выставки проходили регулярно и все художники местных творческих организаций в них участвовали, то выставки персональные, показывающие художника как личность со своим особенным пониманием частных и общих проблем жизни и искусства, вплоть до второй половины 50-х гг. устраивались редко. Право на них имели художники, достигшие почтенного возраста или заслужившие бесспорный авторитет. Несколько персональных выставок устроил И. В. Титков, неуклонно поднимавшийся от заслуженного деятеля искусств РСФСР до народного художника РСФСР, кавалера ордена Ленина; одну большую персональную выставку к концу жизни праздновал М. А. Мочалов, постоянно занимавший в сфере культуры какие-либо руководящие должности; но вот Огибенин за всю свою восьмидесятилетнюю жизнь не имел ни одной персональной выставки. С течением времени отношение к выставкам и самый характер их менялись, прошлое забылось, а без него многое в искусстве давних лет стало непонятным.

Хомкову было шестьдесят лет, когда в новосибирском Союзе возникло намерение устроить его персональную выставку. Не сам Хомков заговорил о ней. Персональную выставку Николая Петровича

заявил Н. Д. Грицюк в интервью корреспонденту газеты «Советская Сибирь». Грицюк в 1965—1966 г. занимал пост председателя Новосибирской организации Союза художников. По долгу службы ему приходилось прилюдно рассказывать о работе правления, уведомляя сограждан через газету о планах его на ближайшее время. В очередном интервью он и упомянул ожидаемую выставку, охарактеризовав ее как «интересную».

По неизвестным причинам эта выставка состоялась не в 1966 г., как ожидалось, а только в 1975-м, почти десять лет спустя после заявления о ней Грицюка. Но все-таки состоялась.

Каталог выставки сопровождает биографическая справка художника, статья А. А. Бертика о нем и уведомление о том, что каталог составлен автором выставки, то есть самим Хомковым. Видимо, Хомков подводил итоги творческой жизни и хотел явиться перед публикой без лишнего груза заказных работ, ведь ему уже семьдесят лет, он вынужден искать помощи в больницах и санаториях. Нам это уведомление дает полное право на доверие как к списку работ на экспозиции, так и к выбору воспроизведенных в альбомной части каталога произведений. Именно таким, каким его показывает каталог, он, надо думать, и хотел выглядеть в свои поздние годы.

Во вступительной статье Бертика сказано: «Работу над тематической картиной он считает основой своего творчества». Слова Бертика сомнений, конечно, не вызывают. Художники, прошедшие через выставки 1930—1950-х гг. с их программным тематизмом, иного и не могли сказать. На Пятой областной выставке, проходившей в 1940 г., именно тематические картины «На отдыхе» и «Сталин в нарымской ссылке» были выделены среди окружающих их произведений как наиболее достойные и при-

обретены — одна кооперативным товариществом «Художник», другая областным отделом искусств. Та и другая принадлежат тематическому ряду, но как они различны! «На отдыхе» — группа из пяти человек в загородном просторе — написана с явным пафосом света и воздуха. При этом Хомков невольно приблизился к импрессионистам, опираясь на цвет и тон в первую очередь, не на рисунок. Картина «Сталин в нарымской ссылке» тоже показывает людей в природе, но необходимость выявить портретное сходство, Сталина в первую очередь, не позволила автору написать пейзаж и фигуры людей в нем овеванными светом и воздухом. Свет и воздух размывают контуры, затушевывают рисунок цветовым пятном. Картины, заметим, писаны одновременно, обе они, каждая по-своему, трактуют жанровую сцену в природе, метод их живописи мог быть единым, но не стал единым. И выходит, что типологическое сродство, отмеченное Бертиком, слишком общо, слишком суммарно, чтобы выявить характер творчества живописца.

Бертик — сам художник, он умел сказать о существенном в характере искусства, когда от общеэстетических формулировок переходил к непосредственному восприятию живописи. «Первое впечатление, — по его наблюдениям, — это самобытность видения: в колорите, в прочтении характера человека, в чувстве национальной особенности».

Сейчас, по прошествии сорока лет со времени выставки Хомкова (она проходила в Новосибирской картинной галерее), восстановить ее экспозицию уже невозможно. Однако сохранившихся произведений Николая Петровича и репродукций их достаточно, чтобы мысленно увидеть ее общий художественный тон.

На ней не было и признаков парадности, обязательной для заслуживающих

внимания художественных событий. Герои его картин не делают резких движений, не жестикулируют, лица их спокойны и большей частью задумчивы. В ряде случаев их задумчивость соответствует характеру сюжета, например в картине «Письмо» (1967), изображающей солдата в каптерке у огня от открытой печи, или в картине с женским профилем, так и названной — «Раздумья». Однако и без подкрепления сюжетом люди Хомкова чаще всего пребывают наедине с собой. Внешне они именно такие, какими их видели в быту, не героизированные, не вознесенные к облакам, и задумчивость их обычная житейская, жизненная. «Правда жизни», о которой так много говорилось на обсуждениях выставок 1930—1950-х гг., вот она тут и есть. И она оказывается негероической и потому в искусстве того времени непривычной.

Ровесникам Хомкова всем без исключения пришлось пережить обвинения в формализме. Вот один из случаев.

«Вспомним хотя бы эскиз молодого способного художника Хомкова — «Расстрел бийских коммунаров». <...> Вместо реалистического показа живых людей-героев художник создал какую-то какофонию, с нарочито задуманной гаммой цвета и красок. Группа расстреливаемых дана в красной мгле, группа врагов погружена в голубой туман. Вместо показа великого героизма умирающих коммунистов — дешевая символика» (И. Б. Странное молчание // Советская Сибирь, 1936, 17 марта).

В тридцатых годах защищаться от такой критики не было возможности. Несогласие со всеведущим критиком могло переломить судьбу несогласного. В другой обстановке, на общем собрании членов Союза художников, Хомков все-таки высказался против обвинений, хотя и не упомянул процитированного критика. «Меня обвинили в формализме, — гово-

рил на собрании художник Хомков, — а никто из оргкомитета не мог толком объяснить, что такое формализм». Понимая, что плетью обуха не перешибешь, Хомков начал отходить от символики цвета и отошел насколько мог. Но цвет с его палитры не исчез, он как бы впитался в палитру и невольно ложился под кисть. Отмеченная нами задумчивость его героев смягчалась, облагораживаясь цветностью, неяркой, не бросающейся в глаза, тем не менее все освещающей, переводящей иногда драматическую задумчивость в тонкую лирику.

Иная работа с цветом, с формой выявлялась натюрмортами 1930-х гг., составленными и написанными с оглядкой на Сезанна. О Сезанне еще в середине 1960-х гг. официально говорилось как о враге искусства вообще и социалистического реализма в частности. Включая эти натюрморты в экспозицию, Хомков невольно показывал, что он так до конца и не изменил своим опрометчивым симпатиям.

Вот что говорилось в словаре терминов изобразительного искусства о Сезанне и сезаннизме в 1965 г., то есть приблизительно в то время, когда Грицюк задумался о персональной выставке Хомкова: «Сезаннизм — направление модернистического искусства, основоположником которого был французский живописец П. Сезанн. <...> Изгнавший из живописи социальное и психологическое содержание, свет и воздух, сезаннизм послужил отправной позицией для последующих ликвидаторских реакционных течений вроде кубизма и вецизма, уже окончательно покончивших с живописью как с изображением реального мира».

Неизвестно, как бы составил Хомков свою персональную выставку, если бы она открывалась по плану Грицюка в 1966 г.; в 1975 г. он должен был удивить многих отсутствием в экспозиции «идей-

но выдержанных» полотен. Нами уже упоминалась картина «Расстрел бийских коммунаров», добавим к ней «Шахтеры в вооруженной борьбе с колчаковщиной (отряд Петра Сухова)», «Сталин в нарымской ссылке», «На рассвете. Сталин среди рыбаков Курейки», «Работа депутата Верховного Совета СССР И. А. Многолетнего на сцпе трех комбайнов», «Вручение ордена Ленина коллективу завода в период Великой Отечественной войны». Хомков не был художником не от мира сего. Он, как и все его ровесники, подчинялся тем условиям, в каких ему приходилось работать, но подчинение подчинению рознь. Есть бездумное своекорыстное подчинение, а есть подчинение при сохранении собственного достоинства. Случалось, Хомков выступал публично совершенно по-партийному: «Сочетая творческую работу с общественной, я ни на минуту не забываю, что вся деятельность советского художника должна быть подчинена задаче идейного воспитания трудящихся в духе коммунизма», — хотя выступления подобного рода были редки и на творчестве они не отражались.

Хомкову дольше, чем кому-нибудь другому из новосибирцев, пришлось носить солдатское обмундирование — вместе с коробкой акварели и кистью. Сначала его призвали в соответствии со всеобщей воинской повинностью сразу после окончания Казанского художественного техникума (1930—1931), затем пошли ежегодные летние военные лагеря (1932—1939). Ему довелось участвовать в войне с японцами на Халхин-Голе (1939—1940). С 1941 по 1945 г. он — участник Великой Отечественной войны, оставшийся, к счастью, живым. Если судить по каталогу персональной выставки, армию, войну он не видел. Он видел последствия войны — руины городов, разруху. И жи-

вучесть перенесших тяготы войны. Такова его картина «Снова в родном колхозе» (1947), изображающая двух женщин на пригорке возле открытого подполья и колодца с журавлем. Название картины «Снова в родном колхозе» точно не отличается. Признаков колхоза в ней нет. Весь колхоз — это они сами среди убогой обстановки, превращаемой ими в жилую. В их хозяйстве уцелевшая в боях лошадь с хомутом. Больше в картине ничего нет, но дух послевоенного времени в прифронтной полосе передан прочувствованно, правдиво, выразительно. Удачна точка зрения снизу вверх на всю сцену. Понятна судьба женщин, вернувшихся на родное пепелище. Хомков по праву получил за нее диплом Комитета по делам искусств при Совете министров РСФСР. Никто из художников Новосибирска так просто и неотразимо не трактовал беды войны. Почти все фронтовики войну показывали в атаках, в грохоте военной техники, в салютах в честь Победы. А Хомков увидел войну в ее неизбежных последствиях и в преодолении их людьми, сохранившими жизнь и волю к жизни.

Война прошла, отражение ее в живописи постепенно затухло. Мирная жизнь улыбнулась Хомкову тематикой Севера.

Север в его биографии — почти неизбежность. Начиная с 1930-х гг. писать картины, тематически связанные с биографией Сталина, было почти обязанностью каждого художника Сибири. Сталин побывал в ссылке на обском Севере, в Нарыме. Художникам давали командировки в Нарым, чтобы они проникались там героической судьбой вождя. Побывал в Нарыме и Хомков, задумавший картину «Сталин в нарымской ссылке». Картина была признана удачной, ее приобрел областной отдел искусств. С рубежа 1940—1950-х гг. возник новый стимул объезжать с этюдником Север: началась

разработка нефтеносных районов. Художник — он же пропагандист и агитатор, с точки зрения партийных работников, и вот в 1951 г. уже не в Нарым, а гораздо севернее, севернее Сургута, Ханты-Мансийска, севернее Берёзова, в Ванзеват, поехали Мочалов и Хомков зарисовывать новостройки. Мочалов именно ими и занялся, Хомков же и тут стал заниматься не тем чем следовало. Экскаваторы, горы вырытой ими земли, вместительные трубы Хомков мог рисовать и в Новосибирске, но здесь, на Севере, перед ним лежала другая, околдованная первозданной тишиной земля, ее оведал прозрачной голубизны воздух, серебряной тенью накрывала белая ночь, здесь жили другие люди, жили мирно и доброжелательно, в полном согласии с природой. Хомков наполовину превратился в этнографа. Он зарисовывал традиционную одежду хантов, их манеру одеваться, их домашнюю утварь, способы рыбной ловли — все как

положено изучающему жизнь народа человеку.

После 1951 г. он ездил на Север уже один, по своим собственным заданиям. Все шло как желалось и шло бы так до последних дней Хомкова, если бы не его пошатнувшееся здоровье.

На персональной выставке Хомков показал картины «Белой ночью» с хлопотами рыбаков у берега реки, «С пастбища. Доярки Севера», написанную с очевидной симпатией к изображенным хантыйкам, «Хантейскую мадонну», образ простой и величественный. В сокращенном варианте он показал эту выставку в обском пригороде Новосибирска, в Ташаре, где располагалась лесоперевалочная база.

Конец жизни художника Хомкова прошел в одинокой темноте. Он ослеп, ослабел, не выходил из квартиры. Видеть его живопись, радоваться ей дано нам, его наследникам.

АВТОРЫ НОМЕРА

Глушков Роман Анатольевич родился в 1975 г. в Тогучине Новосибирской области. Автор многочисленных сборников фантастической прозы.

Голодяев Константин Артёмович родился в 1962 г. во Владивостоке. Историк, краевед. Автор работ по начальной истории города Новосибирска и Новосибирской области, региональной генеалогии, этнической истории региона, протогородской истории. Работает в Музее города Новосибирска. Живет в Новосибирске.

Горшенин Алексей Валериевич родился в 1946 г. в Ульяновске. Окончил Томский государственный университет. Работал в новосибирских газетах, в журнале «Сибирские огни». Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Октябрь», «Молодая гвардия» и др. Автор книг «Человек среди людей», «Беседы о сибирской литературе» и др. Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

Гравицкий Алексей родился в 1978 г. в Москве. Писатель-фантаст, сценарист. Автор ряда фантастических романов, повестей и рассказов.

Копылов Олег родился в 1976 г. в Железногорске-Илимском Иркутской области. Окончил Иркутскую государственную экономическую академию. Публиковался в иркутских газетах, интернет-журналах «Ликбез», «45-я параллель» и др. Работает в телекоммуникационной компании. Живет в Новосибирске.

Кузичкин Сергей Николаевич родился в Тайшете Иркутской области в 1958 г. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Работал журнали-

стом в газете. Автор девяти книг прозы и сборника стихов. Редактор альманаха «Новый Енисейский литератор». Живет в Красноярске.

Муратов Павел Дмитриевич — кандидат искусствоведения, член Союза художников России. Живет в Новосибирске.

Романова-Сегень Наталья окончила Уральский государственный педагогический университет, работала в психотерапевтическом центре, а также внештатным экскурсоводом Новгородского государственного музея-заповедника. Училась в Литературном институте им. А. М. Горького. Член Союза писателей России, автор сборников прозы. Публиковалась в журналах «Смена», «Юность». Живет в Москве.

Федоровский Игорь Сергеевич родился в Омске в 1988 г. Окончил филологический факультет Омского государственного университета. Публиковался в изданиях Омска, Москвы, Красноярска, Уфы, Барнаула. Автор нескольких поэтических и прозаических книг, вышедших в Омске и Торонто. Работает корреспондентом газеты «Красный путь». Живет в Омске.

Ярцев Вадим Аркадьевич (1967—2012) родился в пос. Пашино под Новосибирском. С 1972 г. жил в Усть-Куте Иркутской области. Окончил исторический факультет Иркутского государственного университета. Работал грузчиком, диспетчером, мастером по отгрузке леса, учителем истории. Автор поэтического сборника «И все же несколько минут я был свободен» (Усть-Кут, 2010). Второй сборник, «Марш славянки» (Ангарск, 2013), выпущен посмертно.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

Верстка: *О. Н. Вялкова*

Корректурa: *М. Н. Долгов*

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19,

тел.: **(383) 223-10-15**

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Сдано в набор 12.04.2016 г. Подписано в печать 5.05.2016 г.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7.

Тираж 1500 экз.

<http://книгосибирск.рф>

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.